

Не Велимир, но — Хлебников!

Олега Хлебникова никогда не смущала его фамилия. Поэт со своим голосом, автор 12 книг, недавний лауреат премии «Венец» может быть чьим угодно однофамильцем — это ему не повредит. Но всё могло быть иначе, если бы девушка, влюблённая в юного поэта, не послала письмо в легендарный «Алый парус»...

СТР. 4

Чего ж нам ждать теперь?

Существует устойчивый запрос общества на власть, которая не врёт, на власть без «кумовства», на власть, которая служит, а не кормится. Удовлетворение этого запроса должно стать главным пунктом повестки дня третьего срока президента Путина.

СТР. 2

Кто спасёт наши деревни?

За прошедшие 20 лет в нашей стране не стало 20 тысяч сёл и деревень. Ещё 20 тысяч на грани вымирания, в них осталось жить по 5–7 стариков. Неужели в перспективе нас ждёт опустевшая страна с её огромной территорией, где немногочисленный народ будет жаться в паре-тройке десятков мегаполисов? Очерк об этом читайте

НА СТР. 9.

Юрий Горбощ: 80!

На сцене МХАТа им. Горького актёр «старой школы», которая учила не играть, а быть и со своим героем жить и умирать, любить и страдать и каждый раз, уходя с подмостков, оставлять в душе зрителя частичку себя.

СТР. 14

«Когда вернись в казанские снега»

Вот и прошли сороковины со дня кончины поэта, прозаика, драматурга, историографа и переводчика Равиля Бухараева. Эта публикация — своеобразный венок поэту, составленный из писем и стихов писателей, живущих в разных городах и странах. И, разумеется, голос самого Равиля продолжает звучать для всех, кто любил этого светлого человека и носителя высокого дара.

СТР. 15

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 16454 человека. Заходите!

9 770233 430004

12011

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году
при участии А.С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году
при поддержке М. ГОРЬКОГО

www.lgz.ru

Literaturnaya Gazeta

EUROPE: D – 2,20€; A – 2,30€;
B – 2,30€; PL – 12,90 PLN; L – 2,30€;
CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50€;
I – 2,50€; GR – 2,5€; CYP – 1,35 CYP;
TR – 5 M. TRYL; CH – 3,50 CHF; GB – 1,80
GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK;
NOR – 23,00 NOK; E – 15 EGP;
USA – 2,50\$; C – 2,5 CAD

Международное издание

Выходит по средам

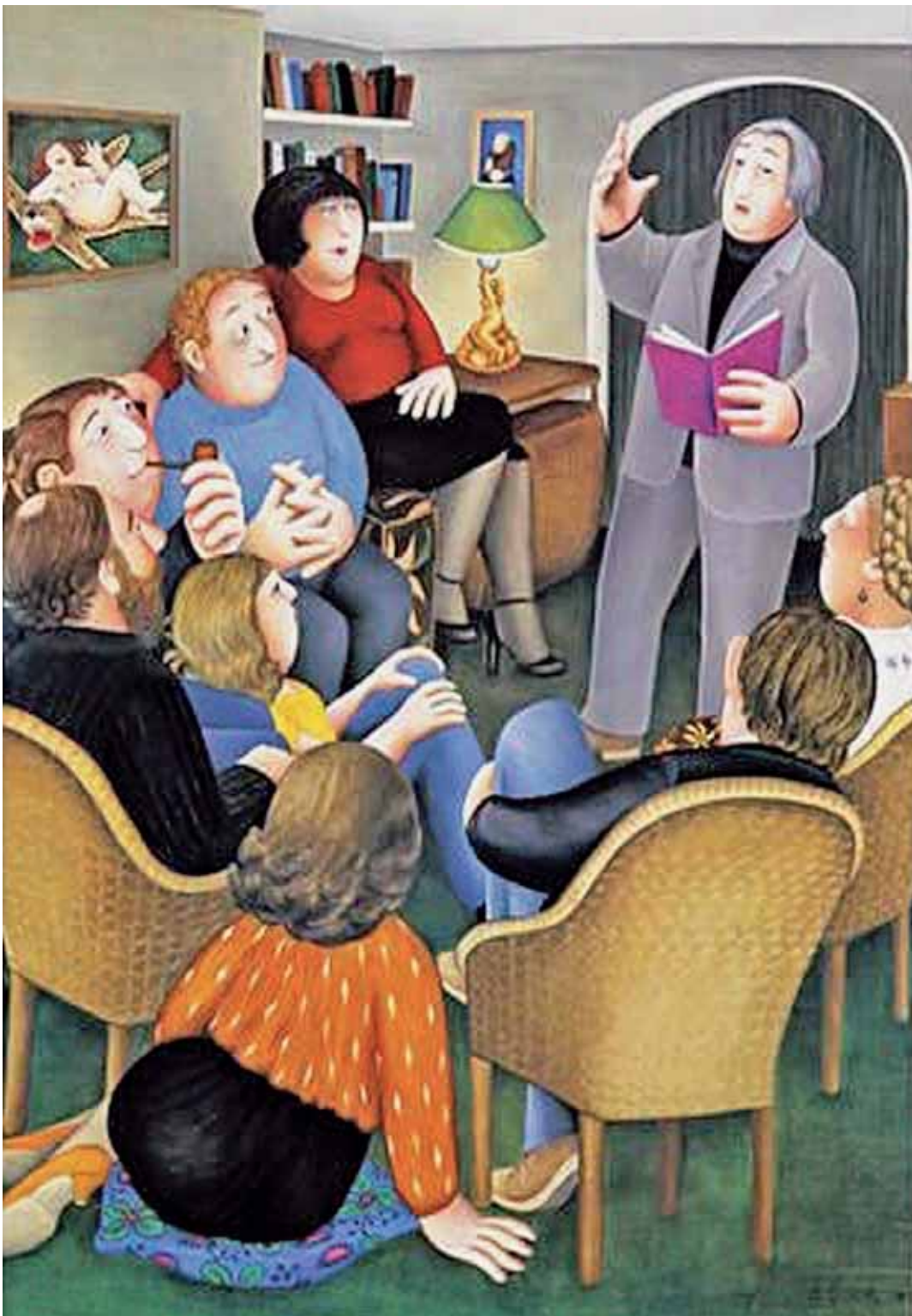
«Стихотворения чудный театр»

21 марта — Всемирный день поэзии

Россию трудно удивить стихами и ещё труднее в этом деле опередить. Первый альманах «День поэзии» вышел ещё в 1956 году – и продолжает выходить вопреки всем кризисам. Было время, когда послушать и почитать стихи собирались на Маяковке тысячные толпы, и их никто не разгонял – напротив, охраняли. Легендарные вечера в Политехническом не могли вместить и половины желающих. Большая спортивная арена в Лужниках, когда там выступали поэты, заполнялась не в пример нынешним футбольным матчам.

На 30-й сессии ЮНЕСКО в октябре-ноябре 1999 года к такому знакомому и привычному нам словосочетанию был добавлен эпитет «всемирный». Этот день поэзии в России прижился вполне органично в отличие от большинства новых праздников, хотя, как это часто случается, рулят им те, кто поэтом является лишь по самоназванию. В 2000 году в новом статусе День поэзии отмечался одновременно в Париже, где находится штаб-квартира ЮНЕСКО, и в Театре на Таганке. Вот уже третий год подряд 21 марта настужь распахивает двери поэтам и любителям стихов ЦДЛ. Выступления поэтов проходят по всей стране.

«Поэзия может стать ответом на самые острые и глубокие духовные вопросы современного человека, но для этого необходимо привлечь к ней как мож-

Вячеслав

но более широкое общественное внимание», – говорится в сообщении ЮНЕСКО по поводу учреждения Всемирного дня поэзии. Но как женщину необходимо чтить не только 8 Марта, так и стихи полезно читать не толь-

ко 21-го. Стихами нужно жить – они того стоят. Не зря же сказала незабвенная Белла Ахмадулина:

«Вкратце – всей жизнью и смертью – разыгран стихотворения чудный театр».

НА СТЫКЕ ВЕКОВ

Четвёртая власть в эпоху перемен

Презентация энциклопедического издания «Журналистика на стыке веков: Люди и судьбы», о выходе которого мы уже сообщали в «ЛГ-рейтинге», состоялась в Центральном Доме журналиста. Тысячестраничный фолиант подготовлен Союзом журналистов Москвы и выпущен в рамках Издательской программы правительства Москвы.

Презентацию открыла первый секретарь Союза журналистов Москвы, руководитель проекта издания Л. Щербина. Среди выступавших были президент факультета журналистики МГУ Я. Засурский, авторы и герои книги Г. Боровик, Г. Пряжин, А. Пьянов, М. Розовский, Л. Графова, Э. Графов и другие.

В том представлении более 130 известных мастеров печати, радио, телевидения и Интернета. Включены также восемь фотоголере знаменитых корреспондентов. Знаменательно, что около тридцати героев книги в разное время работали или сотрудничали в «Литературной газете».

ТЕЛЕСПОРЫ

Претензии к пуговицам

С известной телеведущей Никой Стрижак «ЛГ» беседует в прозрачной студии знаменитого со времён Ольги Берггольц Дома радио на Итальянской, 27. Отсюда несколько раз в неделю Ника ведёт прямой эфир своей «Открытой студии» на 5 канале.

– Вы, конечно, помните прежнее ленинградское ТВ, которое снимало фильмы (в том числе несуществующие ныне фильмы-спектакли, фильмы-балеты), а в перестройку прославилось новыми публицистическими формами. Что приобрело, а что потеряло современное ТВ?

– Телевидение – это очень быстро развивающийся процесс. Двадцать лет назад никто не мог сказать, что будут Интернет, айфоны, айпады. Пресса сделала невероятный рывок. Телевидение стало очень технологичным. Это «звончая» картинка, это телемосты, спутники. Качество всего – звука, цвета, компьютерной графики – очень высокое. Когда говорят о модернизации – это не к нам, у нас с ней порядок. Уже с 2012 года страна перейдёт на цифру, и это здорово. Если раньше ТВ выигрывало соревнование с газетой, то теперь главный конкурент – Интернет.

Сейчас можно увидеть в прямом эфире то, что происходит на другом конце планеты. Но: хотя Интернет быстрее, ТВ по доступности всё ещё более массовое. Если в мире происходит что-то очень важное – хорошее или

плохое, олимпиада, свадьба принца Уильяма, теракт 11 сентября, – именно ТВ может показать это всему миру в прямом эфире. Ведь в чём такой взлёт ТВ конца 1980-х – начала 1990-х? Не в технологии, а в информационном прорыве. Профессионализм копился долгие годы, и, когда стало возможным говорить, – всё это выстрелило: ГУЛАГ, безэмиграция, репортаж Саши Невзорова из крематория – это было внове, была возможность сказать о многом впервые. Журналисты 5 канала тогда этим воспользовались. Сейчас очень трудно прорваться. Поэтому, с одной стороны, – политновости, а с другой – жёлтые факты, потому что и здесь хотят быть первыми! Все ищут незанятые ниши.

– Ваше отношение к «господину рейтингу»?

– Рейтинг – это правила игры. Все его не любят, а деваться некуда. Он важен для понимания популярности канала. Хотя где стоят эти пипл-метры – непонятно. Я таких людей не встречала, они засекречены больше, чем шпионы. Пипл-метры ставят по социологической выборке – у сан-

техника, профессора, пенсионерки, создавая тем самым картину всех возрастов и социальных слоёв страны. Но мы-то работаем всё равно на более узкую аудиторию, поэтому выигрывает тот, кто охватит максимально больше разных людей. Вот почему концерт не может соревноваться с комедией. Когда делаешь программу о классической музыке и на следующий день к тебе постоянно подходят в филармонии и говорят, что видели эту передачу, – это значит, что ты идеально сработал на целевую аудиторию. Но по рейтингу это могут быть очень печальные цифры, рейтинг канала «Культура» не может сравниться с рейтингом Первого канала, где смотрят Малахова и «Давай поженимся». Мы смотрим рейтинг каждой программы, чтобы высчитать, какие темы интересны зрителю. Должна быть зрительская заявка на тему. А зритель хочет узнать про пенсии, дороги и потребительскую корзину. Хотя мне очень хочется поговорить о Шумане и Бетховене. Но что делать.

Окончание на стр. 10

«ЛГ»-РЕЙТИНГ

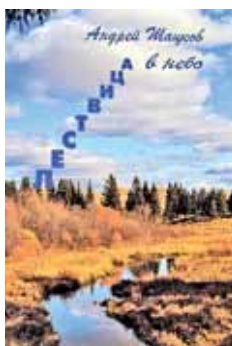

● В.В. Бородаевский. **Посох в цвету:** Собрание стихотворений. – М.: Водолей, 2011. – 400 с. – (Серебряный век. Паралипоменон). – 400 экз.

Казалось бы, о Серебряном веке любители поэзии знают всё. Однако время от времени появляются новые имена, украшавшие эту славную эпоху. Валерий Бородаевский (1874–1923), поэт религиозно-философского склада, в 1909 году заявил о себе сборником стихотворений, вышедшим в издательстве Вяч. Иванова «Оры». Но, выпустив в 1914 году второй сборник, отошёл от литературного процесса и надолго оказался забыт. Настоящее издание – первый опыт полного собрания стихотворений Бородаевского, значительная часть которых публикуется впервые.

● Г.А. Обернихина, В.А. Обернихин. **Уроки поэзии: Поэтические шедевры русских поэтов XVIII–XIX вв.:** Учебное пособие / Под ред. Г.А. Обернихиной. – ИНФРА-М, 2012. – 463 с. – 1000 экз.

Редкое на современном рынке учебной литературы пособие посвящено русским поэтам XVIII–XIX вв. В справочной части представлены материалы, важные для творческого прочтения и восприятия стихотворений; в обзорных темах прослеживаются особенности развития поэзии в конце XVIII–XIX вв. В монографических главах освещаются основные факты биографии и общая характеристика творчества поэта, даются тексты стихотворений, комментарии к ним, система вопросов и заданий для анализа, материалы для выполнения творческих работ. Пособие предназначено для школ, лицеев, гимназий, средних специальных учебных заведений.

● Андрей Шацков. **Лестница в небо:** Избранное. – М.: Издательство журнала «Юность», 2012. – 416 с. – 1000 экз.

В книгу Андрея Владиславовича Шацкова, выпущенную к его 60-летию, вошли избранные стихотворения. Это в общей сложности одиннадцатый сборник поэта. В то же время сюда включены и стихи, написанные в самый последний период. Шацков не только гражданин и философ, но и тонкий лирик, наблюдательный художник, от взгляда которого не ускользнут и самые простые подробности быта:

*Оспийский вороний гай.
Скупой воробышкин прыг.
Протёкший в угах сарай.
Засруженный льбами погреб.*

Эти стихи выглядят почти архаичными в контексте современной «актуальной» литературы, перегруженной заумью. Но это и есть настоящая поэзия.

ВЕРНИСАЖ

«Знаменитый и неизвестный Карл Брюллов»

ИТАР-ТАСС

Впервые широкой публике представлен «Итальянский альбом» известного русского художника Карла Брюллова в Санкт-Петербурге в Инженерном (Михайловском) замке (Филиал Государственного Русского музея). В альбом вошли рисунки, сделанные художником в 20–30-е годы во время первой поездки в Италию.

ФОТОГЛАС

Николай МЕЩЕРЯКОВ

13 марта, в годовщину смерти известного телеведущего, историка театра, писателя Виталия Вульфа, в Банном переулке столицы открылась библиотека, которой присвоено имя автора «Моего серебряного шара». Никогда ещё эти стены не видели такого количества знаменитостей! Народные артисты СССР Татьяна Доронина и Элина Быстрицкая, главный редактор телеканала «Культура» Сергей Шумаков, народные артисты России Алла Демидова и Ирина Мирошниченко трогательно и тепло вспоминали Виталия Яковлевича, с уходом которого наша культура потеряла верного своего защитника. Инициатором именной библиотеки стал начальник управления культуры ЦАО Ромульд Крылов-Иоко, который собирается превратить её в культурный центр. Скоро сюда переедет, к примеру, роаяль из квартиры Вульфа. Фотография на память — художк МХАТа им. Горького Т. Доронина и Р. Крылов-Иоко.

ИТАР-ТАСС

ИТАР-ТАСС

В ночь на пятницу на Кутузовском проспекте богиню победы вместе с колесницей спустили с Триумфальной арки на землю, чтобы отвезти в реставрационные мастерские. Далее снимут для ремонта скульптуры «Храбрость» и «Твёрдость» — они тоже в аварийном состоянии. Триумфальная арка должна быть отреставрирована полностью к сентябрю, к дням празднования 200-летия победы в Отечественной войне.

ЗЛОБА ДНЯ

Чего ж нам ждаты теперь?

Добиваться перемен

Евгений АНДРЮЩЕНКО, доктор социологических наук

В последнее время под одобрение тех, кого теперь именуют «болотными», в наши законы предлагается внести правовые нормы, грозящие единству страны реальным ростом сепаратизма. Такое уже случилось в истории России. Вспомним, как Керенский со товарищи, используя крах монархии и под громкие крики о свободе, «либеральным» приказом № 1 ввёл подчинение воинских частей не офицерам, а выборным комитетам и Советам. Это сочеталось с призывом министра труда эсера Чернова, по существу, самоуправно делить землю и другими подобными «инициативами». В результате был обрушен не только фронт, но и всякий порядок в государстве вообще. Следом начались многолетняя Гражданская война, чудовищная разруха.

На мой взгляд, Путин всё ещё действует в системе господства в экономике «офшорной аристократии», сильно зависимой от Запада и ломавшей при Ельцине скрепы государства. При этом события развиваются в контексте войн нового типа. Они начинаются в виде организованных с помощью информационных технологий толпообразований, беспардонно имитирующих «волю всего народа», сопровождаются провокационными убийствами и сакральными жертвами, а завершаются вооружёнными конфликтами, переходящими в гражданскую войну. В итоге всё сводится к «демократическому» присвоению углеводородных богатств, как, например, в Ираке и Ливии. Налицо завистливое внимание США и Евросоюза к богатствам ещё ряда стран (Иран, Сирия), к таким ценностям, как Суэцкий канал, полученный Египтом при поддержке СССР.

Потому, видно, не смог Путин пообещать ввести дифференцированный налог, решив подменить его налогом на роскошь с одновременной легитимизацией, по сути, уворованной у государства собственности. Как в такой ситуации можно было ожидать от него поддержки идеи лауреата Нобелевской премии по экономике Джозефа Стиглица о налоге на «чрезмерную прибыль до 90%», полученную в результате приобретения государственной собственности?.. Вот и не дождались. Дождётся ли?

При нынешнем балансе сил, внешних и внутренних факторах, во имя стабильности в стране долг ответственного гражданского общества заключается, по-моему, в том, чтобы помогать Путину, подталкивая к учёту реальных интересов людей и выполнению данных обещаний и отталкивая от олигархата. Надо добиваться усиления роли представительной власти с одновременным ростом её зависимости от мнения народа, то есть у избирателей должно быть право отзыва депутатов-лжецов. Сами депутаты без давления общества такой закон, даже для избранников муниципального уровня, наверняка не примут. Путин мог бы предложить Госдуме изменить не работающий пока, мертворождённый закон о референдуме. Только тогда толпообразование цветных революций сменяет цивилизованные референдумы (общество наше уже достаточно зрелое), не допускающие сепаратизма и «суверенитета бензokolоник» под лицемерной внешней «крышей».

В экономике нужно добиваться создания реальных стимулов для малого и среднего бизнеса. Начать на низовом уровне — с возрождения сил органов местного самоуправления и контроля над

У новоизбранного президента высокий кредит доверия, руки свободны. Можно двигаться вперёд с учётом ожиданий и запросов гражданского общества и на основе им же выдвинутой программы. Что решать и делать в первую очередь?

местной властью, обновления и разбюрокрачивания подсистем вроде ЖКХ... Важно доработать правовую и организационную основу формирования и деятельности трёх ветвей власти. Нужно требовать перемен. Добиваться их.

Власть без «кумовства»

Валерий ХОМЯКОВ, генеральный директор «Совета по национальной стратегии»

Чтобы адекватно реагировать на вызовы, Владимиру Путину важно понять, что страна стала иной, нежели восемь,

двенадцать лет назад.

Во-первых, вполне реален риск от второго пришествия экономического кризиса, а к нему страна готова хуже, чем четыре года назад. Ничего хорошего не сулит вероятное падение цен на углеводороды. Есть металлы, другая продукция, но поступления в казну от их экспорта не столь значительны. Большие проблемы возникнут в случае невыполнения взятых социальных обязательств и связанных с этим ожиданий людей.

Во-вторых, кое-что, оценивая снижение протестной активности в крупных городах, спешит сделать вывод, что политический кризис миновал, страна избавилась от «оранжевой угрозы». На мой взгляд, всё иначе. Улица пока угомонилась, но это обусловлено не столько снижением протестных настроений людей, сколько с кризисным состоянием той группы внесистемной оппозиции, которая организовывала московские митинги. На самом деле недовольство в последние месяцы вышло за пределы мегаполисов. Недавно руководство небольшого райцентра в Рязанской области коллективно покинуло «Единую Россию» и обратилось к Михаилу Прохорову с просьбой принять их в создаваемую им партию. Дело не столько в Прохорове и «Единой России»! Это сигнал политического неблагополучия. И недовольство людей связано не только с бедностью и неустойчивой жизни, а с растущим разочарованием в способности властей решать жизненные проблемы, вместо того чтобы барствовать на подвластной территории.

Пока, если говорить в целом, претензии граждан адресованы в основном не Путину, а местным и региональным властям. Однако надвигаются выборы губернаторов, а уж как региональные бароны умеют губернаторов, на федеральный Центр, общеизвестно.

Но главная проблема — устойчивый запрос общества на власть, которая не врёт, на власть без «кумовства», на власть, которая служит, а не кормит.

Удовлетворение этого запроса должно стать, на мой взгляд, главным пунктом повестки дня третьего срока президента Путина. Трудноразрешимая задача. У меня нет рецептов, но, похоже, зря подзабыты некоторые инициативы Дмитрия Медведева. Может, «новому-старому президенту» стоит подумать о преемственности власти и начать реализовывать многие из тех идей?

Преодоление страха

Эльдар ОРУДЖЕВ, генеральный директор ООО «ИНВЭНТ»

«Голосовал не за Путина, но не хотел бы победы другого». Это про меня и большинство моих друзей и знакомых. И вроде бы результат соответствует, а разочарование осталось. Правда, для меня череда разочарований закончилась раньше — в момент объявления об обратной рокировке. Стало понятно, что «цивилизованной» смены власти (пусть относительно цивилизованной, через преемника, например) и её капитального обновления не будет. При этом считаю, что среди кандидатов, попавших в бюллетени, достойной альтернативы Путину не было. Как нет и в публичном политическом поле. Винить в этом только власть необоснованно. Поясно.

Мне кажется неверным считать Россию не совсем демократической страной. Это, скорее, не до конца авторитарная страна. Особенно не убивают, сильно не пытаются, а конкуренты всё же не появились. Хотя предпосылки для этого есть. Но год за годом видим одни и те же лица, пришедшие в политику ещё в 90-х. Как во власти, так и среди стремящихся к ней. Не сформировалось, в общем-то, и гражданское общество. Зрелость его не может измеряться численностью толпы на митингах. Тем более немалая часть из митингующих «против» практически сразу же пошла на митинги «за», когда настойчиво «попросили». У каждого были свои объяснения, но причина одна — страх. Это, безусловно, не те люди, про которых Гумилёв писал, что они предпочитают «доблестную гибель добровольному самоуродованию ради сохранения жизни, которая в этом случае теряет для них всякую привлекательность». И как можно ожидать, что голос этих людей будет услышан? Откуда у людей появились и остаются ожидания сколь-нибудь глобальных перемен и тем более своего влияния на эти перемены, мне непонятно.

А так перемены будут, начались. Например, отменяется провалившийся проект с назначением губернаторов. Формируется система искусственной отбора, поскольку естественный не работает. Правда, эффективность таких искусственных мер сомнительна. Как любой неестественный механизм, он будет похоронен системой. Возможно, будет даже модифицирован институт «друзей президента». Но обусловлены эти перемены необходимостью удержания власти и осуществляться будут в пределах, необходимых для выполнения этой задачи.

Вернусь к вопросу выборов. Очевидно, что они не были демократическими, ведь выборы большинством голосов и демократические выборы синонимом не являются. Очень жаль, что они не привели к смене власти. Всё изложенное не является призывом сложить руки и принять ситуацию, как она есть. Каждый делает свои выводы, некоторые предпримут действия. Я вот из страны не уеду, детей не увезу, буду, как могу, сопротивляться произволу и барству чиновников, не буду «мимо сортира мочить

ся», как рекомендовал персонаж Булгакова, буду стараться делать хорошо то, что умею. Постараюсь не бояться, в том числе высказывать своё мнение. Ведь любые изменения надо начинать с себя.

Новые стратегии и воля

Александр ИСАЕВ, заместитель генерального директора Института экономических стратегий РАН

Последние 12 лет страна фактически жила по инерции, продавая ресурсы, не растраченные в 90-е годы. Потом темп был ускорен, но не в сторону развития, а в сторону разрушения. В итоге задачи социально-экономического блока не решены, экономика в тяжёлом положении. Её основные отрасли — самолётостроение, кораблестроение, всё, что содержит слово «строение», — в упадке, на грани выживания.

Милиция переименована в полицию, но мало что поменялось. Реформируемая армия с трудом побеждает Грузию, и ещё вопрос — победит ли в случае нового конфликта. Коррупция — сплошь. Здравоохранение — нет слов. ЖКХ — это сочетание букв вводит обывателя в трепет.

Куда ни кинь, и у президента Путина, и у народа — клин! Соображения политологов про обязательство Путина Ельцину, Семье, как и курс на укрепление взаимопонимания с олигархами, в годы кризиса кажутся людям просто издевательством.

Пришёл к власти — будь добр засучи рукава или, что лучше, опусти забрало, в руки меч правосудия и соху эффективного госуправления — и попеременно с утра до ночи в тяжкий труд управления государством — без страха и упрёка!

Куда двигаться и что делать? Альтернатив не так много. Точнее, она у Путина одна: укреплять государство, оборону, развивая экономику, а первоначально создать костяк из силовых структур — абсолютных новых и из новых людей. Как это делалось в той же Грузии или, например, в Сингапуре. Брать молодых, бесконечно сокращаемых армейских офицеров.

Надо менять формат отношений с Западом, сделать внешнюю политику способной свести к минимуму все угрозы — от военных до угроз от вступления в ВТО!

Особенно нужно стратегическое оздоровление системы управления. Именно стратегическое — тактические ремонтировать и менять названия, а не суть — бесмысленно. Как воздух для выполнения этой задачи нужны здоровые и эффективные силы государственной машины контроля! Нужны кардинальные перемены в системе управления, смелые кадровые решения с назначением на ключевые посты управления новых профессиональных людей.

СМИ, особенно телевидение, — поставить на службу обществу, а не рекламе, рейтингам и финансовым проектам их руководителей.

Молодёжную политику необходимо ввести в разряд приоритетных! Как и демографию!

Миграцию — до минимума, сделать государственные границы реальными. Страна без границ — проходной двор, любимое место криминалитета и разведслужб не только США и НАТО, но даже Бангладеш и Молдавии!

Двинется ли Путин по такому пути? Надеюсь, что да. У него нет другого выхода, если он ещё может адекватно просчитывать варианты развития событий.

Опрос подготовил Владимир СУХОМЛИНОВ

ИнтерНЕТ-ИнтерДа

Яд и лекарство

«Только доза делает одно и то же вещество ядом или лекарством». Сказанное справедливо и по отношению к критике, и к похвале.

Блогосфера переполнена критикой, недовольством. Протесты, митинги, требования. Все, кто во власти, — сволочи, а кто в оппозиции — святые мученики. Люди с такими воззрениями закрывают глаза как на всё хорошее, происходящее в стране, так и на неприглядные поступки своих вожаков. Многие плакаты с лозунгами напоминают мне времена моего детства, когда школьники подрисовывали всякие непотребства к портретам в учебниках.

Отличить подростка от взрослого в блоге довольно легко. Непременные атрибуты речи юного максималиста слова: «ничего», «никто», «никогда», «всегда», «всё», «все», «одни». В блогах одни и те же фразы: «Во власти — одни сволочи», «Все чиновники — коррупционеры», «В России нет ничего хорошего. Пора валить», «В экономике всё плохо», «Все жулики и воры вступают в ЕР», «Никто не голосует за Путина»...

al/s55

Это уже стало нашей основной национальной интернет-забавой: кто побольнее пнёт, кто придумает более едкое определение нашей власти. Некоторые доходят и до непристойных оскорблений.

В чём причина такого поведения некоторых блоггеров? Никто себя обвинять не хочет, хотя понимает, что и он в этих безобразиях участвует. Психологи говорят: человек осуждает в других то, что ему не нравится в себе. Похоже, это правда, и правда горькая. Если бы причина была только во власти и только в тех людях, которые во власти, то все проблемы легко можно было решить, сменив этих людей и заменив их на других. А вот с собой, любимым, что делать?

korsar

Меня очень удивляет, против чего люди протестуют на митингах. Это что, самая главная проблема в нашей стране — выборы? У нас других проблем совсем нет? Этим вы, протестующие, подтверждаете то, что хорошо живёте. Посмотрите, против чего протестуют на Западе, на пример которого ссылаются наши протестующие. Так вот, там протестуют: против низких зарплат, против пенсионной реформы, повышающей пенсионный возраст и снижающей пенсионные выплаты, против возрастающей безработицы. Получается, что этих проблем у нас нет, раз оппозиция только про выборы и партии талдычит?

Путаник

Вас послушать, выходит, что мы в разных странах живём...

irukan

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1971 1979

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
ОАО «Издательский дом «Литературная газета»

Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВ

Первый заместитель главного редактора
Леонид Колпаков

Заместитель главного редактора
Валерий Павлов
(председатель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе)

ОТДЕЛЫ:

«Политика, экономика»
тел. 8-499-788-01-06
шеф-редактор Игорь Серков,
обозреватель
Владимир Сухомлинов

«Литература и библиография»
тел. 8-499-788-02-05
ведущий редактор
Марина Кудинова;
Игорь Панин

«Искусство»,
«ТелевЕдение»
тел. 8-499-788-02-12,
8-499-788-00-53
ведущий редактор
Александр Кондрашов;
Олег Пухнацев;

Евгений Маликов,
Анна Кузнецова

«Общество»
тел. 8-499-788-02-08
ведущий редактор
Людмила Мазурова;
Наталья Гамаюнова

«Клуб 12 стульев»
тел. 8-499-788-00-53
администратор
Александр Хорт

Собственные корреспонденты
Александр Самойленко (Калуга),
Юрий Беликов (Пермь),
Жан Миндубаев
(Ульяновская область, Татарстан),
Владимир Шемшученко
(Санкт-Петербург),
Сергей Евстратьев (Республика Македония),
Всеволод Марьян (Закарпатье),
Ирина Тосунян (США),
Алексей Славин (Германия),
Мария Хамакер (Центральная Европа),
Никита Барашев (Италия),
Светлана Селиванова (Китай)

Отдел оформления
8-499-788-01-13
бильд-редактор
Евгений Федоровский;
художественный редактор
Антон Меньшов

Директор по распространению
Валерия Красотова
тел. 8-495-688-80-78

Отдел рекламы
тел. 8-495-688-80-78

Московский тираж — 61 853 экз.
Федеральный тираж — 35 281 экз.
(печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске и Хабаровске)
Тираж в Крыму — 2500 экз.
Тираж в Европе и США — 6000 экз.
(печатается во Франкфурте-на-Майне)

Тираж в Израиле — 22 000 экз.
Тираж в Великобритании — 9000 экз.
Тираж в Греции — 3000 экз.

Общий тираж
139 634 экз.

Цена договорная

Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экстра М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км.
Номер подписан к печати
20 марта 2012 г.
Зак. № 12-03-00231

Подписные индексы:
50067, 34189, 84874 и 99168
(для предприятий и организаций)

Экспортная подписка — по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»
Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-35721 от 20.03.2000 г.

Материалы рубрики «Точка зрения» публикуются на коммерческой основе.

Адрес редакции:
Хохловский переулок, д. 10, стр. 6
Москва, 109028

Автоинформатор
и **соединение с отделами:**
8-499-788-02-10

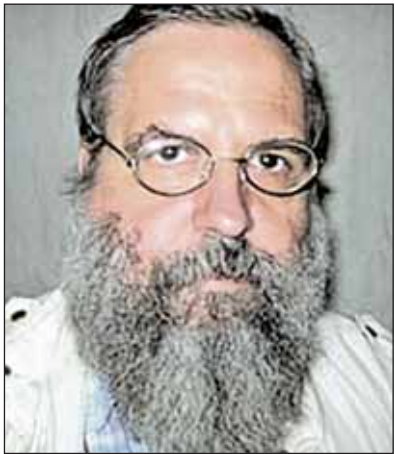
Электронный адрес:
litgazeta@lgz.ru

Факс: 8-499-788-00-52

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

НЕРАЗРЕШЁННЫЙ ВОПРОС

Узнаём по плодам

На вопросы «ЛГ» отвечает историк и публицист Владимир КАРПЕЦ

— В созидании России участвовали многие народы, и всё-таки русские — главный творец исторической России, её мощи и достижений, ключевая фигура её настоящего и залог будущего. Способны ли русские в своём нынешнем положении продолжать играть эту роль?

— Конечно, способны. И не только способны, но обязаны. В нашем народе есть, остались могучие силы для этой миссии. Из истории мы знаем — «русское чудо» всегда происходит на краю пропасти, перед лицом конца. Это не значит, что нужно к нему стремиться, ждать его и жить по принципу «Чем хуже, тем лучше». Напротив, само сопротивление концу даёт русскому народу силы. Но ведь это сопротивление — тоже перед лицом грозной опасности. Мы — *народ предела*, нравится это кому-то, в том числе нам самим, или нет. Без русских нет России.

— Но кто они — нынешние и завтрашние русские?

— «Новые националисты» или, как они себя называют, «национал-демократы», утверждают, что нужны якобы «другие русские», не «имперцы» и не совки, а совершенно новая, буржуазная нация типа чехов или эстонцев. А поскольку на земле огромной России такая демократическая «новая нация» невозможна по определению — кстати, в полном соответствии с западной политологической классикой от Аристотеля до Монтескье — то... Ну что же, люди важнее, чем территории, давайте территории раздадим — вместе с «инородцами», ну и тогда заживём...

А «национал-демократы» говорят ещё более прямо: лучше будет и русских разделить на залесцев, ингерманландцев, поморов, сибиряков и так далее. Будут маленькие свободные нации, маленькие страны, они станут частью «свободного мира»... Давайте говорить прямо. России тогда не будет. Не будет и русского народа. Не будет и никаких «буржуазных наций» — появятся резервации, оккупационные зоны стран НАТО, Китая, Исламского халифата и проч. А начало этого погибельного пути

— именно в отказе от русской истории, культуры, желание помянуть их на что-то другое.

— Почему элита, образованная часть нашего общества, зачастую является, по сути, антинациональной? Между ней и народом из века в век образуется пропасть... Эти процессы начались с реформ Петра I?

— Пётр Великий, по сути, пришёл уже на готовую ситуацию распада. Обвалом русской жизни был церковный раскол середины XVII века, и особенно Московский разбойничий собор 1666—1667 годов, когда на древнюю русскую традицию наложили проклятия, которые были формально сняты только в 1971 году... Тогда русская элита — светская и духовная — ринулась в откровенное грекофильство, а затем — в католические и протестантские уклады. «Чужое» стало критерием истины. А народ, не желавший ни принимать новин, ни восставать против царской власти, в которой справедливо видел образ власти Божией (даже если царь заблуждался), стал уходить в бега, в леса и гары. Постепенно раны стали зарастать, но отчуждение осталось.

Нельзя всё валить на Петра. Как политический и военный деятель он делал всё верно — и флот, и регулярная армия, и обновление служилого класса были необходимы, необходим был и Петербург. А в культурной области петровское западничество было лишь продолжением и завершением того, что было начато при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне. Оно, это петровское западничество, во многом, кстати, было внешним, своего рода маскировкой. Сам Пётр говорил: «Европа нужна мне на десять лет, а потом я повернусь к ней задом». Не успел. Кстати, и уничтожение патриаршества в то время было оправданным: практически весь епископат, пришед-

ший к церковному управлению после реформ, был прокатолическим и смотрел на Запад как на образец церковно-государственных отношений, придерживался идеологии папозецаризма. Или, как Феофан Прокопович, склонялся к протестантизму...

Но и помимо рокового XVII века народ и элита представляли разные полюса. Вспомним былин о Вольге и Микеле — противостояние между Змеем и Земледельцем (он же Змееборец). Оно уходит корнями в глубочайшую праарийскую древность. Только Белый царь, который соединял в себе и Змея, и Змееборца и был к тому же защитником Вселенского православия, то есть вышешелой «Правды-Истины», мог обуздать и народную волю, и аристократическую, направить их в одно русло. Когда царя не стало, «змеи» и «пахарь» ринулись друг на друга. Вспомним потрясающие художественные свидетельства с обеих сторон — «Пламень» Пимена Карпова и «Окаянные дни» Ивана Бунина. Вот метафизика классовой борьбы, не имеющая никакого отношения к марксизму. И сегодня это продолжается, как ни странно.

Кроме того, раскол в русском народе привёл к тому, что значительную часть элиты стали составлять также и люди нерусские, космополиты, оторванные и от собственной веры, и традиции.

— Для современных русских характерно пессимистическое и тревожное самоощущение. Они смотрят в глобализированное будущее с тревогой и неуверенностью. Почему? Или тут преувеличение?

— Глобальный мир, мир, управляемый единым правительством, согласно православному преданию, — мир антихриста. Для сознательных верующих русских лю-

дей это очевидно. Но и для тех, кто утратил веру, утратил связь с традицией, даже атеистов, всё равно это остаётся на уровне «забытого знания» — или предчувствия. Отсюда недоверие к глобализации, ощущение, что «здесь что-то не то». Люди не против технической стороны глобализации. Напротив, русский человек в вопросах техники очень любопытен и изобретателен. Тревогу вызывает её содержание, её двуличие и лживость.

Уже в конце 90-х обильствие свободой, обольщение Западом столкнулось с очевидной реальностью «гуманитарных бомбардировок» Югославии. Пелена спала с глаз, все поняли, что есть кто и что есть что... Глобализация — не «объективный процесс», как нас уверяют её адепты, а совершенно сознательный проект. Это проект мировой диктатуры, мирового тоталитаризма. «Свобода» — лишь промежуточная стадия его осуществления.

— В чём причины очевидного отсутствия русской солидарности?

— Я думаю, это обратная сторона нашей огромности — своего рода беспечность. Бытовая солидарность вообще — свойство малых народов, диаспор и т.д. Сейчас русским приходится переучиваться. Русская солидарность необходима. Что-то уже в этом плане происходит. Приведу пример: новый интернет-портал «Русофобия. Нет». Портал в значительной степени посвящён положению русских в ближнем зарубежье, их защите от проявлений русофобии, захлёстывающей постсоветское пространство. Можно и другие примеры приводить. Русская солидарность появляется, но должна расти.

— Каким, на ваш взгляд, должно быть оптимальное для русского человека социальное устройство общества? Вы видите позитивную

«ЛГ», № 39

«ЛГ», № 40

программу для политиков русского направления?

— Только монархия. Но не монархия петербургского типа с огромным чиновничьим «средостением» между царём и народом. Скорее, монархия типа старомосковского, с совещательным Земским собором и широким местным самоуправлением, не носящим при этом политического характера. Преемственность православной традиции через личное исповедание веры царём и династией — при гарантиях для других традиционных конфессий, особо ислама и буддизма. Соединение вертикальной монархической власти с высоким уровнем местных свобод, экономических и культурных. Социально-территориальное и профессиональное (по типу прежнего сословного) представительства, без политических партий, построенных по идеологическому признаку. «Свобода без демократии», как это ни парадоксально звучит. Должен быть разработан статус русского народа как государственнообразующего при широком сотрудничестве в государственном строительстве с коренными (именно коренными) народами России.

Экономика России должна быть в целом ближе к социалистическому принципу (разумеется, без какой-либо связи с марксизмом-ленинизмом), прежде всего в отношении земли, недр, вод, финансов, стратегических отраслей, но с допущением частной инициативы в области лёгкой и пищевой промышленности, сферы услуг.

Такое устройство совершенно не является ретроградным. Напротив, оно очень гибко, подвижно, динамично, хорошо приспособлено к задачам народного хозяйства и обороны, способно принимать и использовать новейшие технологии. При этом прийти к нему вполне возможно мирным путём, через предусмотренный даже и нынешней Конституцией механизм. Здесь необходимы понимание смыслов русской истории и политическая воля, прежде всего президента страны.

В целом же вижу Россию будущего в свете тройного преемства: духовное преемство от Московской Руси, юридическое — от Российской империи, социальное и организационное — от СССР. Разумеется, вне идеологии, точнее, с другой идеологией.

Что дозволено губернатору?

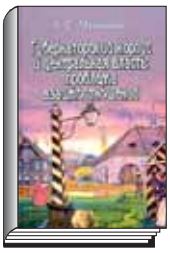
Автор книги, молодой орловский историк, открывает перед читателем широкую панораму событий провинциальной жизни полуторавековой и вековой давности.

В книге широко представлена управленческая кухня тех лет. Возможно, впервые в отечественной историографии рассмотрена система подготовки и оценки губернаторских отчётов на высочайшее имя. Многие примеры являются наглядной иллюстрацией к вопросу о том, была ли возможна в России в перспективе британская модель ограниченной монархии.

Российские губернаторы при всех их талантах и стараниях не могли устранить пороков самодержавно-бюрократического строя, не сумевшего наладить взаимодействия с развивавшимся русским обществом. Автор показывает край идеи коллегиальности в системе губернского управления с привлечением общественных организаций и самоуправления.

Шла вечная провинциальная борьба — губернаторов с прокурами, земствами, строптивыми или бездельными чиновниками, прессой. Многие губернаторы просто боялись задумываться над подъёмом

Минаков А.С.
Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черномоземного центра второй половины XIX — начала XX в.). — Орёл: Орлик, 2012. — 488 с. — 120 экз.

революционной волны, над разгулом эпидемий, над ростом нищеты. Главное — хорошо отчитаться перед центральной властью. А что потом? В книге приводится отрывок из воспоминаний одного губернатора с признанием, что практически все резолюции царя попадали в пучину бюрократических отписок и не имели никакого реального значения. Чего же было ждать дальше?

В книге порой многовато статистики и маловато выводов. Довольно часто встречаются примеры не из жизни Черномозья. Замах на всероссийский масштаб исследования? Но тогда и уровень обобщений должен соответствовать.

Автор не ставит жёстко вопрос об ответственности центральной власти за итоги деятельности (или бездельности) назначаемых ею губернаторов. И вообще — целесообразно ли назначать губернаторов? Или всё-таки полезнее избирать? Минаков склоняется к тому, что назначение губернаторов всё-таки целесообразнее, однако вряд ли ему удастся убедить в этом читателей.

Что же нам взять у прошлого для современности? Как ограничить объём полномочий губернатора? Как регламентировать его деятельность?

Жаль, но на эти современные вопросы молодой орловский историк не даёт ответа. Губернаторскую кухню с её «гастрономическими тонкостями» показал. Скрупулёзность и тщательность заслуживают уважения. Но по нынешним беспокройным временам хочется большего.

Алексей КОНДРАТЕНКО,
член Союза писателей России,
кандидат политических наук,
г. ОРЁЛ

ПОЛИТПРОСВЕТ

Родословная нашего выбора

«Традиции всех мёртвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых», — предупреждал в своё время автор материалистического понимания истории. Для образованных российских граждан идеологическим кошмаром до сих пор остаётся представление о хроническом «догоняющем» развитии России. Вокруг этой мифологической оси вращается вся умственная история нашего отечества — от западников и славянофилов до «реформаторов» и «консерваторов». Настало время дать научную оценку застарелому подростковому комплексу русского народа.

Решение столь деликатной психоаналитической задачи предполагает знакомство с общей историей болезни. Действительно, во времена «южнославянского детства русского народа» восточные славяне серьёзно запоздали с прохождением одного из важнейших этапов в общественном разделении труда. Если в густонаселённой Европе давно уже произошло отделение управленческого труда от земледельческого, то на бескрайних просторах Восточно-Европейской равнины всё ещё гуляли разбойные ветры степных «суверенитетов». Вовремя позаместованные восточными славянами элементы западной цивилизации привели к тому, что Древняя Русь стала быстро развиваться по западному пути.

Однако евразийская судьба и евразийское местоположение уготовили восточным славянам иной исторический маршрут. Мощнейший напор со стороны восточного типа цивилизации (татаро-монгольское нашествие) круто изменил направление цивилизационного развития Руси. Заглушив ростки частной собственности на древнерусских просторах, восточный тип цивилизации оставил для славян лишь одну возможность

исторического самосохранения — медленное собирание земель вокруг поднимающегося Московского княжества.

После укрепления Московского княжества стратегическим направлением в развитии российской цивилизации становится доминирование института государства. Таким образом, мы обязаны признать, что особый цивилизационный статус России определился не законами экономики и не мистикой истории, а «геополитическим» столкновением двух могучих ветвей мировой цивилизации. Эта политическая родословная будет сопровождать российские народы все последующие столетия.

Доминирование института государства — это верховенство способа управления над способом производства. На шкале социального прогресса способ управления стоит неизмеримо выше, нежели способ производства. Способ управления обладает более мощной социальной энергетикой. Даже западные исследователи «тоталитарного террора» признавали: «Он призван стать несравнимым по мощи инструментом для ускорения движения сил природы или истории». Именно советский «тоталитаризм» защитил западную демократию от её собственных фашиствующих монстров. Без политической централизации общества невозможно духовное единство нации.

Способ управления, как и способ производства, имеет два активных полюса — институциональный и идеологический. Посмотрим, каким образом развивалось институциональное крыло российской цивилизации.

Жестокая и абсурдная с точки зрения экономической целесообразности причина Ивана Грозного имела лишь одно историческое оправдание — укрепление центра-

лизованной власти государства в борьбе со стихийно формирующейся экономической властью боярства. Реформы Петра I преследовали ту же цель, но уже с выходом Российского государства на международную арену. Наконец, Октябрьская революция и последовавший за ней сталинский режим ещё раз продемонстрировали устойчивое своеобразие российской цивилизации. Ведущая роль государства не только сохранила

свое прежнее значение, но и достигла максимально возможного уровня развития. А что же дальше?

Трагические события на рубеже двух тысячелетий со всей очевидностью показали: дальше укреплять государственную машину попросту невозможно. При этом судорожная попытка власти вырваться за пределы евразийского вектора развития дала катастрофические результаты. Горбачёвская «деидеологизация» лишила нас духовного единства нации. Ельцинский «великий перелом» расколол цивилизационное основание России и породил режим олигархи-

шенная в Китае рыночная кошка, умеющая ловить мышей при любой идеологической окраске, примется за китайского дракона, причём без всякой оглядки на Конфуция.

Для России остаётся лишь третий, наиболее радикальный путь, именуемый в политической лексиконе «левым». Он требует сохранения централизованной мощи государства — высшего достижения российской и мировой цивилизации. Но одновременно — превращения этой мощи в послушный инструмент идеологически сплочённой воли общества.

«Жить по совести» — вот категорический императив русской культуры. Подчинение законов цивилизации нравственной логике — вот величайшая идеологическая революция.

До тех пор пока самодеятельность гражданского общества не достигнет оптимальных размеров, чисто политическая организация общества будет страдать неизбежным малокровием.

Только преодоление политического неравенства управляющих и управляемых позволит России в полной мере реализовать преимущества своей цивилизации. Колоссальный духовный потенциал российского общества уже давно не уместается в затхлом пространстве номенклатурного отбора кадров.

Но в таком случае Россия обречена на социализм, ибо социализм — это не казарменная уравниловка и не расчётливая благотворительность социал-демократического государства. Социализм — это общество политического самоуправления трудящихся, свободных как от свирепой власти капитала, так и от могучей «корпоративной» хватки государственных чиновников.

Евгений ПАШИНЦЕВ,
ЧЕЛЯБИНСК

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

«Хочется жить в креативной России»

Олег Хлебников считает, что страну спасёт средний класс

«ЛГ»-ДОСЬЕ:

Хлебников Олег Никитич — поэт, журналист, кандидат физико-математических наук. Родился в 1956 году в Ижевске. Окончил Ижевский механический институт, аспирантуру ВЦ АН СССР (Москва), Высшие литературные курсы при Литинституте. Автор многих книг стихов, участник международных поэтических фестивалей. В настоящее время — зам. главного редактора «Новой газеты».

— Вы дебютировали как поэт в далёком 73-м году в «Комсомольской правде». Вам было всего-то 17 лет. Как получилось, что удалось опубликоваться? Кто-то помог, порекомендовал ваши стихи?

— Семнадцать мне тогда ещё не исполнилось. И всё произошло для меня совершенно неожиданно. Влюблённая в меня девушка послала мои стихи в «Алый парус» (была такая страничка для тинейджеров в «Комсомолке») по своей инициативе. Неудивительно, что открывший письмо Андрей Чернов, который там даже не работал, а только печатался, ну и заходил помогать, усомнился в подлинности прочитанного — женский почерк, а вдруг вообще плагиат? Потом он мне говорил, что, прочитав подборку первый раз, запомнил какие-то строчки и, когда читал повторно, решил, что эти стихи уже где-то публиковались. Но тогдашний капитан «Алого паруса» Юрий Шекоцихин отнёс все подозрения и с лёгкостью поставил подборку в номер. Я «Комсомолку» тогда (совсем другая была, чем сейчас!) выписывал. И однажды, развернув газету, испытал шок, увидев там свои стихи. А потом мне пришлось короткое письмо из редакции со смешным словом «спасибо» за эти самые стихи и с приглашением приехать в Москву и познакомиться. Так и произошло. А в один из моих приездов, в самом начале 1975 года, Шекач, как его все называли, надумал показать меня Слуцкому. В общем, меня привели на семинар к Борису Абрамовичу... И ещё одна моя публикация в «Комсомолке» вышла уже с предисловием этого поэта — одного из самых крупных во второй половине XX века. Слова Слуцкого обо мне я считаю благословением на поприще, извините за пафос. А после этой публикации пошли,

без преувеличения, мешки писем. Но я был ироничным малым и, слава богу, сумел не зазвездить.

— По тем временам это, конечно, было большим успехом. Но времена меняются, и сегодня публикация стихов вряд ли может стать событием. Часто никто, кроме самого автора, на это особого внимания не обращает. Вы ностальгируете по прошлому, по тиражам, гонорарам, писательским льготам?

— Собрание стихов Фета, изданное мизерным тиражом, расходилось двадцать с чем-то лет, и раскупили его уже только после смерти поэта. От этого Фет не стал менее значительным явлением в русской литературе. Просто бывают такие времена, когда общество гложет, не слышит поэзию, а значит, и собственную душу. Может быть, боится осознавать себя и происходящее. Беспошадное осознание — всегда тяжёлая душевная работа. А если ты занят исключительно выживанием или, наоборот, — пожинаешь богатый урожай плодов, украденных у ближних, тут не до самосознания. Напротив — надо себя отвлекать или от тоски-печали, или от угрызений совести (если такая имеется). Поэзия не даёт сделать ни того, ни другого. В качестве анестезии годятся детективные сериалы.

— Если можно было бы повернуть время вспять, что бы вы изменили в своей литературной биографии, каких поступков не совершили бы и наоборот?

— Не опубликовал бы «лишнего». Выучил бы несколько языков.

— Бы советский или русский поэт?

— Кажется, советским стать во второй половине XX века. Слова Слуцкого обо мне я считаю благословением на поприще, извините за пафос. А после этой публикации пошли,

советский поэт или всё-таки русский тоже? Когда читаешь его «Облако в штанах», такой вопрос не возникает — поэзия. Когда читаешь его «Хорошо», этим вопросом снова не задаёшься — потому что не поэзия.

— Вас отмечали помимо Слуцкого ещё и Самойлов с Вознесенским, а вы сами сейчас как-то поддерживаете молодых авторов, помогаете им с публикациями в журналах, изданием книги, да и просто добрым советом?

— Тех молодых и не очень (но неизвестных), кого считаю талантливыми, я публиковал в «Огоньке», где возглавлял отдел литературы с 1988 по 1991 год, и даже сейчас периодически продолжаю печатать в

«Новой газете», хотя это издание не литературное. Всегда подробно высказываюсь о присланных мне или принятых стихах, если в них хоть что-то есть...

— Вы издали двенадцать книг стихов, в том числе и за границей. У вас не возникает ощущения, что книги, выпущенные в новейшее время, словно проваливаются в пустоту, не доходят до читателя, да и не особо его интересуют?

— Сейчас, хоть и маленькими тиражами, издаётся чудовищно много стихотворных книг. Издавать их легко, если есть деньги, а должно быть трудно — вне зависимости от денег. Книга поэта — это всегда поступок. А книжки очень многих нынешних стихотворцев — это вульгарное удовлетворение тщеславия, иногда — что-то вроде семейного альбома с фотокарточками. Мол, есть такой Добчинский. Нивелируется само слово «поэт». Это, конечно, обидно. А что касается тиражей... Есть странное чувство, что книжка, каким бы тиражом ни была издана, всё равно попадёт в нужные руки, да ещё и Интернет сейчас есть — значит, кому надо, прочитают. Время всё расставит по своим местам. Отличить зарифмованные высказывания от настоящей поэзии очень легко. Вся

«непоэзия» — это, пользуясь определением Мандельштама, «переводы готовых смыслов». А что касается отношения «писатель — читатель»... В 1988 году, когда у меня вышла книжка в Дании, неожиданно в «Огонёк», где я тогда работал, приехала целая делегация датчан — человек двадцать. Оказалось, это читатели моей датской книжки. Пришлось устраивать что-то вроде читательской конференции в зале, где у нас проходили редколлегия. В Дании конца 80-х интерес к стихам был как будто не выше, чем в нынешней России, а вот поди ж ты... Я тогда подумал, что был бы куда счастливее, если бы такая делегация приехала из Калуги или Тулы. Увы. А у датчан, как и у других европейцев, интерес к русской поэзии в те годы определялся двумя словами: «Горби» и «перестройка». Но то, что искали, они в наших стихах всё же находили — тайную свободу.

— Нередко вас сравнивают с Ходасевичем. Насколько это справедливо, как вы считаете?

— Одножды — мне было тогда 22 — я приехал в Переделкино к Александру Петровичу Межиорову почитать новые стихи. Это занятие всегда было увлекательным до азарта. Что скажет Межиров, оставалось загадкой до его само-

го последнего слова. И вот я читаю ему стихотворение, где есть строчки: «*Не таким меня любила мама... — / Мама! Неужели это я?*» «*Как!*» — восклицает Александр Петрович, и его огромные глаза вообще заполняют всю комнату. — *Вы не знаете Ходасевича?*» И цитирует из великого «Перед зеркалом»: «*Я, я, я. Что за дикое слово! / Неужели вон тот — это я?*» / *Разве мама любила такого...*» и т.д. А где я мог в те годы, проживая в Ижевске, достать книги Ходасевича? Конечно, я его не знал. Но мгновенную острую близость ощутил. Свой стихок, конечно, выкинул. Зато с наслаждением читал ходасевичевский ардисковский томик, который мне дал Александр Петрович. Такие пересечения, как случилось у меня с Ходасевичем, по-видимому, неслучайны. Должно быть, какие-то струны его и моей души настроены одинаково. Это соображение меня греет — Ходасевича я ставлю очень высоко в своей поэтической иерархии. А ещё я однажды прочитал у Берберовой, что постоянным мучительным чувством Владислава Фелициановича была жалость к людям. Как ни странно, это чувство с самой ранней юности было и у меня главной причиной, заставлявшей

браться за перо. А не, допустим, любовь к девочке или родным просторам.

— А тень однофамильца Велимира? Одну из ваших подборок в «Огоньке» во второй половине 80-х сопровождал врез, в котором проводились некоторые параллели. Я хоть и школьником был, а помню...

— Велимир Хлебников — гений, но вряд ли в чистом виде лирик. Со мной всё ровно наоборот. Он мне интересен своим словотворчеством, непредсказуемостью не только следующего слова, но и звука. И всё-таки мой великий однофамилец не самый мой любимый поэт. А объединяет нас, кроме фамилии, род занятий: стихотворчество и математика.

— Какое место вы отводите себе в современной русской литературе? Можете сказать: «Вот моя ниша»?

— Пусть на это место меня отведут другие. Но — не под конвоем. И ещё одно нахальное соображение. По-моему, кроме меня, сейчас почти никто не пишет поэм. А я продолжаю заниматься этим бесперспективным делом. Зато, когда находишься внутри поэмы, испытываешь счастье. Причём продлённое. Если стихотворение — миг любви, то поэма — по крайней мере ночь, а может, и несколько. Сейчас я почувствовал, что из моих тринадцати поэм (тринадцатую — «На небесном дне» — закончил только что) складывается что-то вроде романа в поэмах. Не из всех — войдут всего семь-восемь, зато внутренний сюжет будет просматриваться. Конечно, хотелось бы, чтоб у этого странного и уж точно не востребованного нашим временем произведения всё же нашлись внимательные читатели.

— Так получилось, что вы никогда особо не были обласканы литературными премиями. Но вот в конце прошлого года удостоились премии «Венец» — это стало приятной неожиданностью?

— Именно так. А поскольку ещё одним лауреатом стал Гена Русаков, я даже сказал на церемонии вручения, что ставлю в этом году (2011-м) премию «Венец» выше Нобелевской в области литературы: лауреат Нобеля из Швеции — скучный, «университетский» поэт, куда ему до Русакова! Про себя, естественно, нескромно умолчал.

Беседу вёл Игорь ПАНИН

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Страна без дела

Фёдор Абрамов о «болезнях» нашего времени

Сейчас в обществе нагнетаются предгрозовые ощущения. Возможно, это мистическое предчувствие столетия Октябрьской революции, энергиями которой наэлектризован воздух. Возможно, в застоявшемся обществе накапливается статическое электричество и ждёт выхода. Однако следует признать, что если не апокалиптические, то по крайней мере предчувствия возможных приближающихся катаклизмов сейчас всё больше набирают обороты. Для России более чем актуальна интуиция неоконченных процессов распада великой империи, которые всё ещё тлеют, готовые в любой момент взорваться с новой страстной и гибельной силой.

Крайне остро переживается ощущение разорванности страны. Разорванность не только географическая, ментальная. Дух разобщённости проник во все слои общества, включая частную жизнь. Превалирует футлярный стиль жизни людей: истончается человеческая солидарность, каждый пытается заботиться в свою нору, свои проблемы, свой кошёлёк, банковскую карточку, которая становится мировоззренческой квинтэссенцией.

Традиционно преодоление этих декадентских переживаний происходит либо по общеловковскому, либо по базаровскому рецепту. В ситуации, когда имперско-советский след медленно убывает, когда все соки, которыми питалась новая Россия последние двадцать лет, практически иссякли, а новых ощущений заделов нет, велик соблазн подпихнуть эту то ли лагу, то ли музей-сундук с пронафталиненными вещами — и будь что будет, лишь бы не медленное и унижительное угасание. Ну а дальше на очистившемся плацдарме авось что и соберётся из пластмассовых кубиков Лего...

Россия, как и век назад, ищет себя. Об этих поисках в своё время Фёдор Абрамов рассказал в своём неоконченном произведении «Чистая книга». В нём он сделал особый срез на необычайно важном «осевом» сечении русской жизни: начало XX века, а потом революция.

«Россия ищет себя», — писал Абрамов и здесь же обозначал основные, на его взгляд, пути этого поиска: «1. Поиски в народной гуще (мечты о Беловодье, миграция в Сибирь, на тучные земли). 2. Церковь. Аникии. В области духа христианство — самая великая революция. 3. Революционеры, экстремисты разных мастей. 4. Культурничество и просветительство. 5. Деловая жизнь».

В начале XXI века дорожки эти не теряют своей актуальности. Единственная оговорка: русский человек часто максималист, он не мыслит дизъюнкцией (соединение двух или более высказываний при помощи союза «или» в новое, сложное суждение: «или то, или это, или оба сразу». — **Ред.**), «или — или» — самый употребляемый алгоритм его рассуждений. Поэтому-то и расходятся дороги, плутают, иногда не ведут, а сбивают с пути. Поэтому родные братья становятся злейшими врагами, и между ними возможен не диалог, а спор, часто кровавый.

В своей книге Абрамов сказал очень простые, но крайне важные слова для нашего времени: «Сперва надо на русской земле культурный слой нарастить, а потом браться за коренные, в том числе революционные, преобразования. А у нас этот культурный слой не наращивают, а то и дело сдирают».

Проблема изменения, сиюминутного, моментального пересмотра всей прежней жизни, деформация самых основ её является наиболее важной, именно она становится причиной разделения. В «Чистой книге» Абрамов показывает, как сталкиваются лбами две попытки преобразования — «через революцию, через войну, через братоубийственную бойню», — и путь строительства, создания «дома» — через работу, кропотливый каждодневный труд. Если вспомнить Евгения Базарова, утверждающего, что строить «не наше дело...», то по Фёдору Абрамову, сначала следует построить на традиционную многовековую народную нравственность, а всё тухлявое, ненужное и само естественным путём отомрёт.

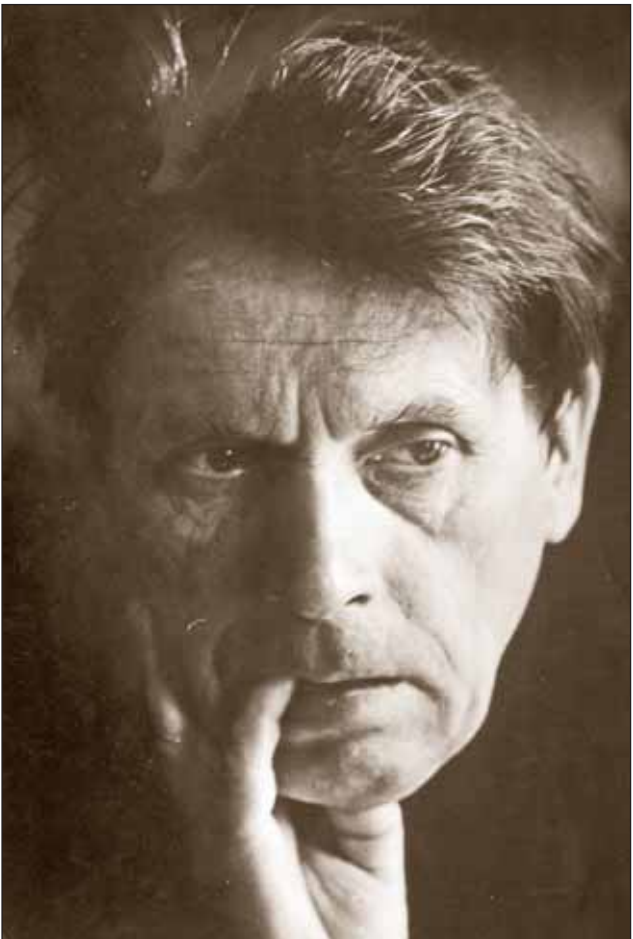

Рисунок КУЧЕРОВ

Одна из проблем современного состояния России даже не в исчерпанности ресурсов экономики, производства, не в необходимости модернизации, а в том, что у человека нет дела. Человек или забыл, что у него должно быть дело, или принимает за него всевозможные обманки. Дело до сих пор у нас трактуется в криминальном изводе: «пошли на дело». Один из героев «Чистой книги» Иван Порохин, практически вторя персонажам Чехова, предчувствовавшим грандиозную катастрофу, говорит: «Я хочу делать, работать». Трофимов из «Вишнёвого сада», Ирина, Тузенбах, Вершинин из «Трёх сестёр», герои «Дяди Вани» — все в один голос проговаривали одну и ту же мысль: «Надо бы только работать».

Сейчас нам крайне важно, чтобы на смежную мечтателям о новой жизни, сибаритам и прожигателям пришли герои типа Ивана

Порохина — «строители жизни», которые сами своими собственными усилиями попытались бы реализовать «жизнь настоящую, а не ту, которую печатают для меня», которые «хотят создавать, строить, ошибаться». Эта энергия может, например, перенаправить разрушительные страсти, как у другого брата из семьи Порохиных — Саввы, и он будет не разгуливать с пистолетом, а утотлять свою страсть к разрушению на привычной для него рубке леса.

Нужно вспомнить и русскую народную эпическую традицию, которая выводит на первый план героя-труженика, возделывателя земли, того же Миклулу Селяниновича. Настоящий человек должен стать трудником, подвижником, совершающим как духовный, так и физический подвиг. Через «дело», по мысли Абрамова, состоит и «путь ликвидации вековой отсталости России», по нашему лексикону — путь к модернизации. Потому как «Россия ещё никогда не работала в полную силу — в этом её беда».

Нашему обществу сейчас крайне нужен такой герой, создающий жизнь, а не принимающий схемы и конструкции, созданные для него. Не герой — блуждающий лермонтовский «Парус», который доминирует в нашей современной литературе, а герои — укоренённые, занятые возведением дома-храма.

Есть и альтернатива. Абрамов вслед за Достоевским показывает тот необычайный вред, который причиняет подмена живой, настоящей жизни какой-либо искусственно созданной идеей. Таких «идей» у нас сейчас пруд пруди, ими перенасыщен агрессивный информационный шум нашего времени. Таким «идеям», будто «золотому телу», языческому идолу, люди приносят себя, своих родственников, знакомых, весь мир в жертву.

В абрамовской книге младший сын в семье Порохиных — Гунечка: «Сама доброты. Монастырь, церковное любил. Молитвен-

ник семьи. Пост соблюдал. Готовил себя в монахи. Любил божественное... Мир, лад вносил». И что же, чем кончил Гунечка? Предался обобщению «идей»? Началась революция. И всем сердцем прилепился к революции. На земле царство Божие установить! Бог — любовь. Справедливость. Братство. Не было человека, которому бы так были близки идеалы революции: свобода, равенство, братство. Гунечка записался добровольцем. 18 лет. Убит в первом же бою». Вот только праведный отрок Артемий Веркольский, пораженный молнией, почитаем на Архангельской земле за святого, а Гунечка, которого многие прощали в святые, так и не стал им. Он, источник следовавший за идеалами свободы, равенства и братства, не только ничего не достиг, но и жизнь свою потерял ни за что. Да всё потому, что все эти прокламации, которые его прельстили, — ничто, пустышка, потому как далеки от жизни и никак не соотносятся с реальным конкретным человеком.

По Абрамову, не только идея, мысль, но и слово может произвести необычайные катаклизмы: «Слово небезобидно. Слово — дело. Революция — это результат великого вброса в народ слов, начинённых динамитом. Слово может погубить».

Таких динамитных шашек, зарядов, начинённых гексогеном, в нашем обществе разбросано бесконечное множество. Они прельщают: ведь, десятилетиями блуждая в пустыне, мы истощены, мы потеряли цель, полагание, практически лишены скрепляющих страт и на грани отчаяния хватаемся за всё что угодно. В мире безыдейном, бесцельном легко погнаться за миражами, покупаясь на любой вброс информации, на суд общественного мнения.

Вот и вывод из всех путей, обозначенных Фёдором Абрамовым: обществу необходимо созидательное и симфоническое преобразование народной жизни в соразботничество с Церковью, с просветительством и деловыми кругами. Иначе мы будем иметь либо утопическое Беловодье, либо очередную революцию, ведущую к самоистреблению. Призыв «надо работать» и тезис, что «Россия ещё никогда не работала в полную силу», должен звучать в голове, а не всяческие искусственные миражные идеи.

Андрей РУДАЛЁВ, СЕВЕРОДВИНСК

ДИСКУССИЯ «ПОСТМОДЕРНИЗМ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ»

Восстание попугаев

Постмодернизм – хоть имя дико, но российская гуманитарная мысль вот уже лет двадцать тщечно пытается выяснить, что оно означает. Такие трудности возникают всегда, когда не слово подбирается к явлению, а явление к слову. Когда мы видим предмет «корова» и придумываем для него имя «корова», проблем не возникает, пока нам не понадобится отличить корову от буйволицы. Когда власть заказывает даже такую туманную штуку, как соцреализм, и то более или менее понятно, что имеется в виду: чтоб было похоже на правду, но укрепляло веру в социализм. Зато если жители Хренопупинска объявят себя лидерами нового духовного движения «хренопунизм», нам придётся очень долго выяснять, в чём же заключается истинная сущность хренопунизма, прежде чем мы наконец задумаемся: а существует ли таковая?

Я, однако, вовсе не хочу сказать, что в XX веке и, в частности, во второй его половине, не возникло ничего такого, чего бы не было в XIX. Если даже просто перечислить те явления, которые сами собой бросаются в глаза, уже выйдет немало. Первым я бы назвал возникновение массового читателя, или, выражаясь языком романтиков, полуобразованной «толпы», «черни», которую легко обмануть. Это, так сказать, восстание податливых привело к тому, что появилась возможность «раскрутить» любую поделку или подделку, которая бы вызвала у законодателей вкуса аристократической эпохи лишь брезгливую гримасу. Отсюда проше простого было заключить, что пиарщик важнее творца, – служение же этому принципу можно назвать революцией барыг. Наблюдая эту воодушевляющую картину, истероидные психопаты, которым необходимо любой ценой оказываться в центре внимания, поняли, что его неизмеримо легче привлечь не созданием своей красоты, а ошарашиванием, оплёвыванием чужой. Это явление можно назвать революцией поэзёров. Вот поэзёры-то и сделались идеологическим сердцем движения барыг, насколько служители мамоны вообще нуждаются в оправдании своей деятельности: барыгам всё равно на чём зарабатывать – на соиздании или на разрушении, а поэзёры проникнуты искренней, интимной и бескорыстной ненавистью к красоте и величию. Ведь именно Шекспир и Толстой отнимали у них то единственное, ради чего стоит жить, – славу и поклонение: если бы не пришествие свобод, мы бы даже и не догадывались, какие горы ненависти накопила образованная чернь против классических шедевров, которым их заставляли отбивать принудительные поклоны. Будя, попили нашей кровушки!

Из пены на губах этой ненависти и родились авторы, выстраивающие пьедестал исключительно для себя самих. Да, романтики тоже выстраивали свой пьедестал на презрении к черни, но этот пьедестал был открыт для всех. Человек – высокое существо, давали понять они: сделайте достойными своего высокого назначения, и вы тоже будете звучать гордо. Новый автор – самолюблённый эгоцентрик – шлёт миру принципиально иное послание: достоин восхищения лишь я один, а все остальные представляют ценность только в виде рукоплещущего мяса. Ещё одно небывалое явление – комментирование превратилось едва ли не в массовую профессию: стало возможным вести обеспеченное и почтенное существование в качестве комментатора и интерпретатора чужих текстов. Влияние этой гильдии настолько разрослось, что не могло не привести к революции комментаторов: комментатор важнее творца! Творца, в сущности, даже и вовсе нет – смерть автору! Только особая порода людей, родившихся, воспитавшихся и никогда не выбиравшихся за преде-

лы библиотеки, могла не видеть смехотворности такого, скажем, логического следствия их теории: Ремарк написал «На Западном фронте без перемен» не потому, что замерзал, мокнул и дрожал от смертного ужаса в окопах, был ранен, видел страшную смерть друзей, а потому, что прочёл сотню-другую «текстов». (Ряды комментаторов существенно пополняет отряд маменькиных сынков – городских книжных мальчиков, никогда не живших полноценной жизнью тела, которое и составляет нам самые мощные впечатления: холода, голода, боли, усталости, страха...) Однако же не бывает такого влиятельного зла, которое бы не начиналось с борьбы за добро. После идеологических катастроф XX века, после Освенцима и ГУЛАГа наиболее чувствительные европейские интеллектуалы постарались отыскать корень всех бед – им оказался пафос. Если-де смотреть на вещи патетически, непременно возникнет чувство, что на свете есть вещи более важные, чем человеческая жизнь, – это чувство и есть первый шаг к идеологическим войнам. Следовательно, дабы их избежать, необходимо на всё смотреть иронически – тогда и не возникнет желания ни убивать, ни жертвовать собой. Новую иронию не нужно путать с прежней, романтической. Источник романтической иронии – горечь за поруганную прекрасную мечту, в основе же новой иронии – торжество над дураками, решающимися о чём-то мечтать. Романтическая ирония – это насмешка над собственным отчаянием, новые ироники готовы плумиться над всем, кроме самих себя. Прежде считалось, что если человеку не за что умирать, то ему незачем и жить. Оказалось, что можно жить припеваючи, патетически относясь лишь к одному предмету – к самому себе. И не только жить, но ещё и писать прозу и даже стихи.

Другое дело, что без пафоса, без страсти невозможно только имитирование, – ну так и будем имитировать, пустив в ход эрудицию интерпретаторов. Да ещё и объявим это последним словом европейской культуры, вооружившись искусством пиарщиков. Возьмём у Джойса его хаос без его мощи, у Кафки его абсурд без его отчаяния, у Набокова его холодность без его блеска, – получится даже и небезынтересно. Особенно на фоне «советской серости». В Советском Союзе всем этим поискам и про-искам барыг, поэзёров, комментаторов, маменькиных сынков и гипергуманистов развиваться не давали, и потому, как всё запретное, они обрели магию опасной для власти значительности. Но ведь всё, что плохо для власти, хорошо для нас, – значит, к этим новым веяниям нужно стремиться, их поддерживать, им подражать, особенно если хочешь выглядеть как самый образованный иностранец. Поэтому в России сделалось преобладающим попутайское начало.

Иными словами, источником творчества сделалось не стремление преобразовать ужасное и скучное в красивое и забавное, чем от начала времён занималось искусство, а стремление ощутить себя «цивилизованными людьми» в замкнут-лексованной стране. О чём давно мечтали прежде отеснённые с авансены лакеи. И когда наконец грянула все-сокрушающая революция лакеев, захвативших вокзалы, биржи и телевидение, новые сорта ли-тературных коктейлей были ими подхвачены вместе со всем прочим раскрепощённым и про-грессивным.

Но нужны ли эти коктейли, или, выражаясь по-современному, миксты, кому-то, кроме тех, кто непосредственно на этом зарабатывает деньги и кое-какую славу? Разумеется, нет – в искустве люди ищут экзистенциальной защиты, защиты от ужаса собственной мизерности и подступающего к каждому бесследного исчезновения, а не прикола или материала для диссертаций. Зато для диссертаций искусственный соловей намного удобнее живого: всегда заранее понятно, что он споёт, и к тому же можно отдать полный отчёт в его искусстве, можно разобрать его и показать всё его внутреннее устройство, расположение и действие валиков, всё, всё! Помните же прелестную сказку Андерсена «Соловей»? Искусственная птица заняла место на шёлковой подушке возле императорской постели, капельмейстер написал об искусственном соловье двадцать пять томов учёных-преучёных и полных самых мудрёных китайских слов, а придворные делали вид, что всё прочли и поняли, иначе их прозвали бы дураками и отколотили палками по животу. И, однако же, только живой соловей сумел отогнать тягостные воспоминания и даже на время отвлечь самую смерть.

Гениальное Андерсена уже сто семьдесят лет назад занимало то предпочтение, которое «ци-вильзованная» публика оказывала искусствен-ному перед естественным, приручённому перед «диким», – он уже тогда почувствовал, что наша цивилизация есть движение от дикости к пошлости. Взять хотя бы диалог канарейки и попу-гай из «Калош счастья». «Ты помнишь пальмы, миндальные деревья, чудесные цветы, озёра, стаи красивых попугаев?» – спрашивает попугая канарейка и слышит ответ: «Эти дикие птицы, не получившие никакого образования. Нет, будем людьми!» Цивилизованными людьми, уточнили бы сегодня.

«Меня прекрасно кормят и всячески убаж-ают, – говорит попугай. – Я знаю, что я умён, и с меня довольно. У тебя, что называется, поэти-ческая натура, а я сведущ в науках и остроумен. Смех – это знак высшей степени духовного раз-вития».

Пожалуй, среди составных источников новей-шей, хотя уже и почти старомодной, русской лите-ратуры можно назвать ещё и восстание попугаев. Разумеется, это тоже не даёт никаких оснований называть итоговый микст словом «постмодер-низм», но ведь бренды назначают не писатели и не читатели, но пиарщики и ко-ментаторы, это их дело – превра-щать понятное в непонятное. Так что насчёт брендов, что чем на-зывать, все вопросы к ним.

А у нас на улице в пору моего детства был популярен лозунг: кто обзывается, тот так и назы-вается.

Александр МЕЛИХОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ФОРУМ

Евразийский транзит

Доктрина самого Фестиваля современной поэзии им. Бориса Чичибабина в Харькове заключается в первую очередь в предьявлении любителям словесности состоявшихся литературных имён, оказавшихся в силу распада единого культурного пространства вне поля зрения харьковчан. Основной целью фестиваля является распространение гуманистических традиций поэтической культуры среди широкой общественности и молодёжи, популяризация поэтического наследия Б. Чичибабина, укрепление междуна-родных культурных связей, поднятие культурного уровня в обществе, а также престижа Харькова. Что, как кажется, вполне удаётся. Список приглашённых

определяется вкусами устроителей фестива-ля, что естественно. Хотя в фонд входят люди с разными взглядами и пристрастиями, тем не менее существует внут-ренний консенсус, понимание, кто есть кто в современном поэтиче-ском мире, какова лите-ратурная иерархия.

Поэтому на Чичиба-бинский фестиваль при-глашаются, как правило, крупные фигуры, лауреа-ты престижнейших лите-ратурных премий, просто интересные поэты. Даже если это и не очень известные стихотворцы, то их профессиональный уровень не подлежит, на взгляд организаторов фестиваля, сомнению. За последние годы на Чичибабинский фестиваль приезжали Е. Рейн, Ю. Кубановский, Д. Сухарев, С. Гандлевский, а также питерцы А. Кушнер, А. Пурин и А. Леонтьев, москвичи Д. Быков, М. Кудимова, М. Вишневецкая, Д. Веденяпин, казанец А. Остудин, известный критик Л. Аннинский, заведу-ющий отделом поэзии журнала «Новый мир» П. Крючков, заведомом поэзии журнала «Знамя» поэт О. Ермолаева и другие. Русский Киев не раз бывал пред-ставлен здесь такими поэтами, как Н. Бельченко, И. Кручик, А. Кабанов.

Все эти авторы широко публикуются, в частности, в известном интернет-проекте – Журнальном зале Русского журнала. Участвовали не раз в фестивале также стихотворцы, пишущие на украинском языке, – лауреаты Национальной премии им. Шевченко – киевлянин Т. Федюк, житель Херсона А. Кичинский и другие. Однажды принял участие белорус А. Хаданович, читавший стихи на родном языке. Хорошее дело: в Харькове три корневых русских языка понима-ют без перевода! Не столь давно гуманитариями была высказана инициатива о том, чтобы именно Харьков сделать столицей тройственного русского союза, – как говорится, Малой, Белой и Великой Руси. Нам кажется, эта идея всё бо-лее актуализуется.

А на открытии в Чичибабин-центре автор фестивальной концепции нынешне-го года поэт Андрей Дмитриев, говоря о «евразийском транзите», заметил: «В последние несколько лет все основные открытия в современной русской поэзии, как мне кажется, относились к именам, географически связанным с ме-стами, находящимися за Уральским хребтом. Помним безмерно ушедшего Бориса Рыжего, но сегодня обратили на себя внимание Виктория Измайлова (Чита), Елена Тиновская, Евгения Изварина (Екатеринбург), Лада Пузыревская (Новосибирск) и другие. Всё больше обстоятельств места наносится на карту русской поэзии. В частности, Кунгур или Закамск – благодаря Андрею Пер-мякову, поэту и эссеисту. В этой связи нынешний Чичибабинский фестиваль как бы расширился и на Восток».

В этом году кроме традиционного гостя Светланы Кековой (Саратов) в поэтических вечерах приняла участие уроженка Нижнего Тагила Ирина Каре-нина, последние два года живущая в Минске. Также впервые на фестиваль прибыл питерец Евгений Каминский.

Чичибабинский фестиваль с.г. включал по традиции и филологические чте-ния, то есть научные доклады, посвящённые русской поэзии, среди которых выделим выступления двух докторов наук – С. Кековой и В. Казарина (Сим-ферополь).

В фестивале были задействованы как помещение библиотеки Чичибабин-центра, так и – впервые – концертные залы Харьковского национального уни-верситета искусств им. Котляревского. Наполненность, а точнее, переполнен-ность залов Чичибабинского фестиваля уже стала легендарной, это редкость в прагматичные времена не только в западном мире, но и в русских литератур-ных флагманах, Москве и Петербурге. Харьковским любителям словесности гости неизменно удивляются и радуются. И повторяют мысль А. Кушнера, что Харьков сегодня является одной из столиц русской поэзии.

Пётр МАСЛЮЖЕНКО

ЮБИЛЯЦИЯ

У Антонины Пикуль, верного друга, помощницы и вдовы знаменитого писателя Валентина Пикуля, юбилей. Гражданка России, живущая в Латвии так же сложно, как тысячи наших соотечественников, Ан-тонина Ильинична свято хранит память о муже, все силы отдавая для уве-ковечивания его памяти и популяризации его произведений. Талантливая писательница, она выпустила шесть книг, где воспоминания о любимом че-ловеке соседствуют с точным и глубоким анализом его творчества. Прими-те, Антонина Ильинична, поздравления с 75-летием и пожелания здоровья, творчества и удачи!

«ЛГ»

ЛИТ ИНФОРМБЮРО

ЛИТПРЕМИЯ

Вручены премии журнала «Юность». Премию имени Ва-лентина Катаева получили Иль-дар Абдузаров, Сергей Козлов и Елизавета Трусевич; премия имени Анны Ахматовой вруче-на Лилии Газизовой, Алексан-дру Добровольскому, Нине Красновой; премию Бориса Полевого получили Варвара Заречнова (Полина Иванушки-на), а премия имени Владими-ра Лапина присуждена Игорю Попову. Вёл церемонию глав-ный редактор «Юности» – Ва-лерий Дударев.

Антипремия «Полный аб-зац», учреждённая газетой «Книжное обозрение», была присуждена на ВВЦ в рам-ках выставки-ярмарки «Кни-ги России» книге английского специалиста в области ком-пьютерных технологий Джар-она Ланира «Вы не гаджет. Манифест», вышедшей в из-дательстве Corpus. Худшей редактурой отличился роман англичанин Лесли Даниелс «Уборка в доме Набокова», вышедший в «Азбуке-класси-ке». Антипремию за корректу-ру получила книга «Я беру

тебя с собой» итальянца Ни-коло Амманити, вышедшая в «Иностранке». «Лауреатам» антипремии вручили статуэ-тку в виде редакторского зна-ка абзаца.

Премия «Русский Букер» в очередной раз сменила попечителя. Им стал банк «Глобэкс». Стороны уже под-писали договор о сотрудни-честве. С новым спонсором «Букер» собирается увели-чить вознаграждение лауреа-та с 600 тысяч до 1,5 мил-лиона рублей. Финалисты вместо 60 тысяч получат по 150. Остаётся надеяться, что тексты победителей будут адекватны денежному посо-бию.

ЛИТМУЗЕИ

В Ульяновске открылся Му-зей Антуана де Сент-Экзюпе-ри. В коллекции музея выдаю-щегося французского писателя представлено более шести ты-сяч экспонатов. В мире только Япония и Южная Корея могут гордиться тем, что у них есть музеи Сент-Экзюперы. Даже во Франции, на родине пи-сателя, мемориальный центр Экзюперы власти собирают-ся создать только к 2014 году. Россия опередила Францию – страну-партнёра по пере-

крёстному Году языка и лите-ратуры.

На Алтае планируют со-здать Центр патриотического воспитания сельской молодё-жи имени Роберта Рождест-венского. Его предполагают разместить в селе Косиха, на малой родине поэта, в здании бывшего кинотеатра «Восток-2», которое реконструируют. В здании культурно-образо-вательного центра размес-тит Музей имени Р.И. Рож-дественского как филиал Государственного музея ис-тории литературы, искусства и культуры Алтая.

ЛИТПРЕЗЕНТАЦИЯ

Санкт-Петербургское ре-гиональное отделение Союза переводчиков России и Цент-ральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяков-ского провели презентацию нового журнала «Царскоель-ская лира». Вечер был посвя-щен памяти замечательного поэта и переводчика, недавно ушедшего из жизни Ильи Фо-някова.

ЛИТФОРУМ

В традиционной весен-ней ярмарке «Книги России» на ВВЦ не приняли участия два самых крупных россий-ских

издателя – АСТ и «Эксмо». Последнее делать этого и не собиравшись, а АСТ в послед-ний момент отозвало заявку. Очевидно, что прежде всегда участвовавшие в «Книгах Рос-сии» издательства АСТ и «Экс-мо» на сей раз не увидели в этом большого коммерческого смысла. АСТ предпочло книж-ной ярмарке участие в непро-фильных выставках детских и школьных товаров.

ЛИТКОНКУРСЫ

В День адыгского (чер-кесского) языка и письмен-ности был дан старт первому конкурсу молодых писателей «Гугъэ» («Надежда»), цель проведения которого – выя-вление и поддержка талантов среди творческой молодёжи. Конкурс проводится по номи-нациям «Поэзия», «Проза», «Драматургия», победители будут отмечены дипломами и поощрительными призами. Проводимый впервые кон-курс призван выявить подаю-щих надежды молодых поэтов и прозаиков, чьи работы бу-дут отмечены и доведены до широкой читательской ауди-тории.

Бюро переводов «Прима-виста» объявило конкурс по-этического перевода «На язы-

ке детства», посвящённый 130-летию со дня рождения К.И. Чуковского. На конкурс принимаются переводы на русский язык детских стихот-ворений с английского, фран-цузского, немецкого, итальян-ского, испанского, китайско-го и японского языков. Оригина-л стихотворения должен содер-жать не менее 500 печатных знаков. Один участник может представить на конкурс не бо-лее трёх переводов разных произведений. Для участия в конкурсе участник должен при-слать свою работу по адресу konkurs@primavista.ru с помет-кой «Конкурс».

ЛИТМЕМОРИАЛ

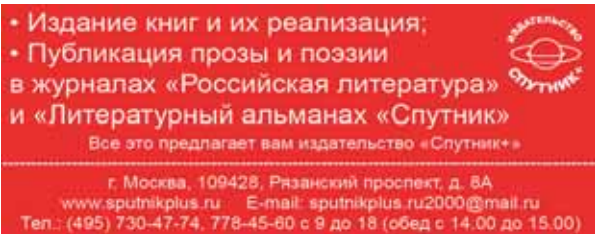
В Финно-угорском куль-турном центре РФ состоялась презентация мемориала в па-мять народного писателя Коми Геннадия Юшкова, которому исполнилось бы 80 лет. Ме-мориал займёт своё место на могиле литератора на Красно-

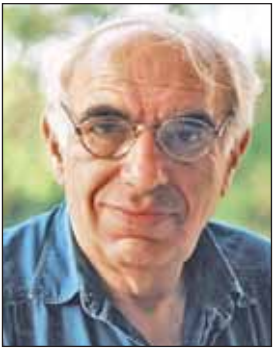
затонском кладбище Сыктыв-кара. Комплекс, центром кото-рого станет огромный валун с выбитыми на нём строка-ми одного из последних сти-хотворений поэта, презенто-вала дочь Геннадия Юшкова Юлия.

ЛИТПРОГРАММА

Полпред президента на Северном Кавказе А. Хло-понин предложил разрабо-тать специальную грантовую программу для поддержания и популяризации произве-дений писателей Кавказа. «Мы с вами вместе... пред-ложим... может, даже и гран-товую программу, которая будет направлена именно на популяризацию переводов произведений народных пи-сателей на русский язык и на-оборот», – заявил А. Хлопо-нин на встрече с призёрами конкурса журналистов «Золо-тое перо» в Грозном.

ПОЭЗИЯ

Евгений РЕЙН

БЛОКАДА

Я видел панораму
«Блокадный Ленинград»,
Я вспомнил папу, маму,
соседей — всё подряд,
Я вспомнил ту горбушку,
и трупы на снегу,
И на углу церквушку,
и залпы по врагу.
И Невку, и Фонтанку,
и на стене плакат,
и как мы спозаранку
спешили на парад,
Я вспомнил сорок первый
и сорок пятый год,
и водку, и консервы,
обстрел, отбой, налёт.
Я вспомнил, что я стою,
что знал, чем стал, кем был,
и оказалось, что я
ни крошки не забыл.

В ПЕЩЕРЕ

Дымный закат над заливом и над Кронштадтом,
Что-то я чувствую нынче себя виноватым
Перед заливом и перед Кронштадтом...
Что же, цепная реакция — здравствуй, атом.
Зря, что ли, спешил Македонец в пернатом шлеме,
Маятник в тяжёлом брежете отстукивал время,
Байрон халтурил в восточной поэме,
Почему для меня всё это — лёгкое бремя?
Дальше и выше — неужели туда не пробиться,
К тому истоку, где боги — самоубийцы
Мир разделили, как будто кубисты,
На фигуры и клетки заигравшегося шахматиста.
Глубже и выше, через эндишпил к дебюту,
И ещё дальше — от роллс-ройса к верблюду,
Что позабыл, что вспомнил — а с вами не буду,
Я отступаю обратно к пещерному люду.
В этой пещере заката, где мамонт на голой стенке,
Где дымят табачком янки или эвенки,
Где хорошо бы дожждаться пьянки и пересменки,
Слизывая с чубука горькие пенки.
Всё пока впереди. Вместо совести психоанализ,
За миллионы лет довольно мы намахались,
Во всей истории этой предпочитаю хаос,
Хочу повиниться, но в чём покаюсь?
Бедный дикарь-питекантроп, не знающий гороскопа,
Каменная моя ничуть не согрелась ж*па,
Мне не дотянуть ни до рассвета, ни до потопа,
Вот моя правда — основателя и остолопа.
Что пропустил, что предвидел — не знаю,
Сон над золой, словно мать родная,
Убаюкивает, что песенка горловая,
Там у начала, у самого края.
А во сне всё едино — физика и динозавры,
Напевы радио и лепет арфы,
Как же растолковать мне карты,

Ирина СУРНИНА

Родилась на Алтае, в городе Рубцовске. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Стихи и проза печатались в «Литературной газете», журналах «Юность», «Нева», «Континеннт», «Урал», «Сибирские огни», «Наш современник», «Литературная учёба» и др. Лауреат премии им. Есенина. Член СП.

Я такая не подхожу?
В старой кофте,
с цветущей ангиной?
Похожу — и в окошко слежу
За зимою московскою длинной.
Всё могу перепутать, отстать,
Потеряться и просто забыться,
И певучие книги листват,
И спиться.

Кофе с утра
И весны золотой холодок.
В бедном лесу
Непривычно ещё и не сухо.
Только пройдёт
Торопливо с собакой ходок
Или навстречу
Смолчит недовольно старуха.
Только и радости:
Светлое всё, налегке!
Птица ко мне подлетит
И не стнет дичиться.
А и пускай
Ничего не видать вдалеке.
Вдруг замереть
И на листья
По солнцу молиться.

Никаких журавлей —
перелёты ворон
и пустые, немые осины.
А навстречу асфальт
и растущий бетон
да вагоны, пропахшие псиной.
Но не просто пропать,
мы живём и живём,
по запястьям холодные капли.
И рябиновый дождь
пропадает живём,
и себя нам не жалко ни капли.
После всхлипов и слов
свет особенно чист,

Зачем накрываешь окно
усталым задумчивым взглядом?
Конечно, ему всё равно,
но мне твоей грусти не надо.

Мы молоды. Каждый ещё
успеет покаяться скуке.
Так что же свила ты плющом
свои исхудавшие руки?..

Моя провинция избита
уже привычной нищетой.

мы давно не хотим и не просим.
Где-то стынет Ока
и есенинский лист
улетает в открытую осень.

Короткое солнце
И крупные листья лежниц
Светлеют на тающих ветках
Прозрачно и веще.
И так незаметны
Потёртые лица мужчин
И вспышки волос
Осенних, медлительных женщин.
По вялым дворам
Растерять половину себя,
По рынкам, больницам, собакам,
Обломкам цветений.
Дойти до дверей
И, в кармане ключи теребя,
Звонить и звонить
И в глазке обозначить тенью.

Картошка выкопана, сложена.
Теплу — конец.
И в телевизор заворуженно
Глядит отец.
И тянет в скважину замочную.
И тянет дом.
А листья выпали за ночь одну
Сухим дождём.
Который год похлёбка варится,
Болеет мать.

Она пропита, и забыта,
и так стоит — полупустой.

Я переехал жить в столицу
и стал раздумывать о том,
что мог бы спиться,
с нею спиться,
оставив будни на потом.

Но я люблю её,
как любит
плохих родителей их сын.
Ведь только любящие судят,
И то Судья — один...

ИЛЬЯ АВЕРБАХ

Кудрявый луч пробился на экран,
Удав искусства вполз Лаокооном,
Коробки фильма, выполняя план,
Как пассажиры, жались по вагонам.

Как стих alexandрийский
(он же — ямб),
Пезурой был разбит на свет и тени,
И вольтова дуга небесных ламп
Переговора в чувстве и смятенье.

В убогом зале, в кресле, посреди
Приятелей и местного начальства,
Сидел и тот, кто плёнку засветил
И вместе с кинолентой сам кончался.

Ну вот и пролетел последний кадр,
И режиссёр запил свою таблетку,
Теперь он был никто, чужой кадавр,
Объятый поджакком в глухую клетку.

Зажёгся свет, а он ушёл во мрак,
Фильм оказался моргом у больницы,
Прошай навек, докуривай табак,
Воскреси, друг, в конце своей Седмицы.

НА УГЛУ

Пролетая «Красно стрелую»
В тамбуре под папиросный дым,
Если дверь вагонную открою —
Навсегда останусь молодым.

И опять под ленинградским небом
Буду ждать тебя на острове,
Никому не нужен и неведом,
Потерявшись в мыслях и следах.

В голубом плавучем ресторане
Снова мы закажем коньяка,

Фотоподарок ЕВГЕНИЙ

И не обнять, и не покаяться,
И не догнать.
А Рыжик с осенью сливается
И ловит блох.
И в золотой пыли купается
На полке Бог.

И не убежать.
Ты останешься маленькой Прой,
Рождённой большим захолустьем
И этой квартирой,
Где вещи влюбились
И мучают память годами,
А школьный передник на кухне
На худенькой маме.
Нетленный передник...
И сорваны старые краны.
Бесуменно сняют в темноте
По столам тараканы.
Легко по столицам,
А здесь — не дождёшься успеха.
Здесь лучше родиться,
А после — уехать, уехать!

Везде ветра, а мне тепло,
Теперь не сдует, не снесёт,
Забилась к сыну под крыло —
И он опять меня спасёт.

А время льётся молоком,
Шептаться — не перешептать.
И в сына мне легко врать,
Я в нём зародыш, тёплый ком.

Рука, протянутая мной,
Не раз от Бога получила
Монеты меди неземной
И неземного номинала.

Я получал, о чём молил
Ночами, полными надежды.
И я, крестьясь, благодарил
Молитвой простенькой невежды.

Исчезнет всё: мои места,
Мои дела, мои секреты...
Я так боюсь, что у Христа
Однажды кончатся монеты.

Город наш в мерцающем тумане
Будет наплывать издалека.

Эта ночь подскажет мне ошибку
Отречения от твоей любви,
До утра мы будем слушать скрипку,
Холодеть на пролитой крови.

И пройдут бесследно эти годы,
Встретимся в отеле на углу,
Я искал забвения и свободы,
Притяжал на славу и хулу.

Что же? Ты совсем не изменилась,
Тот же самый безупречный взор,
Вот и окажи такую милость —
Памятный последний разговор.

Последний свет январских сумерек,
Огонь вечерний наготове,
И выцветает дымный полумрак
В багровый цвет холодной крови.

И мелкий снег в знакомом дворике
Ещё замедленной и тише,
И тени падают, как промельки,
На безысходный край у крыши.

Там на проспекте буйство жаркое,
А здесь — затишье и отрада,
Но с городского перепалкою
Делить мне ничего не надо.

Стоять. Глядеть в закат нечаянный,
Припоминая всё помалу,
Полуживое, беспечальное,
Что выпало или пропало.

Всё, что исчезло в море тусклого,
Оставив тёмную зарубку,

Что будет жить в душе без умысла
И тайно требовать побудку.

2012

СЭНДИ КОНРАД

Десять и девять, бежун стометровый
и лейтенант белгородской милиции,
Саша Кондратов — живой и здоровый,
как мне твои перечислить отличия?
Выученик формалистов и Пропта,
мистик числа и наследник Введенского,
что ты подскажешь мне нынче

из гроба,
гений, разведчик разброда вселенского?
Ты, почитавший и острова Пасхи
идолов, йогов конфигураций,
красивший крыши дворцов без опаски,
в сумке носивший свои декларации,
сдавший в запасник бурятского Будду,
Конрадом Сэнди себя называвший, —
всё пропущу, а тебя не забуду,
ты, пентаграммой себя повязавший.
Книжки строчивший

для «Гидроиздата»,
трубки куритель, любитель пельменей,
нету таинственнее адресата —
азбука Морзе и ток переменный.
Ты, не закончивший дела-романа
«Здравствуй, мой ад!» и дошедший

до края,
живший в лазури на дне котлована,
смыслом погубили буйно играя.
Место нашедший в Казанском соборе,
после работы на Мойке и Невском,
ты, заявлявший в ночном разговоре:
«Буду я к Вечности вечным довеском».
Всё это сбудется, Саша Кондратов,
о, Сэнди Конрад, из дали, из праха,
из новолуния, из чёрных квадратов,
лучший из лучших, бежун-растеряха.

Простые истины

Леонид ТЕУШАКОВ

1943–2012

В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ

Когда мне горько, дорогой мой брат,
И сердце — как одна сквозная рана,
Я вспоминаю Гефсиманский сад.
Я вспоминаю воды Иордана.
И наполняюсь силой до краёв,
Как будто бы крылом коснулся рая.
Я в жизни много повидал краёв,
Но не встречал ещё такого края,
Чтоб исцеляли воздух и вода:
В одно мгновенье,
Просто — моментально.
И чудилось уже, что никогда
Мне не грозит врасплох
Исход летальный...
Один Творец.
И Истина одна.
И с возрастом она не оскудела.
...У Иордана, знаю, нету дна.
И нет у веры
Верхнего предела.

ИЕРУСАЛИМ–МОСКВА

ЖИЛ ДА ЖИЛ

Бывало всякое:
То шишковал,
Давая в ресторанах
Ход излишкам.
То уходил в тайгу и шишковал,
Чтоб заработать
На прокорм детишкам.
Неровно жил —
Чего греха таить! —
И не чурался никаких ремёсел,
Обучен с детства был коров доить
И чувствовать
Упругость крепких вёсел.
То за столом
За письменным корпел,
Вгоняя в лист
Заметок острых строки:

ДАЛЬ ДОРОГ

Вперёд товарищи уходят.
Их шаг уверен и широк.
Так надо.
Кто из нас не хочет
Измерить даль своих дорог?!
Я вслед смотрю им.
Но без зависти.
Недолго буду в стороне.
Я верю, что Святые завязи
Ещё дадут ростки во мне,
Что этих дней густые ветви
Сомкнутся за моей спиной,
Что этих дней тугие ветры
Ещё ударят
В парус мой!

МОСКВА

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Сергей Лебедев. **Предел забвения.** — М.: Эксмо, 2012. — 416 с. — 2000 экз.

Это проза категории «я ощутил», «я увидел», «мне показалось». В ней много тончайших наблюдений, внутреннего трудного эмоционального движения — и практически нет рационального рассуждения. Это весьма субъективная проза, написанная не просто хорошо, а иногда даже изысканно-хорошо; взгляд, вооружённый массивным увеличительным стеклом, которое преобразает детали, рельеф текста, его краски и текстуру, делает их выпуклыми и дышащими, но одновременно обволакивает всё происходящее матовой вязкой плёнкой то ли забвения, то ли мучительного воспоминания. Книга Лебедева — ни повесть, ни роман, а скорее, импрессионистское полотно, почти ни о чём, о попытке пострадать и очиститься, о надежде забыть то, что составляет нежеланную часть твоей сущности, — и содержание её, пожалуй, уступают стилю. Но и этот критический взгляд на дебют Сергея Лебедева глубоко субъективен.

ПОЭЗИЯ

Андрей Шербак-Жуков. **Дневник наблюдений за природой.** — М.: Воймера, 2011. — 56 с. — 500 экз.

Подборка стихов Шербака-Жукова получилась неровной: сомнительные вещи в ней сочетаются с пронзительно-талантливыми, что важно, не пересекаясь. Читая этот маленький сборник, можно на одном стихотворении недоумённо поднять брови, а на другом — прийти в восторг и броситься заучивать наизусть. Звукопись его местами гениальна, афористичность радует душу и питает разум, многие тексты очень выигрывают от произнесения вслух. Стихи Шербака-Жукова — звучащие. Кроме того, это стихи горожанина, живущего не вполне естественной жизнью и с мудрой усмешкой сознающего это. Но даже когда в его городе холодно и «звенит на деревьях последнее золото» — «ветер дует, а кошка колдует, и мороз не берёт ни в какую». В этих наблюдениях за природой человек — не лишний, он и наблюдатель, и объект изучения. Порою легкомыслен, порою — на диво глубок и выразителен в суждениях, но всегда — человек, без приставки «сверх».

ПУБЛИЦИСТИКА

Андре Шиффрин. **Легко ли быть издателем: Как транснациональные концерны завладели книжным рынком и отучили нас читать.** — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 224 с. — 1500 экз.

Человек, знающий книжный рынок США и Европы изнутри, Шиффрин написал свою книгу, когда истёк срок молчания, указанный в его контракте. Это книга о том, как издательство «Пантеон», многолетним главой которого он был, прежде занимавшееся публикацией интеллектуальной литературы и удовлетворявшееся прибылью в 3%, было поглощено гигантским концерном, идеалом которого были деньги. Концерн разогнал издателей старой закалки и, сделав ставку на громкую рекламу и многотиражные бестселлеры, в четыре раза увеличил норму прибыли. В результате прибыль упала ниже 1%, издательство утратило репутацию, ассортимент книжного рынка оскудел, что не помешало топ-менеджерам выплачивать себе миллионную зарплату. Подобная судьба постигла знаменитый американский журнал «Нью-Йоркер» и многие другие издательства. История о том, как погоня за прибылью побеждает культуру и здравый смысл, будет небезынтересна и российским читателям.

МЕМУАРЫ

Павел Ефремов. **Стоп дуть! Легкомысленные воспоминания. Часть I: Пенцы гнезда Горшкова.** — М.: Квадрига, 2011. — 320 с. — 2000 экз.

Павел Ефремов в 1987 году окончил Севастопольское высшее военное инженерное училище и десять лет служил на Северном флоте. Спустя двадцать лет после развала Советского Союза ему, как говорит он сам, «до боли захотелось написать не так, как пишут флотоводцы, потерявшие флот», и эта книга — первая часть его армейских воспоминаний. В ней заметны огрехи начинающего автора, в первую очередь — повторы, скачущее изложение. Однако Ефремову действительно удалось написать о годах своей учёбы увлекательно, умно, едко, весело и грустно одновременно. В его книге достаточно хохм, «солёных» историй, но главное в ней — искренний, неподдельный пафос офицера, размышляющего о том, что стало с его великой страной, забывшей, что «прошлое — родина души человека», и с её прославленной армией. Боль и смех, разумный мужской взгляд, достойное качество изложения позволяют предположить, что следующие части воспоминаний будут не менее интересны.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ирина Зартайская. **Все бабушки умеют летать.** — СПб.: Издательство «Фордевинд», 2012. — 64 с. — 3000 экз.

История Ирины Зартайской — об одной бабушке, но написана так обобщённо, что повествует о каждой — доброй и мудрой, заботливой и хрупкой, единственной в мире любимой бабушке. Ещё больше этому помогают живописные иллюстрации: их делали к каждой коротенькой главе двадцать две художницы, все со своей оригинальной творческой манерой, поэтому ни одна иллюстрация не похожа на другую, и очень интересно обобщить вместе с детьми, какой замысел самый удачный. В конце помещены фотографии, короткие сообщения о себе и электронные адреса художниц — этот маркетинговый ход может понравиться по душе не всем читателям детской книги. С другой стороны, добрые рассказы, написанные словно бы маленькой девочкой о своей бабушке, очень трогательны и ненавязчиво поучительны. С бабушками всё не так, как всегда, они могут рассказать о том, чего не знают даже родители. И, главное, все бабушки умеют летать и когда-то улетают навсегда. Дети, берегите своих бабушек.

Книги предоставлены магазинами «Библиоглобус» и «Фаланстер»

Татьяна ШАБАЕВА

КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ

Молодые, которым за 40

ПОКОЛЕНИЕ ПОТЕРЯННОЕ, НО НЕ ПОТЕРЯВШЕЕСЯ

Что общего у этих четырёх авторов? Ну, наверно, не только то, что все они активно пользуются социальными сетями, размещают стихи на сайтах и в блогах, а также являются авторами «ЛГ». Объединяет их прежде всего период вхождения в литературу, то есть «нулевые» годы. Так уж получилось, что эти люди заявили о себе гораздо позже, чем могли бы. 90-е — не самое лучшее время для дебюта; издания закрывались, стремительно сокращались тиражи, интерес к поэзии упал ниже некуда. Человеку, пишущему стихи, крайне трудно было куда-то их пристроить, не обладая связями, да и публикации ничего толком не давали авторам.

«Нулевые» всё расставили по местам. Дряхлых пенсионеров и скучных литчиновников из различных СП, которые по привычке пытались представлять русскую поэзию, потеснили активные и талантливые люди. Интернет произвёл настоящую революцию в нашей словесности. Оказалось, что серьёзных, зрелых поэтов, не замеченных литменюклатурой, гораздо больше, чем можно было предположить. Только теперь они могли распространять свои тексты не только бумажным самиздатом, но и через Сеть, где их тексты находили сочувственные отклики, обсуждались, перепечатывались. Пришло время тех, кого долгое время замалчивали, с кем не считались. Показательна история Всеволода Емелина, который в 90-е ходил по редакциям с рукописями, всюду получая отказы. Теперь многие из тех, кто ему отказывал, сами бегают за ним в надежде получить разрешение на публикацию новых стихов Всеволода Олеговича (да-да, по имени-отчеству).

Вот так и выходит, что мы говорим о новых именах в поэзии и одновременно об авторах, которых ну никак не назовёшь молодыми. Парадокс, конечно. Но разве Россия не страна парадоксов? Впрочем, есть у них ещё одна общая черта — надломленность, то и дело сквозящая между строк. Но об этом ниже.

ТЁРКИН НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Емелин — самый известный из этой четвёрки. Виктор Топоров назвал его «первым поэтом Москвы», а Захар Прилепин — «последним народным поэтом России». Популярность Емелина довольно легко объяснить — он пишет о наиболее болезненных темах, которые обходят за версту другие поэты, очень общечеловеческими своим имиджем. Причём он не топорно рубит правду-матку, но делает это с юмором, иронией, высмеивая навязшую в зубах полтикорректность, издеваясь над либеральной общественностью. Вот как начинается его стихотворение «Ещё раз про нежность», написанное после событий на Манежной площади в декабре 2010-го:

*Мы, русские, очень нежные,
Пальни по нам из травматики —
мы и погрём.
Чьи-то друзья придут на Манежную
И устроят погром.*

*Потому что конкретно по жизни
Наши русские существа
Чрезвычайно склонны к фашизму,
Как давно установил центр «Сова».*

*А лица кавказской национальности
По строению своего организма —
Напротив — склонны
к интернациональности
И антифашизму.*

Стихи эти можно было бы принять за плоскую шутку, если бы наши СМИ не вопили постоянно о «русском фашизме», а правозащитники не бро-

сались на защиту любого головореза с Кавказа. Емелину тут даже выдумывать ничего не нужно, достаточно просто озвучить точку зрения определённых кругов относительно той или иной проблемы, чтобы вызвать взрыв смеха. И фантастически нелепая рифма национальности-интернациональности тут только в тему, придавая тексту дополнительный шарм. А разве не комично, когда, к примеру, глава МВД видит корни преступности и экстремизма в том, что молодёжь не поёт романсы и не танцует вальсы? Вот и ещё одна тема для стихотворного фельетона.

Емелин, в общем-то, прост, но эта простота дорогого стоит:

*Жми на тормоза
Сразу за Кольцевою.
Ах, эти глаза
Накануне запоя.*

*Здесь ржавый бетон
Да замки на воротах.
Рабочий район,
Где не стало работы...*

Это действительно народные стихи, да которых порой веет безысходностью. Пока женоподобные эстеты

И он не видит выхода из сложившейся ситуации, не верит в возможность что-то изменить:

*Всё роешь землю носом,
всё врёшь себе и врёшь,
Что за море матросом
когда-нибудь уйдёшь.*

И это неудивительно. До книг ли ему было, до публикаций ли, когда пришлось торговать на рынке книжками и сигаретами, чтобы прокормить семью? Такие вещи не забываются, накладывая отпечаток на творчество в целом. Хотя всё-таки нельзя сказать, что в стихах Сизых нет никакого просвета. Автор видит его в дочке-«звездочке», данной Богом в награду «за беспросветную тьму впереди», и в любимой женщине, ради которой, конечно, стоит держаться на плаву:

*Но ты меня не кинула, не сгинула, и мне
чтоб выжить — этих стимулов
достаточно вполне.*

СДЕЛАВШИ ХАРАКИРИ

Книга Бориса Панкина издана по технологии Print on demand, т.е. тираж как таковой отсутствует. Любой

Всеволод Емелин. **История с географией:** Стихи. — М.: АСТ: Астрель, Полиграфиздат, 2011. — 192 с. — 3000 экз.

Андрей Сизых. **Аскорбиновые сумерки:** Стихи. — М.: Вест-Консалтинг, 2012. — 146 с. — 500 экз.

Борис Панкин. **Новый Раскольников:** Стихи. — Киев: ООО «Издательство «Простобук», 2012. — 224 с. — 1 экз. (по требованию).

Максим Жуков. **ЛуТшее:** Стихи. — М.: Поэтоград, 2011. — 40 с. — 500 экз.

оттачивают своё мастерство, сочиняя один верлибр заумнее другого, Емелин говорит о том, что волнует каждого вменяемого человека. Поэтому-то его книги в последнее время выходят достаточно часто. Нет тут хитроумного заговора, тайнственных спонсоров или признаков «кремлёвского проспекта». Просто людям хочется внятного разговора о житье-бытье, да и посмеяться охота, но не над собой, к чему долго приучали эстрадники-юмористы, а над теми, кто реально смешон. Мне кажется, что, если бы Василий Тёркин сочинял стихи, он писал бы примерно как Емелин. Кстати, как и Тёркин, который «и плотник», «и печник», Емелин долгие годы плотничает при церкви, с гордостью называя себя рабочим. А что делать, если его высшее образование оказалось в 90-е никому не нужным?

СУМЕРКИ В КВАДРАТЕ

Сибиряк Андрей Сизых — поэт чрезвычайно депрессивный. В отличие от Емелина он мало интересуется социальными и политическими темами, рассматривая мир сквозь призму своих ощущений. Он никого не смешит и не смеётся сам. Ему неуютно в жизни. И прежде всего в родном Иркутске:

*В одном городе, сером и блеклом,
Осетинившемся глухойтой,
Дождь колотится в двери и окна
Целудюидной банкой пустой...*

желающий может заказать эту книгу в интернет-магазине; её распечатают, переплетут и доставят вам с курьером. Поскольку книжных интернет-магазинов достаточно, подсчитать тираж можно только приблизительно, да и то не сразу, а спустя, скажем, год. Однако есть в этом и положительная сторона — книга уж точно не попадёт в случайные руки.

Родившийся в карельской деревне и долгое время проживший в Петербурге, Панкин так и остался поэтом Северной столицы, хотя давно уже обитает в Москве. Его Раскольников — это бесполезный, спивающийся, никому не интересный тип.

*снял квартиру на дыбенко
курил дешёвый беломор
меч холодиильником и стенкой
хранил заржавленный топор*

Он не стирает с книжек пыль, ничем не занят, изрядно пьёт и в итоге отбрасывает коньки. А топор так и остаётся на прежнем месте. Ощущение бессмысленности существования присуще и самому автору, а не только его лиригероям, обитающим в Петровом граде:

*не обращаю к богу
бог не услышит
толку-то быть тревогу
небо не дышит*

*осенью в этом сером
городе смерти*

*где ни любви ни веры
ибо не светит*

*в небе ни солнца
ни путеводной милоды
только дворы-колдодцы
только могилы*

Обратившись к биографии Панкина, мы видим знакомую картину: подсобный рабочий, слесарь на радиозаводе, кочегар. Тем не менее откровенного пессимизма мы в этих стихах не наблюдаем. Панкина больше интересует вопрос о возможности или невозможности совершить поступок:

*сделавши хакарири не плачут по
испорченному костюму кишкам наружу
недочитанному роману эдгара по...*

В ПРОВИНЦИИ У МОРЯ

Жуков — коренной москвич, который не так давно променял столичные бульвары на крымские улочки, предпочтя жить в Евпатории. И дешевле, и спокойнее. А с литературным миром вполне можно поддерживать связь и по Интернету. Дебютировав тоненькой книжкой стихов в 93-м году, он затем ушёл в тень, устроившись простым охранником и вычеркнув сочинительство из своей жизни. Об этом «охранном» периоде Жуков написал впоследствии отличную повесть «Объект «Кузьминки», опубликованную журналом «Сибирские огни». А в стихах он прямолинеен, резок, нередко (но мастерски!) использует общепринятую лексику и «падонкавский» сленг. Одно из замечательных качеств его стихов — самоирония:

*Когда это с нами случится?
Не стоит наморщивать мозг.
К барменше зайдёт продащица,
закрыв по соседству киоск;
Хоть южная кровь не водица,
но перебродило вино;
Я сам не любитель трудиться
и с ними бухну заодно.*

Он иронизирует и над действительностью, стараясь череду собственных неудач превращать в увлекательное повествование:

*Обойти себя невозможно лесом.
Как слошную боль не поставить в угол.
Побывав хоть раз
под имперским прессом,
Не пойдёшь Толстым
за крестьянским плугом.*

Хотя отголоски давних разочарований нет-нет да и проскользнут в его текстах:

*Напечатай меня ещё раз
в этом старом журнале,
Напиши обо мне,
что отыщет дорогу талант...*

РАЗГОВОР НЕ ЗАКОНЧЕН

Разумеется, неслучайно эти четыре автора оказались в одном обзоре. Но их могло быть и 8, и 16, и больше, если бы позволила газетная площадь. Тут разговор именно что о целом поколении, оставшемся «за бортом» в 90-е, когда вся страна или торговала, или воровала, а само слово «поэт» приравнивалось к психиатрическому диагнозу. В настоящей статье-рецензии только затронута тема, которая ещё ждёт серьёзного изучения и анализа. Мы знаем авторов, которых дали нам 80-е и «нулевые». Но 90-е — это провал, чёрная дыра, куда засосало несметное количество поэтов, многих из которых мы лишь сегодня для себя открываем.

Игорь ПАНИН

КНИЖНЫЙ РЯД

«К свету моей трепещущей песни»

Райнер Мария Рильке. **Записки Мальте Лауридса Бригге:** Роман / Пер. с нем. Владимира Летучего. — М.: Русский импульс, 2012. — 192 с. — 3000 экз.

Райнер Мария Рильке. **Собрание сочинений в 3 т.** / Вступительные статьи Е. Витковского и В. Летучего. — М.: Престиж Бук, 2012. Т. 1. — 336 с.; Т. 2. — 368 с.; Т. 3. — 336 с. — 3500 экз.

Иные люди до неприятного быстро меняют свои лица, одно за другим, и быстро изнашивают их. Сначала им кажется, что лиц им хватит на всю жизнь, но им едва стукнуло сорок, а они уже donaшивают последнее. В этом, естественно, свой трагизм. Они, эти люди, не привыкли беречь свои лица; последнее лицо через восемь дней протирается тут и там до дыр, во многих местах уже тонкое, как бумага, и тогда мало-помалу обнаруживается подкладка, не-лицо, — и они так и расхаживают».

Приведённая цитата взята из романа Райнера Марии Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге», увидевшего свет в 1910 году. Оттуда же пошёл и образ «своей смерти», родившийся у Рильке незадолго до начала Первой мировой войны — эпохи массовых смертей.

Художественный образ открыл перспективу грядущего. Это бывает часто; о таких вещах говорят как об особой прозорливости, свойственной гению. Но на самом деле способность предвидеть есть тот же образ, только доведённый до предела скрытых возможностей, метафора, раз-вернувшая все лучи своих потаённых смыслов.

Неслучайно Е. Витковский назвал именно Рильке «величайшим европейским поэтом столетия». Неслучайно о стихотворении Рильке «Орфей. Эвридика. Гермес» Иосиф Бродский сказал, что это «крупнейшее произведение века». Неслучайно, наконец, Россия считает Рильке своим, родным, едва ли не национальным — при всей его над-национальности — автором.

Рильке связал себя с нашей страной так тесно, как возможно для иностранца. Он дважды приезжал сюда, в 1899 и в 1900 годах. Встречался со Львом Толстым, Леонидом Пастернаком, Ильёй Репиным. Проводил время в Москве, праздновал православную Пасху в Кремле, ездил в Тулу, в Ясную Поляну, в Киев. Эти впечатления наполняют вторую книгу знаменитого «Часослова» Рильке «О паломничестве».

Отзвуки российских «сорока сороков» то и дело слышатся в его величайшем создании, в «Часослове»:

*Ты — старый монастырь
Страстей Христовых,
где тридцать храмов
золотожловых,
янтарных, белоснежных
и лиловых,*

*как небо,
в тихой древности стоят.*

Но слышны и ассоциации иные — итальянские. Странная страна возникает на страницах поэзии Рильке: Россия-Италия, Италия-Россия. И не из его ли поэзии вырос чуть позже образ Москвы в поэзии Осипа Мандельштама, создавшего в период краткого романа с Мариной Цветаевой свой причудливый и нежный «город-женщину»?

С Цветаевой дружил, переписывался позже, в середине 1920-х годов, и Рильке. Любовь двух поэтов, намертво скрепившая их поэтиче-

ская стихия, страсть и смерть составляют сюжетный стержень этого романа — и жизненного, и эпистолярного, одного из величайших в XX веке. Цветаевой суждено было надолго пережить своего корреспондента и создать реквием-плач на смерть его. Но предшествовали этому реквиемы самого Рильке, жанр, «перенесённый» им в поэзию из музыки.

Жизнь Рильке была в полном смысле *своей* жизнью. Словно специально для поэта Творец выстроил по линии его судьбы путешествие, встречи, впечатления. Великие люди fin de siècle оказывались на его жизненном пути, когда душа его созревала для восприятия их жизненного «опла-ния». Каждое новое произведение знаменовало эпоху духовного развития. И в любом следующем тексте, как в той самой *капле росы*, содержалась и заново раскрывался во всей полноте звучащий поэтический космос Рильке.

Потому-то в 2010 году, когда исполнилось сто лет с момента выхода «Записок Мальте Лауридса Бригге», знатоками творчества поэта был осознан как юбилейный. И двум московским издательствам захотелось этот юбилей отметить. Книгами, разумеется. Пусть с некоторым опозданием но всё же «Престиж Бук» и «Русский импульс» выпустили сочинение великого европейского поэта.

В трёхтомник Рильке от «Престиж Бук» вошли переводы самых значительных поэтических произведений поэта. Избранное из ранних сборников «Жерты ларам», «Венчанным снами», «Сочельник»; поворотные, созданные после поездок в Россию «Часослов» и «Книга картин» (I том); «Новые стихотворения», «Реквиемы», «Дуинские элегии», «Сонеты к Орфею» (II том) — словом, сюда включены все важнейшие произведения Рильке. В первом томе также опубликованы произведения, написанные Рильке в России. В «Дополнениях» — многие лирико-философские произведения, впервые переведённые на русский язык (переводы В. Летучего). Третий том — проза поэта, хотя, если верить Владимиру Летучему, «нет такого жанра в творчестве Рильке! Есть стихи, записанные прозаическим способом, без рифм, будь то «истории о любимом Боге», роман «Записки Мальте Лауридса Бригге», эссе или очерки о художниках, письма друзьям и знакомым».

«Русский импульс» выпустил только «Записки Мальте Лауридса Бригге» в переводе Летучего — роман, в котором Рильке возвращается к русской теме. Свои резоны есть и во включении романа в контекст творчества Рильке, и в отдельном его рассмотрении.

Выход произведений Райнера Марии Рильке — крупное событие в современном российском литературном процессе. «Русский Рильке» — поэт, давно любимый в нашей стране. И хотя отечественная рилькеана ещё далеко не полна, всё же оба издания могут считаться значительной вехой её становления.

Вера КАЛМЫКОВА

МАСТЕРА

Суриковский институт Телин окончил на излёте 60-х. Можно было пойти по пути, проторённому старшими — поколением шестидесятников, однако он предпочёл искать свою дорогу. Поиски эти не были ни долгими, ни особенно мучительными: молодому художнику хватило мудрости прислушаться к голосу собственной памяти. На дне её сохранилось детское воспоминание, которому, как оказалось, суждено было определить его творческую судьбу. Родился Володя в Москве, но совсем маленьким его увезли в эвакуацию в деревню:

— Там я впервые прошёл по земле босиком. Однажды заблудился в ржаном поле так, что насилу отыскался. Но страха не было, наоборот, было огромное, как небо, чувство единения с природой: я был и колоском, и облаком, и солнечным лучом. Когда вернулись из эвакуации, Москва показала мне неприветливой и неуютной. Эти два ощущения как-то отложились в моём детском воображении на всю жизнь.

Тропинка из детства вела Владимира Телина в среднерусскую деревню, в маленькие провинциальные городки, на Русский Север. Жизнь в своей повседневной простоте и обыденности, неспешный, ритмами самой природы установленный уклад. Люди с простыми, совсем не героическими лицами, не жаждущие ни героических подвигов, ни эпохальных свершений, но принимающие мир как данность от Бога. Неброские, хрупкие в своей беззащитности, нечислимыми слоями уходящие в глубины пространства пейзажи. Вроде и не придерешься: деревня, как ни крути, — советская, персонажи — все как один труженики, и родимые осины налицо. Но ни тебе «направляющей», ни «руководящей» силы и в помине не выдать. Мелковато...

Но Телин оставался верен себе, что влюбые времена, при любых властях, конъюнктурах и модах. Ему всегда интересна жизнь, в подвигах не нуждающаяся: не сконцентрированная в миг максимального напряжения сил во имя великой цели, но распределённая на огромное количество ежедневных необходимых дел, кои и есть суть бытия. Поэтому для художника куда важнее было

Пройти по земле босиком

Творчество Владимира Телина обращено к реальной жизни, не затенённой фильтрами соцреализма, но и не подзвученной барабанной дробью протеста против несовершенства окружающего нас мира. Бытие, не отретушированное какой бы то ни было идеологией, — таково кредо художника.

«Невеста». Масло, 1984 год

суметь передать не одиночный или единый порыв, какому посвящал беззаветно себя соцреализм, а внутреннее состояние человека, то, чем наполнена его душа.

Попробуйте заглянуть в глаза совсем не сказочному леду Мазая (а может, Ною?), на плоту у которого путь и не каждой твари по паре, но вся необходимая в деревенском хозяйстве живность — основа крестьянского мироздания, от наивной белоснежной козочки до лукавого рыжего кота («Добрый человек», 2005). Не блещущую красками повседневность («Ожидание», 1968; «Тещины блины», 1985) отобразить труднее, чем яркий эпизод. Чтобы такое полотно обрело звучание, дало резонанс в сердце зрителя, необходимо уловить тончайшие нюансы душевного состояния, определяемого и характером, и привычками, и извивами интеллекта.

В каждой работе художник становится соучастником происходящего, сочувствующим своим персонажей, будь то живой человек,

живое дерево... Или живой... дом: в тот, что изображён на картине «Октябрь» (1984), хочется войти немедленно, словно никаких иных домов на всём белом свете нет и только под его крутоскатной крышей можно укрыться от непогоды. Душевной в том числе. Пейзажи Телина реалистично романтичны: сердце наше просит гармонии и умиротворения, катаклизмов и потрясений ему и так хватает с избытком. Может быть поэтичной капustная грядка? Кажется, ничего более прозаического, чем деревенский огород («Осень», 1994), себе и представить нельзя. А между тем пышные кочаны на этом холсте таинственнее иных экзотических цветов. И яблоня, склонившая ветки под тяжестью плодов, становится вещественным воплощением золота дождя древних сказаний, капли которого могут вернуть молодость.

Магия может быть грозной и величественной: блокбастеры всех мастей — от «Матрицы» до «Сверхъестественного» — приучили нас к чёрной фантастике вселенского

масштаба. А о тихом волшебстве-колдовстве, сопровождающем нас в обычной жизни, мы, живущие в домах, которые вроде и не на земле стоят, ибо связей с ней почти не имеют, забываем. Или не хотим, не удосуживаемся взглядеться-прислушаться. На нас, недогадливых, и смотрят не каждому видимые обитатели потусторонья («Домовой с Домовушкой», 2006), нам поёт нехитрую свою песенку берестяной рожок скромной, такой домашней и уютной, чистой-нечисти. Глядишь, и услышим.

Картины Телина в большинстве своём вневременны, хотя тихой, но пронзительной нотой почти в каждой звучит тревога о том, что привычная, веками устоявшаяся жизнь исчезает, истаивает. И некоторые, такие как «ГУМ. ЦУМ. Детский мир» (1979), из обычной на первый взгляд бытовой зарисовки, психологически очень точной, уже успели превратиться в документ ушедшей эпохи. Тем, кто о том времени не знает ничего и реалии которого их воображение нарисовать не в состоянии, эта картина расскажет о том растворившемся уже бытии больше, чем иной исторический трактат, посвящённый особенностям социалистической экономики.

Проявленная несложность сюжетов содержит неявные подсказки на глубинные философские проблемы. Заветный живой огонёк («Аленький цветочек», 1997) достался не юной девице, ничего ещё не знающей о магической силе любви и той цене, которую каждому человеку приходится платить за право испытать настоящее чувство, а умудрённой женщи-не-женщине-знахарке. Запоздалую ли любовь сулит он ей или навевает воспоминания о возможном, но так и не состоявшемся счастье?

На вопрос, есть ли темы, которые ему неинтересны и за которые он не будет браться ни при каких обстоятельствах, Владимир Никитович отвечает с бесхитростностью ребёнка: — Мне интересен мир, каков он есть, а не взорванный безжалостными, часто необратимыми преобразованиями.

Человеку, чтобы состояться, совсем необязательно быть борцом. Не только потому, что это дано не каждому. Это далеко не всегда оправдано. Слияние с миром делает душу мудрее, а человека — счастливее. Гармония, возможно, единственная сила, которая способна пусть медленно, но упорно и целенаправленно противостоять хаосу.

Виктория ПЕШКОВА

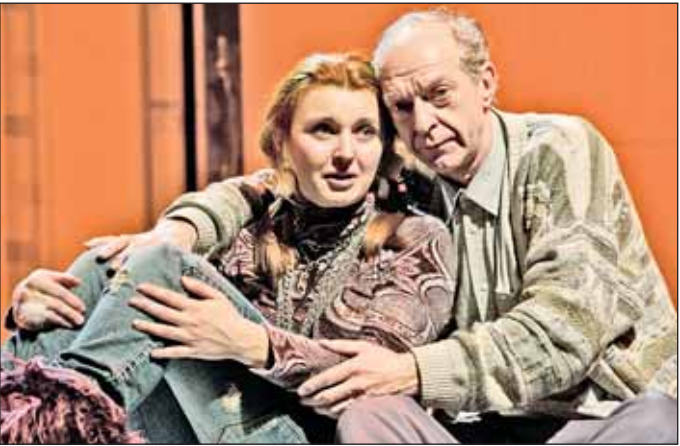
ПРЕМЬЕРА

Время отмерено

Имя известного в мире австрийского драматурга Феликса Миттерера знакомо нам больше понаслышке: насколько я знаю, постановка молодого режиссёра Сергея Морозова в Санкт-Петербургском молодёжном театре на Фонтанке является первым в России обращением к его творчеству. И любопытно то, что пьеса «Время для посещений» (вернее, четыре одноактовки, её составившие. Перевод с немецкого Татьяны Фелиевой, художник Дарья Горина, художник по свету Евгений Ганзбург, компьютерная графика Александра Лециуса, музыка Арво Пярта) с поистине снайперской точностью попала в магистральное направление афиши театра Семёна Спивака в воплощении его ученика. Подобное совпадение никакими случайностями не объяснить — в основе

ей деньги, чтобы купила что-то вкусное собаке, она не выдержит — вернётся в этот скорбный зал ожидания и взвост, держа деньги в руках, и крик её будет подобен прорвавшемуся нарыву, когда она расскажет, что собаку пришлось усыпить, потому что она не могла жить без своего хозяина. И сквозь её крик словно услышится этот безутешный вой собаки...

Ещё одного Старика играет Валерий Кухарешин в новелле «Пшеница на шоссе» — бедного безумца, отправленного мужем дочери в психиатрическую лечебницу, потому что Старик не может смириться с тем, что вместо золотого моря пшеницы, которое он показывал своей маленькой дочери, научив её любоваться живой природой, выстроен отель. Он держит в руках спил дерева и читает по нему историю дерева

Молодёжного театра лежат задачи учительские, воспитательные; здесь всегда ненавязчиво и без сентиментальности обращаются к человеческой душе, стремясь пробыть в ней то лучшее, что давно уже опустилось на самое дно и тихо тлеет там в ожидании некоего взрыва или хотя бы толчка. Семён Спивак, как, пожалуй, очень мало кто из сегодняшних наших режиссёров, ощущает боль человека, его потаённый стыд за неумение или нежелание изменить жизнь, его тягу к душевному родству, к не-одиночеству...

И Сергей Морозов, чьи спектакли я видела в Костроме, Владимире, Великом Новгороде, во многом идёт по пути своего учителя, разделяя его интерес и любовь к человеку. Просто человеку, любому и каждому.

Перед нами четыре истории, в которых нет ничего необычного: человек из полноценной, достаточно насыщенной и светлой жизни приходит к другому, находящемуся как бы в иной реальности, в условиях дома для престарелых, больницы, психиатрической лечебницы, тюрьмы. Приходит в ограниченное и определённое «время для посещений», тяготясь и обстановкой «учреждения», и необходимостью делать вид, что всё идёт нормально, как положено. И в этих столкновениях двух реальностей пронзительно звучит нота человеческого одиночества по ту и иную стороны разделяющего барьера, потому что люди давно уже разучились слышать и понимать друг друга, смотреть друг другу в глаза и читать в них...

Жанр спектакля обозначен как «семейные истории», но совершенно очевидно, что семейные, самые тесные связи давно уже оборвались между этими людьми — Стариком (Валерий Кухарешин) и Невесткой (Ирина Полянская) в новелле «Отставка»; Мужем (Сергей Кошонин) и Женой (Людмила Бояринова) в «Непонятно»; Стариком (Валерий Кухарешин) и Дочерью (Людмила Бояринова) в «Пшенице на шоссе»; Мужем (Сергей Кошонин) и Женой (Ирина Полянская) в «Преступнице».

В доме для престарелых («Отставка») в центре расположена жёсткая, неудобная скамья, а где-то сбоку висят уютные, очень домашние абажуры, освещающие непонятно что — разве увядающий фикус с жёлтыми листьями. Здесь живёт Старик. Который не жалуется ни на что, кроме плохого питания и соседа, бывшего нациста. «Я живу сегодняшним днём, ни прошлое, ни будущее для меня не существуют», — категорично заявляет он Невестке. И добавляет: «Мы здесь живём как в отставке...»

Этот сегодняшний день в отставке, застывший, словно фикус с пожухлыми листьями под бессмысленными абажурами, Валерий Кухарешин проживает очень сильно, болезненно, остро — каждый миг его сценического существования наполнен живым человеческим ощущением безграничного одиночества, в котором лишь память о любимой собаке придаёт силы. Замученная, издегганная жизненными заботами Невестка, изумительно сыгранная Ириной Полянской, всё пытается сгладить все углы, примирить непримиримое. Она всё понимает и сочувствует Старику, но что же можно сделать? — надо только осторожно лгать о жизни в доме без него. Но в момент, когда он даст

и историю семьи, а Дочь — Людмила Бояринова (актриса играет очень точно и тонко) заворожённо слушает, как будто возвращаясь в те далёкие и невозвратные времена. Этот спил и этот рассказ так подействуют на неё, что всё, навязанное мужем и объявленное плодами цивилизации, взорвётся раскаянием и — надеждой на то, что всё ещё можно поправить.

Но ничего нельзя поправить в этой нелепой жизни, складывающейся раз и навсегда: то ли в спасительное безумие, то ли в смерть вскарбакеется Старик по лестнице в самое небо...

И Дочь останется одна, внешне осознав пронзительность человеческого ухода, испытывая запоздалые чувства, которых не было в реальной жизни.

Те же чувства доведётся испытать и Мужу («Непонятно»), приходящему в больницу к Жене, когда её не станет. Сергей Кошонин и Людмила Бояринова без малейшего налёта сентиментальности грустно и горько играют историю любящих супругов, наверное, единственно счастливых людей в пьесе. Но и здесь «время для посещений» отмерено жестоко и неумолимо: Жена умрёт от рака, а Муж вдруг поймёт, что жизнь потеряла смысл, потому что некому больше нести свои печали, потому что никто больше не утешит и не утишит боль...

А действие последней новеллы, «Преступница», блистательно сыгранной Сергеем Кошониним и Ириной Полянской, происходит на самом краю, в самом, пожалуй, остром столкновении двух реальностей — в тюрьме, где содержится Жена за попытку убить Мужа. Он приходит на свидание к ней, чтобы объявить о разводе, для него всё понятно, его душит ненависть к этой женщине, матери его детей, но он всё же пытается понять: за что? Почему она хотела убить его?

Ну почему же люди могут понять друг друга только в последний момент, когда любовь победит все недоразумения, но уже ничего не спасёт?... Души этих людей словно проходят круги ада — от непонимания, душевной глухоты до прозрения, но изменить уже ничего нельзя...

Вот такой грустный, но очищающий спектакль получился у Сергея Морозова. Художник Дарья Горина придумала интересную сценографию: в центре пустая коробка, огороженная святилищами трубочками — то безликое пространство, в котором может происходить абсолютно все, кроме живой, тёплой и уютной жизни вместе. А компьютерная графика Александра Лециуса выразительно отделяет одну новеллу от другой, словно помогая зрителю преодолеть горечь разрывок с их тоской по несбывшемуся.

В финале персонажи выходят за пределы отгороженного пространства в жизнь, в которой идёт снег, а на небе зажигаются звёзды. В эту жизнь выходим и мы после окончания спектакля, и хочется верить, что выходим немного другими, залумавшимися о том, о чём стараемся размышлять всё реже и реже. Слишком стремительна наша реальность...

А так важно успеть — ведь «время для посещений» собственно душевного мира и мира твоих близких отмерено...

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

КИНО

Код памяти и будущего

Документально-телевизионный фильм «Код Орбели» Ашота Джазояна и Виктории Грудинской, созданный продюсерским центром «4 формата» при поддержке Министерства культуры Республики Армения и компании Realjet, был представлен зрителям в Москве в кинотеатре «Ролан».

Премьерный показ был приурочен к 125-летию Иосифа Абгаровича — младшего из братьев Орбели, основателя Академии наук Армянской ССР, востоковеда, знаменитого директора Государственного Эрмитажа, в годы сталинизма и экспроприации спасшего от расхищения многие мировые шедевры. Он родился 20 марта 1887 года в Кутаиси и, несмотря на то, что с 1934 по 1951 год его личность в Ленинграде была поистине легендарной — ведь именно он организовал эвакуацию музея и прятал в бомбоубежище Эрмитажа многих работников во время вражеского обстрела, а потом стал обвинителем на Нюрнбергском процессе, — был как будто позабыт.

История создания самого фильма началась здесь же, в Эрмитаже. В ноябре 2010 года телеобозреватель Лев Николаев, ушедший из жизни в прошлом году, специально для участников форума молодых журналистов Евразии «Диалог культур» нашёл в архивах факт, подтверждающий, что ровно 75 лет назад, день в день, тут же, под сводами театра Эрмитажа, Орбели собрал на конгресс крупнейших мировых востоковедов. Это и стало точкой отсчёта для Ашота Джазояна начать поиск следов братьев Орбели в Санкт-Петербурге, Тбилиси, Цахкадзоре, где создан их музей.

В фильме «Код Орбели» много свидетельств, посвящённых скреплению русского и армянского кода, он о метафизической близости наших народов, продолжающейся уже более трёхсот

труды по истории ведения подводных работ начиная с древнейших времён. Левон, любимейший ученик академика Ивана Павлова, стал создателем эволюционной физиологии и после смерти учителя возглавил Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге; Иосиф, ученик лингвиста, этнографа, археолога академика Николая Марра, посвятил свои исследования востоковедению.

По счастью, маловозможному в годы сталиниз-

ученичества у опального Николая Марра и жёсткой защиты своих коллег непростолетарского происхождения. Его бы расстреляли, если бы кто-нибудь увидел, как директор Эрмитажа выносит под полами своего пальто «Мадонну Литта» да Винчи, которую комиссары Внешторга СССР приговорили к продаже за валюту, для того, чтобы после их ухода вернуть шедевр на место.

Левон в 1948 году подвергся давлению в связи с преследованиями генетики

ма для принципиальных, свободно мыслящих людей, все три брата физически уцелели — никто не был репрессирован. Их поведение в сложных политических коллизиях было безукоризненным, так же как и взаимоотношения с коллегами, учениками и оппонентами. Примечательно, что, несмотря на все перипетии борьбы с космополитизмом, Левон Абгарович Орбели навсегда сохранил верность своим зарубежным учителям — Эвальду Герингу и Джону Ленгли. Но Иосиф и Левон были удалены на почтительное расстояние от ведения дел своей жизни — Иосифу не простили

в СССР. При этом не только отказался уволить столонников генетики Менделя из возглавляемых им институтов, но и принял на работу уволенных из других научных учреждений. Его несправедливо обвиняли и в отходе от учения Павлова. Он был освобождён от руководства почти всеми возглавляемыми им учреждениями. В этой тяжелейшей ситуации академик Орбели вёл себя с исключительным достоинством, не признал приписываемых ему заблуждений и не покаялся публично в них. В 1954 году доброе имя учёного было восстановлено.

Рубен Абгарович умер за несколько дней до Великой

Валерия ОЛЮНИНА

ГЛУБИНКА

До последнего вздоха

Кто будет спасать умирающие деревни

За прошедшие 20 лет в нашей стране не стало 20 тысяч сёл и деревень. Ещё 20 тысяч на грани вымирания, в них осталось жить по 5–7 стариков. В перспективе нас ждёт опустевшая страна с её огромной территорией, где немногочисленный народ «жмётся» в паре-тройке десятков мегаполисов.

В деревню Камышинка я ехал кричать «Караул!». Говорили, что остались в ней два старика, и когда совсем невмоготу, выходят они на крыльцо и кричат «Караул!». Я представил, как два согбенных, отживающих свой век человека — в латаных валенках и затасканных телогрейках — отворяют присыпанную сугробом дверь и, задохнувшись морозным и резким ветром, кричат.

В этом крике отчаянье от болезней, старости, надвигающейся немоши. Страх от возможности так умереть в холодной избе, что никто и не узнает о твоей кончине. Обида на детей, которые мыкаются где-то, отбившись от своего берега и не прибавившись к чудому.

Увы, это не литературное воображение автора. Я бывал в таких деревнях и видел таких стариков. На зиму, когда уедут последние дачники, а землю скуют морозом, они сбиваются в одну избу. И не только для того, чтобы сэкономить дрова и электричество. Вместе не так страшно.

Кировская область, например, каждый год теряет до 70 населённых пунктов. Только за последние 20 лет в регионе не стало 1300 деревень. Готовятся «к списанию» ещё 40. Среди «умерших» — деревня Марковцы. Остовдома, внутри которого уже выросло дерево, — всё, что сегодня напоминает о ней. Чем не символ нынешней русской деревни? А ведь здесь когда-то было полтора десятка жилых домов.

Перенесёмся в Кострому. 76-летний Владимир Быков, когда-то живший в красивом доме на холме по соседству с церковью, прудом и примерно 30 домами, последний, оставшийся здесь человек, умрёт он — умрёт и костромская деревенька Исуново. На картах области от десятков деревень остались одни названия: Половинное, Северный, Ульшма, Трасса, Усть-Сенная, Стекланный завод, Ошурка, Игошино. Ночами в пустых деревнях мародёрствуют бандиты. Они влезают в дома и крадут всё, что можно ещё украсть. В основном металл и оставшиеся кое-где иконы. В Дьякове живут восемь семей. В соседнем Козино, где когда-то был сырный завод, две. На много километров вокруг единственный человек, имеющий постоянную работу, это тракторист Николай Кузнецов, который зимой чистит дороги к обезлюдевшим деревням.

Но чаще всего дороги к ним никто не чистит, они заматаются снегом, ни пройти ни проехать. Живут зимующие в них жители тем, что вырастили на огородах, собрали в лесу и купили у проезжих торговцев за лето. Когда заканчиваются припасы, в основном хлеб да крупы, что покрепче надевает на плечи рюкзаки и на лыжах пробивается к большаку, к автолавке.

Так и живут. Накануне холодов просят трактористов из ближайших деревень вырыть на кладбище несколько ям. Ведь, не дай бог, помрёт человек, могилу в мёрзлой земле старикам не осилить.

Валерий Михайловский — врач, писатель, этнограф из Нижневарткова, долгое время был защитником интересов коренных народов ханты, манси, ненцев. Но пройдя с экспедицией от Петербурга до Сургута, пришёл к выводу, что спасать надо

прежде всего русскую нацию. Нигде такого разорения и запустения, как в чисто русских деревнях, нет.

— Такая красивая природа, замечательные леса, дичи полно, и — умирающие деревни. Жутко! Представьте: стоят избушки чёрные, покосившиеся, придавленные снегом. Видно, что следов вокруг нет, всё брошено. А где осталось несколько человек, впечатленье, что это трупы холячие. И не старики ещё, люди по 40–50 лет, а выглядят древними, немощными. У них выветрилось даже нормальное человеческое любопытство. Мы заехали в деревню, а они и не спрашивают ни о чём, им ничего неинтересно. Устали люди от самой жизни...

Российское село умирает не сразу, а по частям. В период между переписями населения 1989 и 2002 гг. исчезли с географических карт 10,7 тысячи населённых пунктов, на 40 процентов увеличилось количество сёл и деревень, не имеющих постоянных жителей. Только в 2009 году из сельских поселений выбыло 635,2 тысячи человек, в том числе 304,3 тысячи в возрасте 14—29 лет. Как показали итоги Всероссийской переписи населения 2010 года, процесс исчезновения сельских населённых пунктов с карты России продолжается.

Это официальные данные. В реальности дело обстоит куда хуже.

Учёные утверждают, что при нынешней государственной политике не только деревня «неконкурентоспособна» городу, но и малые города относительно больших. И миграционные потоки будут нарастать не только от деревень к городам, но и от районных центров к областным и далее к региональным агломерациям.

Дело идёт к тому, утверждает профессор Андрей Нешадин, что почти всё население страны сосредоточится в крупнейших городах. То есть в перспективе нас ждёт опустевшая с огромной территории страна, где немногочисленный народ «жмётся» в паре-тройке десятков мегаполисов.

— Мы теряем страну со скоростью несколько процентов в год, — говорит вице-президент, член-корреспондент Российской академии сельскохозяйственных наук, профессор Михаил Коробейников. — И если не создадим эффективного механизма, то огромные территории останутся пустыми в течение 10 лет. А ответа, что делать, до сих пор нет. Между тем *депопуляция в селе способна развалить всё Российское государство*, и это должны понимать в руководстве страны.

В своё время в разговоре с Валентином Денисовым, бывшим в ту пору председателем Комитета по аграрным вопросам Госдумы, я спросил, почему в России до сих пор нет концепции или какой-нибудь мало-мальской программы развития села?

— Такой программы без активной работы муниципалитетов создано быть не может, — ответил он. — Деревня сама должна определиться в том, какой ей быть.

Геннадий МИХЕЕВ

Такой ответ вызвал резкое возражение глав сельских поселений и муниципальных образований.

— В районе, которым мне выпало руководить, из 214 деревень более 30 можно убрать со всех карт, в них никто не живёт. И процесс этот, к сожалению, будет продолжаться, — с горечью говорила мне глава моего родного Сандовского района, заместитель председателя правления Ассоциации муниципальных образований Тверской области Марина Тихомирова. — Чтобы сохранить, у самой деревни сил уже нет. Как и у района. Бюджет дотационный и наполняется по минимуму, а мы, кроме того, тащим на себе сельские поселения, где бюджеты ещё беднее. Чтобы сохранить деревню, нужна не отдельная программа развития для каждой из них, а федеральная программа, и касаться она должна не столько крупных производств, которых в нашей зоне по пальцам пересчитать, сколько малых форм хозяйствования — крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйств. Основа развития села, считаем мы, это партнёрские отношения власти, бизнеса и общества. Как в каждом отдельном районе, так и по стране в целом. *Нужна федеральная программа развития сельских территорий*. А построить социализм или капитализм в отдельно взятой деревне невозможно.

Надо признать, такая программа вроде как есть. Разработана она Министерством сельского хозяйства России и называется концепцией устойчивого развития сельских территорий до 2020 года. Если верить документу, то реальная зарплата селян к этому сроку должна повыситься в 4,4 раза, занятость сельского населения может достичь

76–80%, 60–70% деревенских домов будут обеспечены водопроводом, газом и канализацией, а каждую деревню соединят с внешним миром хорошие дороги. При этом сельский уклад жизни сохранится, а численность сельского населения и количество населённых пунктов не уменьшатся.

Вы в это верите? Я — нет. Во-первых, потому что в основе концепции лежит Федеральная программа социального развития сельских территорий до 2012 года, которая была успешно провалена. Финансирование её урезали на 60%. А какой умный человек строит новое здание на старом да ещё развалившемся фундаменте? Во-вторых, на всё про всё собираются потратить 400 миллиардов рублей. Это не больше, чем выделяется сейчас, а сейчас для развития сельских территорий не делается ничего. Сумма не просто мала, она элементарно не соответствует масштабу проблем. А всё потому, что Министерство финансов приоритеты видит в развитии производства, а не в укреплении социальной сферы. *Но без строительства социальных объектов представить развитие села невозможно*. Как, впрочем, и без производства.

Кстати, сама программа и подтверждает свою несостоятельность. По её сценарию к 2020–2030 годам доля занятых в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве и охоте станет ещё меньше. Численность сельского населения на начало 2021 года сократится по сравнению с 2010 годом на 2,2 миллиона. Сельская экономика не получит дополнительного источника для прорыва, а истощённые резервы внутреннего развития аграрного сектора не обеспечат воспроизводственную роль сельского хозяйства, село всё хуже будет выполнять свою продовольственную и другие общенациональные функции. Образуются обширные новые зоны депрессии с обезлюдевшими сёлами и не используемыми сельскохозяйственными угодьями.

Всё это, говорится в программе, представляет геополитическую опасность потери социального и хозяйственного контроля над обезлюдевшими сельскими территориями. Будет нарастать межрегиональная и внутрирегиональная дифференциация в уровне и качестве жизни сельского населения. Отсутствие притока на село молодых специалистов станет ещё более тормозить экономический рост. Село вернётся в предкризисное состояние 90-х годов, и реанимация его потребует ресурсов в размерах, многократно превышающих имеющиеся финансовые возможности.

Это пессимистический вариант. Есть и амбициозный, но на него в федеральном и региональных бюджетах нет денег. Потому государство и вынуждено балансировать в рамках своих финансовых возможностей. А по сути, плестись за событиями, будучи не в состоянии повлиять на их ход. Более того, процесс разрушения перекинется с деревень и сёл на малые города.

Как заявила в конце прошлого года на Московском международном урбанисти-

ческом форуме министр экономического развития Эльвира Набиуллина, количество малых и средних городов в России в течение ближайших нескольких десятков лет будет неуклонно сокращаться, а их население убраться в более крупные города. На спасение малых и средних городов тоже нет денег. Так что в ближайшие 20 лет в мегаполисы может мигрировать до 15–20 миллионов человек.

— Хорошую программу развития сельских территорий ещё предстоит написать, — считает генеральный директор ЗАО «Международный центр развития регионов» Игорь Меламед. — Пока под этим каждый понимает что-то своё. Потому что сельские территории сложнее, чем любые иные. В стране давно назрела пора делать инвентаризацию тех ресурсов, которыми она обладает.

— И человеческих, и природных? — Совершенно верно. И чётко понимать, как эти ресурсы должны максимально эффективно использоваться. Тогда это будет работа. А пока всё идёт самотёком. И сводится, к сожалению, к тому, что мы теряем контроль над пространством и терем людей, а это, может быть, самый невосполнимый ресурс.

— Есть ли какие-то стандарты определения сельской территории? — Этот вопрос я задал Александру Мёрзлову, руководителю Центра устойчивого развития сельских территорий РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева.

— На западе — это территории, где населения меньше 100 тысяч человек на квадратный километр. Если следовать им, то у нас только Москва и Питер выпадают из этих стандартов. В таком случае сельскими территориями должен заниматься не Минсельхоз, а Минрегионразвития. В России же узкоотраслевой подход, и сельскими принято считать те территории, на которых ведётся сельхозпроизводство. Но дело даже не в этом. Я являюсь ещё и членом межведомственного совета по устойчивому развитию сельских территорий при Министерстве сельского хозяйства России, и после каждого заседания у меня остаётся горький осадок. Сидят чиновники и размышляют о судьбах села, но никто из них в его развитии не верит.

Можно ли в нынешних условиях всё-таки сохранить российский деревню? Центральные усадьбы, где ещё что-то осталось — библиотеки, фельдшерско-акушерские пункты, школы, магазины, — да, считают главы муниципальных образований. Но только сегодня. Завтра будет поздно. *Аукрупнение районов, каковая идея бродит в некоторых головах федеральных чиновников, ситуацию не улучшит*. Да, деревень в таком районе будет больше (а в целом-то по стране меньше), но расстояние между ними увеличится, и управлять такими территориями станет сложнее. Между тем сельская экономика — многоотраслевая — может стать локомотивом развития страны. Но у нас совершенно этого не понимают. Или не хотят понимать, что деревня — не только зерно и мясо, а и кузня, маслобойка, рыбалка, охота, грибы, ягоды.

Я приехал в Камышинку кричать «Караул!». А тех двух стариков уже не застал. Но, оказывается, не одни они были в этой деревеньке, на другой её окраине обитала семья, собравшаяся податься в город. Крепкий мужик лет 40 на мои распросы ответил кратко: «Да нам всем здесь хочется кричать «Караул!» И тут я, уезжая, подумал, что все мы — жители деревни Камышинка. Стоим на шатком, полуразрушенном крыльце и кричим в пустоту, надеясь, что кто-нибудь нас услышит.

Вот только услышит ли? А если услышит, то не будет ли уже поздно?

Александр КАЛИНИН

КНИЖНЫЙ РЯД

Вятские парадоксы

Как-то у Анатоля Франса (было это сто лет назад) собрались друзья. Внезапно мирная беседа, посвящённая древней истории, превратилась в уличным скандалом: повздорили два лавочника, в конфликт вмешалось несколько человек. Гости писателя, глядя в окно, позабавились комичными мизансценами и вернулись к своей беседе. Часа через два Анатоль Франс попросил одного из гостей рассказать об этой уличной сцене. Тот рассказал и был тут же оспорен другим гостем. Мнения об увиденном разделились решительно. Хозяин дома подвёл итог: мы своими глазами видели происходящее, прошло всего два часа, и уже не можем найти согласие. Что тут говорить о древней истории...

Этот эпизод часто мне вспоминается при чтении исторических книг.

Кисти автора, известного в регионе краеведа, надо заметить, что он старается излагать «разные правды». Особенно это относится к периоду Гражданской войны. А в этом регионе России она носила, по мнению многих историков, особо ожесточённый характер: только здесь рабочие оборонного Ижевского завода и их товарищи с Воткинского завода сформировали *антибольшевистскую пролетарскую дивизию*, влившуюся в армию Колчака. Лишь недавно в нашей стране стало возможным упомянуть о ней...

Но главное в книге — это, конечно, обилие паразитической исторической «фактуры». Сохранилось, например, меню столовой для ослабленных детей от 4 января 1943 года: «Суп-лапша на воде

В.А. Дубовцев.

История нашего времени. XX век. По пути модернизации: экономическое и общественно-политическое развитие Вятского края в XX веке. — Киров, 2011. — 797 с. — 100 экз.

с 4 гр. масла; овсяная каша в первой половине дня; мучной кисель во второй половине дня». Ещё выписка из отчёта Роговского сельсовета за 1943 год: «Семья Просвириной Елены Ивановны, муж погиб на фронте, имеет 5 человек детей от 4 до 14 лет, выработала (за год) 713 трудодней, но получила только 65 кг хлеба...»

Закончить хочу поразительной по точности сентенцией автора в главе о 1970-х годах:

«Контраст между благополучными жителями и заключёнными в проносившихся по городу грузовиках, между сознательными рабочими и хулиганами на автобусных остановках, между атеистами и верующими людьми — обычный фон времени, практически не описанный современниками по одной причине: это не требовало описания, так как само собой разумеется. Так терпятся в истории многие штрихи, и прошлое становится непонятым».

Константин ГРЕКОВ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Пятая графа столицы

Провинция до сих пор по инерции недолюбливает Москву. Похоже, это неискоренимое чувство, хотя завидовать столице сейчас вроде бы нечем — прилавки России везде одинаково щедры. За колбасой да сапожками в очередях умирать не приходится. Провинциалы называли Москву «большой деревней», но всегда стремились её покорить. Сейчас это сравнение уже не годится: Москва вполне европейский мегаполис.

Социологи, демографы, москвоведы развешивают ещё один миф, утверждая, что Москва перестала быть русским городом. А была ли Первопрестольная таковой? Вспомним историю. В основании Москвы вместе со славянами принимали участие финно-угорские и тюркские племена. (Школьные учебники по москвоведению об этом стыдливо умалчивают.) После «великой смуты» в Золотой Орде ордынцы спасались в Москве, пополнили московское войско, наплодили детей.

В XIV веке москвичами стали немцы, итальянцы, греки... Два века спустя Златоглаву заполнили татары, чуваши, мордва, удмурты, марийцы, ногайцы, черкесы, башкиры. Появились Английский, Гишпанский, Персидский, Литовский, Армянский дворы. Пётр I своё первое впечатление о Европе получил в московской Немешкой слободе.

Символ русской Москвы храм Василия Блаженного сделан армянскими мастерами. Он исполнен в чисто восточном стиле, тогда очень модном.

Ярославский вокзал спроектирован Фёдором Осиповичем (так его называли коллеги, а на самом деле Францем Альбертом) Шехтелем. Талантливейшим немцем Поволжья. В Москве сохранились ещё 25 его зданий.

Басманный переулочек от татарского «басман» — казённый хлеб. Роскошная гостиница «Балчуг» стоит на месте вечной хляби, потому и названа так: «Балчуг» в переводе «грязь», «болото». «Крылатское» от татарского «крылат», что значит «гибнут кони», здесь были овраги, которые не мог преодолеть враг, штурмующий крепость. Кони ломали себе хребты и ноги.

В Москве проживают представители 150 национальностей. По явно устаревшим данным переписи 1989 года — это не менее 10% нерусского населения, то есть более миллиона человек.

Кем прирастает столица? И кого в ней становится меньше?

Доля русских в общей численности населения остаётся стабильной, а нерусское население растёт. За 100 последних лет оно выросло на 66%. После переписи 1897 года численность русских (или

тех, кто себя считает русскими) возросла в 8,8 раза, а нерусских — в 18 раз. Из десяти наиболее крупных этносов Москвы имеют устойчивую тенденцию к уменьшению только евреи. (За десять последних лет их стало меньше почти на 50 000.)

По сравнению с 1970, 1979 и 1989 годами уменьшилось число украинцев и белорусов.

На тысячу с небольшим стало меньше башкир и латышей. Почти на две тысячи — корейцев. Аварцев за десятилетку стало меньше на 800 человек.

Всех остальных в Первопрестольной стало заметно больше.

Специалисты Центра международного образования и международных проектов МИПКРО считают, что количество народов, представленных в составе населения Москвы, будет увеличиваться с каждым годом. Для этого есть все основания.

Назову народности, появившиеся в составе населения Москвы за десять лет, чья численность перевалила за 1000 человек: греки, маорийцы, лезгинцы, чеченцы, таты, абхазы, арабы, карелы, испанцы, вьетнамцы.

Говоря спортивным языком, народы Кавказа «побеждают в командном зачёте». Их показатель прироста в населении Москвы мы суммировали.

В «индивидуальном зачёте» вне конкуренции — татары: плюс 25 996! Неслучайно Сабантуй причислен к московским общегородским праздникам.

Взаимопроникновение татарской и русской культур огромно. Оно известно, исторически оправданно, объяснимо.

Московская армия была организована по татарскому образцу «ертулу».

Земский собор в Москве появился накануне падения Казанского ханства — его состав очень походил на татарский курултай. Московское правительство от татар унаследовало систему «податного обложения и сошного письма».

Перепись населения русские заимствовали у татар. У татар русские переняли обычай «бить челом», устраивать смотрины при выборе невесты, осыпать молодых монетами...

А слова, без которых невозможно было торговать: алтын, аршин, амбар, базар, бакалея, барыш, деньга, караван, лабаз, майдан, маклак (посредник), магарыч... Украшения, элементы одежды, товары: башлык, бешмет, кисет, кошель, кушак, атлас, бязь, кайма, кумач, алмаз, басма, бирюза, жемчуг...

Я не перечислил и десятой доли слов, подаренных татарами русскому языку.

Идёт процесс известной исламизации Москвы. Деся-

тилетия ислам в Златоглавой исповедывали (за редчайшим исключением) только татары. Причём как бы «наши татары», то есть выходящие из России, веками прожившие с русскими бок о бок, имеющие опыт общения с православными.

Эксперты предполагают, что реально в Москве сейчас проживает не менее 800 000 мусульман. Их доля в населении столицы России будет неуклонно расти.

Словом, так называемая этническая структура Москвы усложняется с каждым годом. Прав известный философ, политолог, писатель Зиновьев, предрекавший Москве стать в XXI веке «нерусским городом». Но «предсказание» его в известной степени наивно: Москва никогда не была тем русским городом и уж тем более сейчас, когда стала одним из крупнейших мегаполисов мира, всегда была мощным «котлом ассимиляции», пропитывавшим всех приезжих русской культурой. Русским духом.

«Москва, возможно, предстоит стать центром той цивилизации, которая свяжет Запад и Восток», — считает коллега Зиновьева, доктор философских наук, профессор Э.А. Баграмов.

Возможно... Миссия, что и говорить, благороднейшая. Будем надеяться, что у Москвы это получится.

Сергей РЫКОВ

ТЕЛЕСПОРЫ

Претензии к пуговицам

Ника Стрижак о рейтинге, «Белой гвардии» и пошлости

Окончание. Начало на стр. 1

— Однако ТВ может и как-то формировать зрительские интересы?

— Здесь надо понять, как это работает. Рейтинг — это холодный душ, который неприятен, но полезен. По нему можно проследить, какие зрители тебя смотрят, сколько им лет — 25 или 75, кто они — домохозяйки, мужчины и т.д. Мне очень приятно, что из зрителей моей «Открытой студии» около 60% — мужчины, поэтому мы обсуждаем мужские темы — мировая война, положение в Ираке, оборонный заказ и пр. Нужно следить, какая тема, сюжет, какие гости в программе показались интересными. Ведь чуть что — зритель берёт в руки пульт и переключается на другой канал. Можно снимать хор в капелле с утра до ночи, но это не будет иметь рейтинга. ТВ — это слишком дорогая игрушка, чтобы позволять себе снимать то, что никто не будет смотреть. К тому же очень много людей заняты тем, чтобы создать хотя бы часовую передачу. Вот мне говорят: «Вы такие недуховные». Это я недуховная?! Да я филармонию знаю, как свои пять пальцев! Но чтобы снимать классическую музыку, это, во-первых, должно быть ОЧЕНЬ интересно, эксклюзивно. А во-вторых, это надо снимать ОЧЕНЬ хорошо — по картинке, по звуку. Качество должно быть идеальным. А это тоже дорого. При трансляции спектакля картинка должна «звенеть». Духовность — это ещё сложнее и дороже, чем снять митинг на Манежной. И есть ещё простой ответ, почему Моцарт всегда проиграл самому посредственному сериалу: говорят, зрители плохие, смотрят сериалы... А вы представьте: вот женщина пришла с работы, она устала, готовит ужин для семьи, и она включает телевизор — а там Петя любит Машу, а Маша любит Вову — такая вот сентиментальная ерунда, которая не заставляет их расстраиваться. Причина — почти социальная, но всё это имеет колоссальный рейтинг.

— Ну если не обойтись без сериалов, может быть, воспользоваться примером ВВС, где прекрасно экранизируют английскую классику, и начать делать сериалы по многотомной и очень цельной для души русской литературе? Тем более что успех сериала по «Идиоту» был весьма впечатляющим.

— Во-первых, всегда лучше читать книгу, чем смотреть по ней фильм. А во-вторых, те же сериалы ВВС сняты очень тщательно, я бы даже сказала — трепетно. Надо учиться тому, как англичане работают с костюмами, деталями, как они бережно обращаются с эпохой. А у нас даже фильм про войну будет забит фактическими ошибками. Это просто безобразие. Я всегда поражаясь: неужели нестрашно брать за исторический фильм? Сам не знаешь — найми грамотных консультантов. Так нет — как мы себе представляем, так и лепим. Грустно. Вот посмотрите, что сделали с «Белой гвардией». Это очень плохо, хотя и по Булгакову. Почему «известные украинские писатели-фантасты Дяченко» (как следует из аннотации) полагают, что имеют право переписывать один из величайших русских романов, вставлять туда то, чего нет? Изящество, трагизм и ирония текста появляются лишь с закадровым голосом Игоря Квашы. Нет атмосферы семьи Турбиных, удивительного духа этого дома, неподходящие типажи. Ксения Раппопорт — хорошая актриса, но не Елена, Хабенский — не Алексей, Дятлов — никак не Шервинский, а уж Лариосик — просто беда. Это какая-то пародия на героев Булгакова. Начинаешь тосковать по фильму Басова. А главное, нельзя разобраться, что именно там происходит? Кто эти люди? Почему Мышлаевский гуляет в халате с голыми ногами перед Еленой? Почему они вообще все себя ведут, как солдафоны. Читайте текст, если вы не понимаете, кем эти люди были до описы-

ваемых событий. А потом у меня ощущение, что авторы Дяченко просто не знают биографии самого писателя. Так что сомневаюсь, что в отличие от «Идиота» кто-то поспешит в магазин за книгой. Вспоминается самая короткая рецензия Бернарда Шоу: «Зачем?»

— Что же делать, чтобы вернуть на ТВ просветительские передачи?

— Ничего. Либо надо делать это очень интересно, умно, грамотно и при этом успешно финансово, либо договариваться с акционерами, со спонсорами, с руководством, что это будет очень рискованно. Только договоритесь ли? ТВ — это массовое искусство, просветительские передачи мало будут смотреть, будут смотреть того же Малахова.

— Может быть, зрителей просто «подсадили» на такую стилистику передач, и поэтому востребовано всё это грязное бельё?

— С тех пор, как телеканалы стали сами зарабатывать себе на жизнь, контент стал важной частью бизнеса. Об рейтинга зависит — много будет рекламы, денег или нет? Рекламодатель тоже хочет прийти не на праздник в ЖЭК, а в Большой театр, поэтому он будет платить за рекламу в очень популярных передачах, а не в тех, которые никто не смотрит.

Это бизнес. Конечно, есть исключения, как это было с нашумевшим «Подстрочником» с Лилианой Лунгиной. С профессиональной точки зрения фильм сделан крайне стандартно, вся его прелесть — в героине, в том, что и как она рассказывает. Но когда продюсер и режиссёр отказались получать премию ТЭФИ, я как член Академии российского ТВ, таким демаршем была просто оскорблена. Они обиделись, что их фильм 10 лет не показывали. Так, ребята, его бы вообще никогда не показали, если бы не заслуга одного человека. На самом деле премию надо было давать Сергею Шумакову, который ныне возглавляет канал «Культура», который буквально выудил эту программу из небытия. Вот это его личная художественная победа. Он не побоялся riskнуть, поставил в эфир и выиграл. Что касается отсутствия духовных передач: я считаю,

что это вина продюсеров главных каналов. Когда им приносят идею какого-нибудь сериала про музей или классическую музыку, они говорят: ой, это на канал «Культура». То есть сами отдают идею конкурирующему каналу. А ведь при большом таланте и вкусе это может быть феерическая работа.

— Разве главные каналы конкурируют с «Культурой»?

— Нет, и зря. У «Культуры» — своя ниша, на которую мало кто покушается. Разные программы, но когда появилась «Академия», — это получилось интересно. Хотя понятно, что всё зависит от самого лектора. Но когда выступал Жорес Алфёров — это было очень здорово, хотя он говорил научным языком без какой-либо скидки на широкую аудиторию.

— Всё-таки рейтинг — единственный мерило?

— Да, нет, конечно. Вот наш 5 канал — он общероссийский, рассчитанный на самого разного зрителя. А потому у нас интерес широкий, ведь жизнь так многообразна и богата. И мы экспериментируем, пробуем, где-то выигрываем, где-то нет. Большие каналы всеядны — им нужны и новости, и ток-шоу, и фильмы, и прямые трансляции. Другим этого не надо. У вас же нет претензий к нишевым каналам, напоподобие Муз ТВ или СТС, что они не показывают Большой зал консерватории? Это же не их задача.

— Но качественной теледокументалистики тоже не хватает.

— На канале «Россия» — отличная линейка документальных фильмов. Я сама с ними много лет работаю и почитаю это за честь. Но и здесь всем не угодишь. Какой-нибудь «большой кинодокументалист» всегда будет недоволен документальным фильмом, считая это чем-то вроде оперетты в храме искусства.

— Да, они об этом говорят, например Виталий Манский.

— Тоже странное высокомерие, потому что такая документалка требует невероятного мастерства. Это, кстати, то самое просветительство, которое мы тут уже почти похоронили. И, кстати, нередко эти исторические фильмы бьют по рейтингу исто-

рии про то, как Вася любит Машу. Да и сам Манский отлично умеет снимать фильмы для телевидения. Это другой жанр. Нельзя на ТВ показывать, как едет и едет оленивод, а солнце всходит и заходит. ТВ — это очень быстрая жизнь. Моя «Открытая студия» идёт два часа, а время просто пролетает. И вообще, вы знаете, поднадоели уже эти упрёки в адрес телевидения. Поймите, ТВ — это фабрика, которая работает 24 часа в сутки! Это как железная дорога, по которой бесконечно ходят поезда. Вы помните, в чём была новизна программы Молчанова «До и после полуночи»? Она первая шла после 12 часов ночи. А сейчас мы можем смотреть передачи круглосуточно! Вы спрашивали, что изменилось на ТВ. Да его просто стало невероятно много! Сотни каналов. Сотни тысяч часов эфира. Так что процент «брака» не так и велик. Вот у меня ежедневная программа, пять дней в неделю — тысячи собеседников в год. Ужас!..

— Вы, человек с университетским филологическим образованием, конечно, помните набоковскую мысль, что русское слово «пошлость» непереводимо на другие языки. А в чём проявляется телешошлость?

— Пошлость — это отсутствие вкуса, допущение недопустимых вещей. Есть шутки, которые нельзя произносить на много-миллионную аудиторию. Пошлость — это коверканье цитат, неумение обращаться с языком, даже одежде и манеры, которые приличные люди не приемлют. На ТВ теперь работает очень много людей, профессионализм падает, за всеми не уследишь. Но это ещё и вопрос личной ответственности. У каждого поступка есть фамилия, имя и отчество. Кто написал сюжет? Кто пустил его в эфир? Кто запустил этот проект? Или у начальника, который решил, что пошлая программа может быть в эфире, дети в Лондоне, а до других ему дела нет? Но, наверное, общество должно наестись этой пошлостью.

— Разве ещё не наелось?

— Нет, потому что у этих передач огромные рейтинги.

— ТВ играет на низменных инстинктах, потакает им?

— Это проще, чем читать Достоевского. Но ведь есть одежда, которую мы не носим, еда, которую мы не едим. Не нравится — не смотри, у тебя есть право выключить ТВ.

— Говорят: телевизор нельзя выключить, он настигнет тебя ножом отморозка в подворотне, сыном-наркоманом, дичающим населением...

— Это происходит не потому, что люди смотрят телевизор. Наоборот, ТВ показывает то, что есть в жизни. Я всегда студентам говорю: не нравится? — а это тоже наш зритель...

— Но ведь можно народ подымать, а можно махнутой рукой: пусть и дальше опускаются.

— Вот будет у вас свой телеканал, и мы посмотрим, как это у вас получится. Каким интеллигентным каналом было когда-то НТВ, но прошли времена. Поэтому всё-таки не смотрите, если вас корбит. Мне очень не нравится современное российское кино. И я его не смотрю. Есть каналы и передачи, которые я никогда не включаю. Не я их «целевая аудитория».

— Чтобы посмотреть фильм в кинотеатре, нужно куда выбраться и заплатить деньги. Телевидение же абсолютно доступно, просто включил, как домашний камелёк.

— Телевидение не должно заниматься перевоспитанием. Что вы требуете от ТВ, если у нас со сцены МХТ — цензурная брань? Я на таком языке не разговариваю, таких передач не делаю и не смотрю. Как у Райкина — к пуговицам претензии есть?

— Нет, к вашим «пуговицам» у меня претензий нет.

Вопросы задавала Мария ФОМИНА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

televed@mail.ru

«Бесы» вчера, сегодня, завтра

Великий роман Достоевского «Бесы» стал предметом обсуждения в очередном выпуске программы канала «Культура» «Игра в бисер». И выпуск этот был чрезвычайно удачным.

Выдающиеся исследователи литературы Людмила Сараскина и ведущий цикла Игорь Волгин, критик Дмитрий Бак, философ Владимир Кантор, режиссёр Сергей Голомазов рассматривали пророческий роман, кажется, со всех возможных сторон. Объём и глубина анализа феномена «Бесов» и его до боли современного звучания поражали в прямом и переносном смысле слова. То, что Достоевский не был услышан современниками, трагически отозвалось на судьбе России XX века. Отзывается и сейчас. Деградацией образования, крушением культуры, падением нравов, множасьими фактами откровенной бесовщины... Самое грустное, что роман в должной степени не прочитан и до сих пор — передача, насколько было возможно, восполнила этот пробел.

Выражая благодарность создателям цикла и его ведущему Игорю Волгину, стоит высказать предположение, что есть в русской литературе произведения, которым стоит посвятить не один выпуск, а два и более.

Алексей СОКОЛОВ

Экранный партком

Помнится, в годы перестройки было однозначно заклёймлено как родимое пятно тоталитаризма вмешательство партийной обществённости в дела личности...

Сегодня почти на всех каналах идут передачи, посвящённые тому же самому. Есть и существенные отличия: бывшие партийные «проработки» собирались эпизодически и по экстремному поводу. Нынешние «разборки» идут в ежедневном режиме, в лучшее телевизионное время, подолгу. И в присутствии не только причастных к ближнему кругу обсуждаемых персон. При миллионах зрителей в студии и у своих телеэкранов! Готовятся эти «публичные слушания» также огромным штатом — от искателей «жареной» информации до дежурящих в засаде журналистов с аппаратурой наготове...

Многие «медийные лица» вопят: когда оставят в покое нашу личную жизнь?! Вопрос давно риторический. Всю жизнь известный независимостью характера актёр презирал сам факт обсуждения своих личных отношений с любимой женщиной на собраниях коллектива. Спустя годы он же без малейшего внутреннего протеста мог перед миллионной аудиторией на все лады выяснять подробности отношений с женой, расстреванной его исчезновением... И вот досужий сюжет для телезвезк оборачивается истинной трагедией семьи Пороховщиковых. В программах «Пусть говорят» и «Говорим и показываем» (НТВ) и других «общественность» выплёскивает суждения о личной жизни героев, обходясь уже даже и без их присутствия. Ведь появилась масса штатно кочующих по таким эфирам одних и тех же «экспертов» — психологов, адвокатов, подруг-актрис, которые всех знают и о делах всех имеют суждение.

Например, актриса Татьяна Полежайкина, похоже, свою самую яркую роль исполняет, именно разбирая дела на ток-шоу (и не одна она). Людмила Поргина с пафосом объявив, что ей «стыдно наблюдать, как идёт стирка грязного белья», с повадками баннерши лично добавила увесистый шмакот грязи в корзину Нины Спада! А композитор Журбин, народные артистки, публиканы обсуждали, что произошло между отцом и дочерью, Максимом Дунаевским и Алиной Спада.

Вот такое в духе времени заседание «парткома». С одним отличием: корреспондент передачи два дня с микрофоном подкарауливал Дунаевского у его дачи в Алабине... Комсомольцам прошлого такой размах не мог и присниться...

Любовь ГЕРАСИМОВА, НОВОСИБИРСК

ТЕЛЕАНОНС

Тайная история разведки

На телеканале «Россия — Культура» в рубрике «Тайная история разведки» начался премьерный показ документального сериала «Соло для одиноких сов» (19–22 марта, 22.55).

Сова считается символом нелегальной разведки в разных странах мира. Совами-одиночками были и герои документального сериала «Соло для одиноких сов» (режиссёр — Григорий Илудин).

Четыре героя — четыре типа разведчиков. Хранитель королевских галерей, искусствовед, активнейший участник знаменитой «Кембриджской пятёрки» сэра Энтони Блант; гуманист, дипломат, использующий методы спецслужб для спасения венгерских евреев Рауль Валленберг; женщина авантюрного склада, баронесса Мария Будберг (Закревская, Бенкендорф) и русский эмигрант Константин Мельник, возглавивший при де Голле французскую разведку.

Из героев документального сериала в России наименее известен именно Мельник. Выходец из семьи русских эмигрантов первой волны, он оказался в гуще исторических событий второй половины XX века. До него ни один русский эмигрант не добивался столь высокого положения на французском политическом небосклоне. Мельник занимал пост координатора деятельности спецслужб в правительстве Франции. Ему приходилось искать пути мирного выхода из тупика колониальной войны в Алжире. Он одним из первых выдвинул идею европейского договора о безопасности и сотрудничестве. Сегодня, несмотря на почтенный возраст, Константин Мельник остаётся одним из самых авторитетных исследователей деятельности разведок разных стран. Гражданин Франции, он так и не стал французом. «Я здесь чужой среди чужих», — говорит он, — а в действительности просто русский человек, живущий во Франции».

А.К.

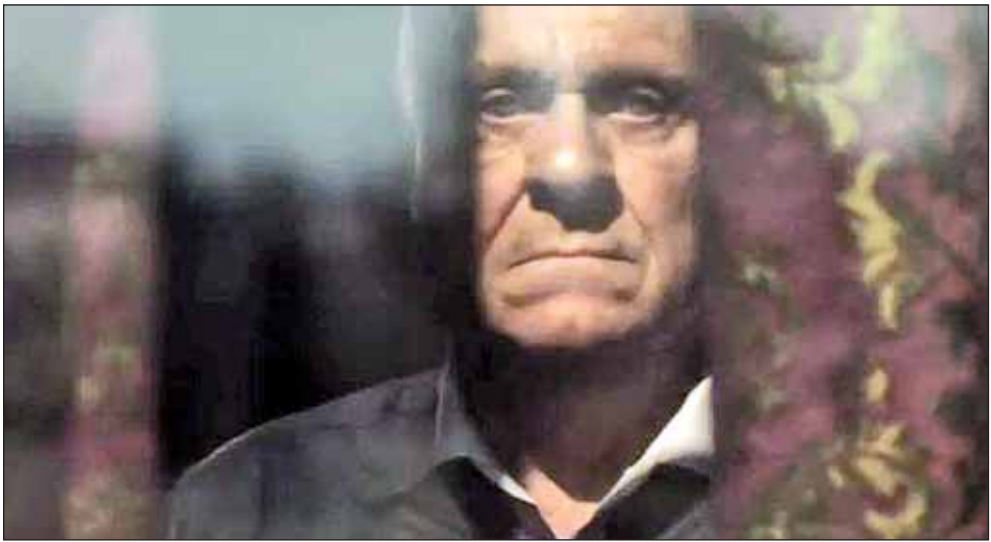
ТЕЛЕПРЕМЬЕРА

Предложенные обстоятельства

Сильное, сложное впечатление произвёл сериал Первого канала «Личные обстоятельства» (режиссёр Алексей Лебедев). Поразил Владимир Меньшов, сыгравший роль олигарха Сундукова. На нашем экране редко увидишь положительного героя, и персонаж Меньшова — никак не положительный, но живой, страстный, любящий, вызывающий сочувствие, несмотря на отвратительные поступки, которые он совершает.

Главные же положительные персонажи (в исполнении Андрея Соколова и Олеси Судзиловской) в сравнении с тем, как актёрски проживает трагедию своего героя (предательство дочери и возлюбленной) Меньшов, выглядят несколько схематично, несмотря на всю их внешнюю привлекательность и закрученность романтической составляющей сюжета. Скорее всего, в этом виновата некоторая незавершённость сценария (Анна Берсенева, Владимир Соцников), которая не позволила талантливым актёрам развернуться в полную мощь. Впрочем, оговоримся: главную ответственность за телепродукт несут всё же не они, а продюсеры, которые ныне всё определяют и ставят задачи сценаристам и режиссёрам, — в данном случае это Влад Фурман и Анастол Чижиков...

В тот самый момент, когда у истории могло бы появиться новое дыхание, неожиданное развитие и мощное завершение, Сундуков (по воле сценаристов)

внезапно получает инфаркт и выходит из игры. Рановато, он мог бы ещё побороться. Судя по точной, мощной игре Меньшова, образ далеко не исчерпан, остался немалый ресурс. И очень было бы интересно, что противопоставили бы ему герои Соколова и Судзиловской. Так же важно было бы увидеть развитие образа дочери Сундукова (дебют во «взрослом кино» звезды «Школы» Валентины Лукашук). Вообще многие важные совре-

менные темы (бессовестная власть денег; тотальная коррупция — в том числе в полиции, медицине и на ТВ; всеобщее пьянство; кажется, неразрешимый конфликт поколений; полное крушение нравственных скрепов — каждый за себя, все против всех; внезапно возросшее влияние Интернета — в чьих он руках?..) не развёрнуты в той мере, как можно было ожидать, судя по сюжетной заявке первых шести серий. И быстро свершившийся хеппи-энд с до

ПОЭЗИЯ МОЛДАВИИ

«Мой детский Кишинёв»

Олеся РУДЯГИНА

Поэт, публицист. Стихи печатались в республиканской и зарубежной прессе, коллективных сборниках; антологии «Современное русское зарубежье» (Москва), в журналах: «Кодры» (СП Молдавии), «Балтика» (Эстония), «Юность», «Дети Ра», «Новая юность» (Россия), «Новая Немига» (Беларусь), альманахе «Братина» (Москва) и др. Автор пяти поэтических книг. Член СП Молдовы. Председатель Ассоциации русских писателей РМ. Учредитель и главный редактор журнала АРП РМ «Русское поле». Лауреат Пушкинской премии (Кишинёв, 1999 г.). В 2010 году получила специальный приз Международного литературного конкурса «Русская премия» — «За вклад в сбережение и развитие традиций русской культуры за пределами Российской Федерации» (Москва).

Награждена почётным знаком Международного совета российских соотечественников «За вклад в укрепление сотрудничества с Россией».

Работает в теледиалокомпании MOLDOVA-1. Преподаёт в Славянском университете на кафедре журналистики.

Вот не забыть под подушку блокнот
и карандаш
мне сегодня приснится
песню диктующая синица
всё восхищавшаяся журавлём
ах ну и что размах крыл не тот
но и не станет морочить лисица
кашей в тарелке
пусть песенка снится
что узнают в марте с первых трёх нот

БЕЗ СНЕГА СНОВА

...ты всё тень-тень о весне
но впереди февраль
отёчный невротик мавр
выматывающий душу

о хоть бы какой сюжет
но только не этот нет
пошли мне зима платок
тряси меня страсть как грушу

иди мой герой на плеск
Офелии на прибой
болатные огоньки
вплетённые в гриву ивы

заслушайся сквозняком
прониства чужих чужбин
чу йориковых гласниц
свистящие переливы

найди же душа портал
порт алый от пар... причал
где встретаться с братом брат
убившие здесь друг друга

вильям тот другой шекспир
сзывают друзей на пир
и упадет снег
на
вий опускает век...

надежды нет
но есть надежда
в иных ненюшенных одеждах
когда-нибудь влететь
на огонёк
присесть на подоконник
что промок
от часто поливаемых цветов
того кто без неё
не одинок
и знаешь есть такой особый запах

у вечера весеннего почти
когда здесь зимовавшие грачи
с полей недалних шумно возвратятся
и в кронах обустроясь на ночлег
всей стаей смотрят из-под синих век
на копошащихся внизу людей
смешную горечь куцых наших дней...

Какой бы долгой ни была зима,
Мне ею, — всё одно, — не надыхаться.
Когда душа униженно нема,
Пойдём на саночках, мой свет, кататься!
Квартал столицы замер и поднял
Лицо домов своих одноэтажных
Навстречу снегу, и ничтожно мал
Груз суеты, счетов, дел архиважных
Сейчас. Сей миг. (Мой детский Кишинёв,
Ты сколько б в европерья ни рядился,
А будешь мил, а будешь вечно нов
Неновизной, — для тех, кто здесь родился!)
По улочке заснеженной ночной
Неспящих двое меж деревьев бродят:
Свирель метели, нежности прибой,
Подснежники, что лишь
в душе находят...

что снег последний
уходящий
мне напоёт
свинцов небес почтовый
птиц вещей слёт
пророчеств чёткие
судьба ясна
сквозь неизбывные утраты
грядёт весна

ИВОЛГА

От птицы до звезды —
подать крылом.
От птицы до звезды —
мгновенье лета,
Когда, прильнув
к дыханию рассвета,
Душа моя не помнит о былом.

Любить тебя.
От птицы до звезды,
не меркнувшей
в луче зари неспешном,
жизнь пролегла
в сиянии кромешином —
цветущие и певчие сады...

Вика ЧЕМБАРЦЕВА

Поэт, прозаик, переводчик. Родилась в Кишинёве. Окончила факультет маркетинга и факультет психологии. Член Ассоциации русских писателей РМ. Участница форумов молодых писателей России (2009–2011), V Ереванского форума переводчиков стран Балтии и СНГ. Лауреат и дипломант многих международных литературных премий и конкурсов. Печатается в литературных журналах России и зарубежья. Автор поэтической книги «Тебе...» (Кишинёв, 2010).

ВРЕМЯ РАССТОЯНИЯ

когда так долго нет тебя.

летят стрекозы декабря,
мелькая снежными крылами.
замёрзший ворон свой обряд
вершит над голыми ветвями.

упрямство зелени травы —
отчаянная вера в лето —
как бьётся птица в тесной клетке
груды. Мой день совсем отвык
от красок — серость, маета,
и мерить время расстояньем,
пока в весеннее закланье
не бросят солнечный пятак.

косноязычие ветров —
попущик нудный — до апреля,
болтливого смеется капелью
зимы тоскливое тавро.

летят стрекозы декабря,
мелькая снежными крылами.

пока так долго нет тебя,
я мерю время расстояньем.

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

лужистый студень зимы — это память
дождей
солнечной охры и белого пепла туманов
в талой воде отражается небо с изьяном
словно в расколотом зеркале —
к счастью? к беде?

клином графитным, где вычертил твой
карандаш
голые руки ветвей на пергаментной сини
грифель сломался в страницах альбома
о зимах
кистью по листьям — весна — акварель
и гуашь

северней снега на сердце... и десять причин
пить брудершафт с несудьбою и быть
несвободным
каевы кубики — время — из пальцев
холодных
падая в вечность, увя, не способны лечить

Крепость Сорока

Сергей ПАГЫН

Поэт, автор стихотворных сборников «Обретение», «Прогулка в ноябре», «Сверчок в радиоприёмнике», член Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Живёт в г. Единцы. Родился в 1969 году в молдавском городе Единцы в семье служащих. С 2000 года является главным редактором регионального периодического издания «Норд-инфо».

Стихи публиковались в молдавской прессе, в газетах «Литературная Россия» и «Кстати» (Сан-Франциско), в приложении «Литературной газеты» «Евразийская Муза», в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Дети Ра», «Литературный меридиан», «Русское поле» (Кишинёв).

Финалист и дипломант международного конкурса имени Н. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (2010), лауреат премии «Молодой Петербург» (2011).

Смерть, как мальчика,
возьмёт за подбородок.
«Снегурёк... щеглёнок... зимородок... —
скажет нежно, заглянув в глаза.
— Ну, пошли со мною, ееза».

И меня поднимет за подмышки,
и глядишь: я маленький — в пальтишке
с латкою на стёртом рукаве,
с петушком на палочке, с дудюю,
с глиняной свистулькой расписною,
с мыльными шарами в голове.

А вокруг — безлюдно и беззвёздно...
Только пустошь, где репейник мёрзлый.
Только вой собачий вдалеке.
Только ветер дует предрассветный.
И к щеке я прижимаюсь смертной,
словно к зимней маминой щеке.

К стуже закружилось вороньё...
Вечеру снимаю я с верёвки
детское подмёрзшее бельё —
рубашонки, чепчики, пелёнки.

Снег хрустит, растававший слегка
за день тёплый, хлопотный,
субботний...
Как судьба, находят облака,
словно знобкий промысел Господний.

И стою, прищепку раздвоив,
на краю глубокого сиротства,
как свежо и остро ощутив
радость запоздалого отцовства.

Будто котик вербный в январе
приоткрылся на моей ладони...
И качает ветром во дворе
на резинке варежки сыновни.

Рай похож на огромный пломбир:
сколько света вокруг, сколько снега!
Валерий Прокошин

В снегу, в свету,
в божественном пломбуре,
где облака сияют, как фольга,
приснится: столбик освещённой пыли
по воздуху плывёт издалека,
где мрак щелист,
где горклый дух барачный,
где в дрёмах промельк милого лица,
где на берёзе тонкой и прозрачной
наосадный крик замёрзшего скворца,

где скука детская — сестрица дорогая
на сердце налегающей тоске —
глядят в окно немытое, катая
стеклянный шарик в маленькой руке.

Хоистину бытия словами расшивая
вслепую, наугад, с изнанки ли, с лица,
я говорю: «Зима... Зима —
без дна и края,
и мелкий снег в окне
летает без конца».

Я говорю: «Дымя, горит моя тревога
сыроу берестой»...
И светится во тьме
немислимый узор, который виден
Богу,
но в плоскости моей, увя,
не виден мне.

В нехоженом небе —
представь
на мгновенье —
шиповник,
заката откос
и мы за столом,
и у наших коленей
слоняется времени пёс.

Мерцающий праздник
на рюмочных ножках,
креплёное счастье вино,
холицовая скатерть,
и вензель на ложке
значение утратил давно.

И бабочку грусти, что кротко
сидела
у вечности в твёрдой горсти,
спугнёшь непароком,
промолвив: «Стемнело...
И надо бы лампу нести...»

И грусть запорхает, легонько
касаясь
морищиных лбов, и в ночи
к земле, словно тропкой, пойдём,
спотыкаясь,
лучом поминальной свечи —

к дверям и окнам субботнего рая,
где те, кого нету родней,
сухие рубашки с верёвки снимая,
играющих кличут детей.

Леонид ПОТОРАК

Родился в 1994 году в Кишинёве, где и живёт. С раннего детства рису-ет и сочиняет.

Победитель конкурса «Молдова — страна русско-го мира» (объявлен РЦНИК в РМ; номинации «Поэзия» и «Видеодео-бют»; Кишинёв, 2010), Республиканского ли-тературного конкурса для молодых «Взлётная полоса» (номинация «Поэзия») на приз жур-нала «Русское поле», проведённого Ассоциа-цией русских писате-лей РМ (2011); получил специальный приз жур-на «Журавли над Россией» — «Дружбу славлю,

сплотившую нас против фашизма!» (2012). Публиковался в журнале «Русское поле». Член АРП РМ.

С НАСТУПАЮЩИМ

Я знаю, с ударом часов остаётся всё то же,
И до новогодней, и после — такие же ночи,
Но смутное чувство, с надеждой до ужаса схоже,
Всё вертится, вертится в сердце навязчивой строчкой,

Ещё один год налетел сквозь вокзальную морось,
Ещё один путь позади — не жалей о разлуке,
Заходи, родные, не будем задерживать поезд,
Махнуть бы всем тем, кто остался, на занятые руки,

Грядущего праздника слышится шаг торопливый,
Проводим и встретим, и вдруг осознаем: как просто,
Не рифмой одной, не одною любовью мы живы,
И жизнь — невысокая, но драгоценная проза,

СВЕРХУ ВНИЗ

Не правда ль, было иногда,
Что в час после заката
Мы слышим, как летит Земля,
Гонимая куда-то.

И если ночью мысль вольна
Растаться со стенами,
Пусть нас несёт она туда,
Где лайнер спит в тумане,

Где пассажиры стаей птиц
Глядят, как светлый остов
Материков уходит вниз,
Сворачиваясь в звёзды,

И все, кто есть внизу, кто ждёт,
Порой того не зная,
Ведут сквозь бездну самолёт
Пунктиром ожидания.
И есть одна, не всё ль равно,

Кто именно, которой
Доверен воздух, ночь, окно
Мы слышим, как летит гуд мотора.

А впрочем, верно, не одна.
Она подобна прочим,
Мы не знакомы с ней, она
Лишь единичка ночи,

Глядит, как меркнет ряд огней,
И тьма в окне всё шире,
И твёрдо знает — дело в ней,
Одной не спящей в мире.

ОДНА ИСТОРИЯ

Не раз было пройдено поле
До нас, но и это — пустяк;
Мы жили не там и не столько,
Но встретились именно так.

Я иду по строчкам нотного стана.
Вдоль по рельсам нот незнакомой пьесы.
Не сложна ли музыка для начала?
Что-то вы задумали, мой маэстро?

Я спросил бы: что там у нас в программе?
И со сцены вам каковы на вид мы?
Но из зала голос не долетает,
Или глушит радио все молитвы.

И не занимал бы в партере место
Да не слушал вовсе бы, только знаешь:
Есть ещё под пальцами у маэстро
Верная улыбка потёртых клавиш.

И, не слыша публики, он спокоен,
И стучит стакато безумный гравий.
Эта жизнь глуха, как старик Бетховен.
Но играет, Господи, как играет.

И пусть нас сводили не звёзды,
Не вовремя — это не зря,
Ни поздно, ни рано, а просто
Отдельно от календаря.
И виделось в свете лучины
И в чаде мостов и лесов,
Как мало упало песчинок
Сквозь строгую склянку часов.
Какая великая смелость
Уискры над первым костром.
...Ах, как бы порою хотелось
Не вспомнить, что было потом.
А было: безумие века,
Сомнения, любовь, нелюбовь,
И всясть обращённые реки,
И пепел жилищ и садов,
И эти весенние листья...
Казалось — а было ль, Бог весть, —
Вне возраста, времени, жизни...
Наверно, не с нами. Не здесь.

Член Ассоциации русских писателей Молдовы. Впервые был опубликован в газете «Днестр» СП Молдовы «Нистру». Затем печатался в журнале Союза писателей Молдовы «Кодры», «Литературной газете», антологии «Современное русское зарубежье».

Почти в самом центре Кишинёва, неподалёку от здания университета, во дворе ветхого дома, зажатого со всех сторон новостройками, стоял покосившийся сарай. Там в пропитанном запахами мышей, красок и струганной древесины полумраке, вызывая раздражение у «сухопутных» соседей, размещалась самая настоящая корабельная верфь. И вкалывал на ней Ной — мой давний знакомый.

Однажды субботним вечером капитан собрал своих друзей-приятелей, и общими

л ●

В славяно-молдавском междуречье Днестра и Прута русская речь и русская культура сосуществуют в многовековом диалоге с молдавской, украинской, еврейской, болгарской и гагаузской. Появление в этом культурном пространстве нового литературно-художественного и публицистического журнала — событие явно не локального масштаба.

Главный редактор Олеся Рудягина и члены редакционной коллегии поэтаэса Валентина Костишар, прозаики: Олег Краснов, Виктория Аленскава, Татьяна Орлова и поэт Сергей Пагын программным принципом нового журнала считают действственную ответственность за судьбу русского слова, русской литературы в родной Молдавии.

— Е-е-если не п-п-поставлю её на в-в-воду в б-ближайшее в-в-время, то с-с-с-собственными р-руками п-п-пущу на д-д-д-дрова! — в сер-
дцях горячился Ной, добывая бутылку вина после очередного зряшного посещения «де-
нежного мешка». И вот, когда уже стало ка-
заться, что нашим грандиозным планам не
суждено сбыться, капитан сообщил мне, по-

Этот ныне тихий, заросший камышом ручей, петляя меж покрытых виноградниками пологих холмов, впадал в Днестр, который нёс свои воды в Чёрное море, откуда, по просвещённому мнению капитана, и до Мирового океана было рукой подать. Преодолев весь этот нехитрый маршрут, он намеревался объявить наш сухопутный град океанским портом, а заодно, если повезёт, и попасть в Книгу рекордов Гиннесса.

Стоя на палубе, мы с Ноем ещё долго любовались проплывающим за кормой городом, но свежий ветер океанских просторов уже дул в наши паруса и будоражил сознание...

⁴ Друм Бун! – Счастливого пути! (молд.)

Михаил ПОТОРАК

Окончил факультет журналистики Кишинёвского университета, учился и играл в театре-студии. Работает директором музея, руководит детским театральным коллективом. Публиковался в журнале «Русское поле», в региональных журналах, сборниках короткой прозы независимого литературного фонда «Белый арап». Член АРП РМ. Живёт в селе Иванча.

Вляпался я совершенно случайно. Сам по себе я б никогда не влюбился, поскольку дело это глупое и пошл^{ое}, поскольку я не романтик. А влюбился я за компанию.

— Ой, бли-ин!!!

Мы пели нашу любимую:

— Сидели мы у речки, у Вонючки,
Сидели мы в двенадцатом часу.
Ты улыбулась мне
Своей корявой рожей
И чем-то ковырялася в носу...

Оказавшиеся в «Поле притяжения» прозаики принадлежат разным поколениям. Здесь царствует современный короткий рассказ. Этот востребованный в русской прозе Молдавия жанр стал одним из приложений сил

Новое издание на русском языке в Республике Молдова — явление *знаковое*. Станет ли журнал явлением *значимым* для русской культуры и литературного процесса, покажет время.

ПАМЯТЬ

Подпольный госпиталь

Моё знакомство с селом Кирово (бывшее название Кучаково) Бориспольского района Киевской области началось совершенно неожиданно. В Борисполе мы познакомились с первым секретарём райкома Анатолием Петровичем Зозулей, и тот повёз меня в один из передовых колхозов. По дороге мы разговорились.

«А у нас тут недалеко в первый период войны был создан подпольный госпиталь, — сказал он. — Около пятисот раненых красноармейцев вылечили».

«Как, при немцах? — с удивлением спросил я, уже зная об этом факте. Хотелось бы придать вопросу больше эмоциональности. — Не может быть!»

Евгений КОПЫТ

Юго-Западный фронт, 1942 г.

«Да, да, истинная правда! — горячо заверил меня секретарь райкома. — Дело в том, что тут передовые немецкие части прошли, а жандармерии и полиции долго не было. Края у нас глухие — лесные да болотистые, мало кого интересовавшие».

На сей раз остановился я в Кирово на неделю, а через некоторое время приехал туда уже на пару месяцев. Предварительно договорившись с Политиздатом, что напишу для него документальную повесть об этом уникальном лечебном заведении. Там сразу же взяла мою идею на вооружение и включили книгу в план. Жил я в селе у Вани Дворника, с которым мы стали настоящими друзьями. Во дворе у него стоял небольшой домик, предназначенный как раз на одного человека. Вот в нём я и обитал. Сам Ваня, будучи шестнадцатилетним пареньком в начале войны, участвовал в организации госпиталя в селе. Везил раненых на телеге, доставал медикаменты и перевязочные материалы. Большую помощь в сборе материалов, в организации встреч с людьми оказала мне председатель сельсовета Галина Степановна Гасева. Она старалась, чтобы я как можно больше узнал о людях, словно понимала, как важны для писателя черты характера, душевный настрой, внутреннее самочувствие доброго человека. Активно содействовала в моей работе и фельдшер села Евдокия Степановна Горюнович, женщина вообще-то замкнутая. Ну, конечно, и сам Анатолий Петрович Зозуля, частенько наведывавшийся в Кирово.

Начальником госпиталя стал военврач Днепровской военной флотилии капитан второго ранга Афанасий Антонович Гришмановский, отступавший вместе с разрозненными стрелковыми, флотскими, авиационными и артиллерийскими частями от Киева. Он сразу взял дело в свои руки и начал размещать раненых в школе, сельсовете, детском садике и, естественно, по хатам, там, где можно было. Хирургом стал молодой, только что окончивший накануне войны медицинский институт, служивший в санитарной части одной из дивизий Киевского гарнизона Рафаэль Поповьянц. Хирургической сестрой, ассистировавшей при операциях, Гришмановский назначил

опытную военную медичку Сару Бумагину. Пригодился и бабушкин медицинский опыт младшего лейтенанта А.П. Руцких. Он стал начальником отделения раненых, расположенного в школе.

Из всех названных мною лиц я не смог встретиться только с Гришмановским. Он работал врачом в одной из больниц города Баку и рано умер. В Москву ко мне прилетала его жена с двумя сыновьями-нефтяниками. Они мне о нём многое порассказали, что потом вошло в книгу. С Поповьянцем мы виделись несколько раз. Он работал начальником хирургического отделения Хабаровского военного госпиталя, был уже полковником. Я даже на Дальний Восток к нему летал. С Сарой Бумагиной, очень милой, добрейшей души женщиной, мы дважды встречались в Кирово, куда она приезжала из Горького, где жила постоянно. Со всеми остальными участниками работы в подпольном госпитале я тоже беседовал по несколько раз. Потому и образы получились такими выпуклыми. Последняя наша встреча была в позапрошлом году. Книгу «Село милосердия» в 1983 году издал Политиздат тиражом 100 тысяч экземпляров. Киевское издательство «Украина» переиздало её на украинском языке в 2000 году. Вот после этого мы и встретились вначале в столице страны, а потом в самом селе. Из участников той героической эпопеи осталось шесть человек из пятидесяти с лишним. В

центре села стоит обелиск, на котором в граните высечены имена героев-сельчан, спасших жизнь более чем пятистам воинам. Село за этот подвиг к 40-летию Победы было награждено почётной грамотой Верховного Совета УССР. У въезда в него высится красивый постамент с надписью «Село милосердие».

Семидесятилетие подпольного Кучаковского госпиталя в 2011 году, хоть и отмечалось по традиции, но готовилось давно. В нём принимали участие Союз ветеранов Украины, киевский Дом ветеранов, представители исторических музеев Украины, Дома культуры столицы, Бориспольского управы и даже патриархата. Поэтому на митинг в честь подвига кучаковских селян, проходивший 11 октября 2011 года возле мемориала павшим в начале войны бойцам близ села Артёмовка (здесь как раз было то огромное поле, где разгорелась кровавая битва отступавших из Киева советских воинов с гитлеровскими войсками и откуда потом вывозили в Кирово раненых), собралась масса народу. Здесь были жители окружающих посёлков, учащиеся здешних школ, представители трудящихся из Борисполя и Киева, а также руководящие товарищи Украинской рады и других общественных организаций. Они-то и выступили с горячими поздравлениями селян в честь торжественно-траурной даты. Пришлось сказать своё слово и вашему покорному слуге. Я не только передал кучаковцам привет от московских писателей, а и рассказал собравшимся о своём письме президенту Украины, которое направил ему по приезду в Киев. В нём я сделал Виктору Фёдоровичу Януковичу три предложения. Первое: полагаю, что настала пора переименовать село Кирово в Село милосердие. Второе: проложить туда туристскую тропу; пусть все люди — и наши и иностранцы — приезжают сюда знакомиться и восхищаться подвигом украинских селян. И третье: создать в селе настоящий мемориальный музей о подпольном госпитале. Полагаю, что мои предложения будут всё-таки осуществлены и патриотизм жителей села возвеличен должным образом. Их подвиг достоин того.

Дальнейшее празднество проходило уже в самом селе Кирово. Нас пригласили в школу — прекрасно оборудованное монументальное двухэтажное здание. Здесь помимо необходимых учебных классов, зала физкультуры, обширной столовой и других помещений для учащихся размещены три музея. Один посвящён украинскому казачеству, другой — исторический и третий — рассказывающий о создании и работе подпольного госпиталя осенью 1941 года. Все они очень интересно сделаны, наполнены некоторыми уникальными экспонатами. В том же «госпитальном» музее лежит врачевская печать начальника подпольного лечебного учреждения капитана второго ранга Гришмановского, которую он, будучи ещё жив (мы были знакомы заочно), подарил мне, а я, в свою очередь, давно уже передал киевлянам в музей.

В обширнейшем актовом зале школы торжества между тем продолжались. Снова выступали руководящие товарищи, вручали похвальные грамоты и подарки людям, отличившимся в популяризации подвига кучаковцев. Затем состоялся банкет. На нём я одним из первых предложил тост за то, чтобы героизм украинских селян не забывался и звучал на века. Он достоин того.

Анатолий ПОЛЯНСКИЙ

НУМИЗМАТИКА

Александр ЗАРЕНЧЕНКО

Мемориал советских воинов (Ельня)

Герои на реверсе

Начиная с 2011 года Банк России выпускает в обращение серию памятных десятирублёвых монет, посвящённую городам воинской славы. Монеты этой серии изготавливаются из стали с латунным гальванопокрытием, а своим размером полностью соответствуют обычным 10-рублёвым монетам образца 2009 года. В период с 2011 по 2014 год запланирован ежегодный выпуск этих монет. Тираж каждой будет составлять 10 млн. экземпляров.

Почётное звание «Город воинской славы» присваивается городам России, на территории которых или рядом с которыми в ходе ожесточённых сражений в борьбе за свободу и независимость защитники Отечества проявили стойкость, мужество и массовый героизм в соответствии с указом Президента Российской Федерации. В честь этого события в городе устанавливается стела с изображением герба города и текстом указа о присвоении этого

звания. В дальнейшем в городе проводятся публичные мероприятия и праздничные салюты 23 февраля, 9 Мая и в День города.

Памятные монеты выпускаются в соответствии с порядком издания указов Президента РФ о присвоении городам почётного звания «Город воинской славы».

В 2011 году было выпущено в обращение 8 монет достоинством 10 рублей из серии «Города воинской славы». Они посвящены городам: Белгород, Курск, Орёл, Владикавказ, Малгобек, Ржев, Елец и Ельня.

В 2012 году планируется выпуск ещё 8 монет из этой серии. Они будут посвящены городам: Воронеж, Луга, Полярный, Ростов-на-Дону, Туапсе, Великие Луки, Великий Новгород и Дмитров.

На 2013 год также запланирован выпуск 8 монет, посвящённых городам: Вязьма, Кронштадт, Наро-Фоминск, Псков, Козельск, Архангельск, Волоколамск и Брянск.

Сергей ФАЛИН

Скорбящая мать (Белгород)

КНИЖНЫЙ РЯД

Победа не любой ценой

Эту книгу написал человек, которому от лейтенанта до майора, кавалера четырёх боевых орденов, выпало служить в 8-м отдельном штрафном офицерском батальоне 1-го Белорусского фронта.

«Беседовавший со мной майор, — вспоминает Пыльцын, — был в полшубке и, несмотря на жарко натопленную комнату, затянут ремнями, будто каждую секунду был готов к любым действиям. Лицо его с заметно повреждённой сверху раковиной формой уха было почти до черноты обветренным. Просмотрев моё ещё тощее личное дело и задав несколько вопросов о семье, об училище и о здоровье, он вдруг сказал: «Мне всё ясно. Пойдёшь, лейтенант, к нам в штрафбат!» Кажется, заикаясь от неожиданности, я спросил: «З-з-з-а что?» И в ответ услышал: «Неправильно задаёшь вопрос, лейтенант. Не за что, а зачем. Будешь командовать штрафниками, помогать им искупать вину перед Родиной. И твои знания, и хорошая закалка для этого пригодятся. На сборы тебе полчас».

Командовал 8-м ОШБ с момента его формирования и до августа 1944 г. полковник Аркадий Осипов. В памяти Пыльцына, немало повидавшего за сорок лет службы, Осипов остался эталоном командира, образом офицера. Уравновешенный, немногословный и спокойный в любой ситуации, осмотрительный и расчётливый в тактике, он из всех возможных решений выбирал то, которое позволяло выполнить задачу при меньших потерях. Военный талант Осипова особенно зримо проявился при

освобождении родного ему Рогачева (там Пыльцын принял боевое крещение). О дерзком рейде штрафбата по тылам противника рассказал в своих мемуарах генерал армии Александр Горбатов, командовавший в то время 3-й армией. Правда, назвал он 8-й ОШБ отрядом лыжников. Вспоминая об отчаянном рейде в обход Рогачева, Пыльцын подчёркивает, что командарм Горбатов слово, данное штрафникам, сдержал: все участники боя были восстановлены в званиях, а многие удостоены орденов и медалей. «И никаких заградотрядов, о чём многие хулиатели нашей военной истории говорят и пишут, — подчёркивает автор, — не было, а была вера в то, что эти бывшие офицеры, хотя и провинившиеся в чём-то перед Родиной, остались честными советскими людьми и готовы своей отвагой и героизмом искупить вину, которую, надо сказать, в основе своей они осознавали полностью».

Люди в перенменном составе ОШБ были разные. Это такой же юный, как Пыльцын, лейтенант, который, гоня по селу трофейный мотоцикл, сбил и покатил подростка. Это инженер-майор, негодяй, чинивший сексуальные надругательства над подчинёнными девушками-солдатами. Это капитан-лейтенант с Северного флота, который, блестяще зная немецкий язык, поймал по рации и, не думая о последствиях, перевёл речь Геббельса. Это лётчик, кавалер трёх орденов. Возглавляя группу, перегонявшую с завода новые самолёты, он решил на маршруте сложный пи-

лотаж. Один из молодых пилотов разбился. Этот лётчик-штрафник овладел всем оружием штрафбата, показал себя универсальным пехотинцем, за мужество в бою был представлен к званию Героя Советского Союза. Но получил лишь орден.

Штрафников, кстати, часто награждали орденом Славы III степени, что радовало не всех. Ведь этот орден на груди майора, подполковника рождал вопросы: в сухопутных войсках им награждали только рядовых и сержантов. Зато медаль «За отвагу» и для офицеров постоянного состава, и для штрафников была желанной.

Полтора года прослужил дальневосточник Саша Пыльцын в 8-м ОШБ. После подрыва на mine поймал вскоре пулю, да так, что извлечь её, бродившую по телу, сумели только после войны. При форсировании Одер другая пуля ударила в правый висок. Замертво рухнувшего в воду командира штрафники выловили и вместе с другими ранеными погрузили в десантную лодку. Утлое судёнышко течением прибило к острову, где, к счастью, были уже свои. Казалось бы, не был Пыльцын заговоренным. Но... Однажды пуля сбила его с ног, он увидел дырочку в голенище, а крови не нашупал. Оказалось, что кусочек свинца, уже на излёте, приняла ложка из нежравейки. В другом случае ординарец помог подтянуть ремень автомата, чтобы диск меньше колотил по груди. А спустя четверть часа ППШ содрогнулся от удара: осколок оставил в металле глубокую вмятину. Будь автомат в прежнем положении — и... Заго-

Пыльцын А.В. **Штрафбат в бою. От Сталинграда до Берлина без заградотрядов.** — М.: Вече, 2012. — 592 с. — 3000 экз.

ворённым от пуль Александр не был, везучим — несомненно.

В 21 год Пыльцын носил погоны майора, два ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны II степени, Красного Знамени и ту самую, особо почитаемую медаль — «За отвагу». А ещё имел выслугу почти в 10 лет: для офицеров постоянного состава штрафбатов день числили за шесть.

После войны Александр Васильевич окончил Военную академию тыла и транспорта, ещё носившую имя Л. Кагановича, служил в воздушно-десантных войсках, совершая ежегодно несколько десятков прыжков с парашютом, был заместителем начальника военного училища в Уссурийске, начальником военной кафедры в Харьковском автомобильном институте. И все эти годы рядом с ним была Маргарита Пыльцына, жена, тоже служившая в звании старшего сержанта в 8-м ОШБ. Это, кажется, единственная наша соотечественница, которой в порядке исключения на уровне командующего фронтом разрешили вытаскивать раненых штрафников с поля боя. В других штрафных частях этим занимались санитары-мужчины.

Софья АНДРЕЕВА

Балтийская трагедия жизни

Роман рассказывает о драматических событиях на датском острове Борнхольм в юго-западной части Балтийского моря. Возможно, что именно его имел в виду Александр Пушкин:

*Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...*
(«Сказка о царе Салтане», 1831 год)

Но на самом деле этот остров попал в отечественную историю благодаря событиям, которые развернулись здесь в самом конце Второй мировой войны — Борнхольмском десанте (9 мая 1945-го). Это десантная операция советского Балтийского флота и войск 2-го Белорусского фронта по освобождению датского острова Борнхольм от немецко-фашистских войск. В 1945 году немецкое командование использовало этот датский остров в Балтийском море как перевалочную базу при эвакуации своих войск из Курляндского котла, Данцигской бухты и прихвачен к морю разрозненных группировок в Восточной Пруссии. Немцы считали, что лучше попасть в плен к англичанам, освобождавшим Данию, чем к русским. Так что на острове находились примерно десять тысяч деморализованных немецких солдат и офицеров, а также какое-то количество гражданских беженцев из Восточной Пруссии и Померании.

Главные герои романа — капитан Сергей Фотинёв, старший лейтенант Павел Котинюшин, бывший власовец Леонид Соматин и девушка Хелен (Елена Ведяницкая) — дочь врангелевского офицера, расстрелянного большевиками в Севастополе.

На протяжении всего романа происходит переосмысление взглядов советских солдат.

Могунов П. Мимо острова Буяна: Исторический роман. — М.: Издательство «Альманах Путешествий», 2011. — 432 с. — 2000 экз.

Итог печален — «судила старшего лейтенанта «особая тройка»: не люди, а роботы для штамповки приговоров. Судили по законам военного времени».

Капитан Фотинёв, отважный офицер, три с лишним года защищавший свою Родину, награждённый орденом и медалями, дважды раненный и чуть не погибший уже после войны на чужом острове. Он не жалел себя и потерял на этой войне всю семью в блокаду Ленинграда, был заочно осуждён военным трибуналом, разжалован, лишён боевых наград и осуждён на 15 лет лагерей за измену Родине. Бежал и получил политическое убежище в Дании.

«Сергей и Хелен полюбили друг друга... В их доме в Копенгагене на видном месте всегда стояли рядом две фотографии. На одной был изображён храбрый подпоручик Русской армии, на другой — молодой мужчина в форме старшего лейтенанта Советской армии. Он широко улыбался, сидя на камне, на берегу острова Борнхольм».

В Центральном доме журналиста прошла презентация книги, в которой участвовали историки, писатели, журналисты. Прозвучали разные мнения о книге, которая представляет несомненный интерес.

Александр ТИМОФЕЕВ

ЮБИЛЕЯ

Юрий Горобец: Искусство созидать

Писать об актёре уровня Юрия Горобца трудно, потому что человек такого масштаба, таланта, такой богатой на творческие свершения судьбы — явление, которому не требуются ни дифирамбы, ни критика, как не нужна похвала или критика дождю или ветру. Сравнение с природой неслучайно — стоит увидеть Юрия Горобца на сцене, как сразу понимаешь стихийность его таланта, монолитность натуры, его существование в роли. На сцене актёр «старой школы», которая учила не играть, а *быть* и со своим героем жить и умирать, любить и страдать и каждый раз, уходя с подмостков, оставлять в душе зрителя частичку себя.

В антракте спектакля «Васса Железнова» можно часто услышать, как зрители говорят о Юрии Горобце, и многие приходят посмотреть именно на его игру, хотя роль у Юрия Васильевича эпизодическая, лишённая напыщенных сценических эффектов.

Можно долго говорить о мастерстве актёра, о его опыте, о чувстве темпоритмики, о том, что в каждой своей роли он играет сразу несколько состояний, проживает несколько жизней, но сказать важно другое. В персонажах Юрия Горобца мы видим эпоху, судьбы тысяч людей, и в этом и есть магия театра, и она поражает, привлекает внимание зрителя.

Наполненная внутренними противоречиями, надломленная, но не сломавшаяся фигура Железнова — одна из сильнейших ролей. От игры Т.В. Дорониной и Ю.В. Горобца невозможно оторваться. Здесь столкновение не только двух личностей, но и погружение в отношения всех людей эпохи, описанной М. Горьким. Своей ролью Железнова Горобец воплощает весь предшествующий опыт жизни и то, что последует уже после самоубийства, и трагический финал всей пьесы, и всего уклада жизни дореволюционной России.

Когда многие сегодня с презрением говорят о школе Станиславского как об устаревшей, часто забывают о том, что школа эта — единственная на данный момент всеобъемлющая система, охватывающая все аспекты актёрского творчества, и только с её помощью актёр может в полной мере воплотить образ, созданный драматургом.

Такой подход к работе требует титанических усилий, актёру необходимо напряжение всех физических, умственных и духовных сил, и образы, которые артист создаёт на сцене, влияют и на его собственную жизнь, работа над ролью не прекращается.

А ведь юный Юра не хотел играть в театре. Его тянуло в небо, и он посещал аэроклуб. Однажды друг пригласил его в драмкружок, и эта жизнь полюбилась мечтательному юноше Юре Горобцу.

«...в детстве я страшно заикался. Настолько, что в школе отвечал только письменно. Моё заикание терпел только один приятель, который занимался в драмкружке. И вот однажды он взял меня с собой в клуб на репетицию чеховской «Ведьмы». Так случилось, что не явился один артист, и меня попросили выйти на сцену вместо него. Мне предстояло произнести всего одну фразу: «Пурга кончилась, пора бы и в путь, барин». Затем я должен был взять чемодан и уйти за кулисы. Я решил: будь что будет! Вышел на сцену и совершенно неожиданно для себя ясно и чётко произнёс слова роли. Верите, я просто обалдел. После этого мне стали давать роли и в других спектаклях. Вот тогда и зародилась мечта стать актёром...»

Очень часто, говоря об актёре Горобце, его коллеги употребляют слово «созидатель». В его доме, наполненном замечательными работами по дереву и кости, которым Юрий Васильевич посвящает свободное время, понимаешь это особенно ясно.

«Это похоже на вирус — ты видишь человека на странице книги или встречаешь его на улице и уже не можешь забыть о нём, живёшь вместе с ним, вместе с ним думаешь, и этот процесс не заканчивается никогда, чем бы ты ни занимался, что бы ни делал в быту».

Зритель видит актёра на сцене, а работа над ролью, то, как он находит правильное воплощение образа, его «творческая кухня» остаются ему неизвестными. Театр — живой организм, в котором решительно всё имеет значение: и атмосфера в зрительном зале, и атмосфера в труппе, коллективе театра. Каждый человек, работающий в стенах МХАТ им. М. Горького, вносит свою лепту в создание спектакля, будь то актёр или простой осветитель. Юрий Васильевич, понимая это, является одним из связующих звеньев, тем самым «клеем», который соединяет всех вместе.

Персонажи великого русского драматурга А.Н. Островского в послужном списке Юрия Горобца занимают особое место. Бодаев в замечательной постановке Т.В. Дорониной «Лес» — воплощение худшего из представителей старого русского дворянства, Крутицкий из спектакля «На всякого мудреца довольно простоты» — яркий образ сановной косности. Образ Юсова, сыгранный Юрием Горобцом в постановке Т.В. Дорониной по пьесе «Доходное место», надолго запомнился театральному сообществу Москвы и всей России. Образ продажного чиновника, знавший великих исполнителей, в воплощении Горобца заиграл яркими современными красками, стал ультрасовременен, при этом не теряя историчности.

Отдельный разговор — режиссёрские работы Юрия Васильевича. Не каждый актёр способен заниматься режиссурой, как и не каждый режиссёр способен выходить на сцену, но сочетание актёрского таланта и режиссёрской проницательности органично созидательной натуры Юрия Горобца.

«Я не строгий режиссёр, если под строгостью понимать деспотизм, самодурство. Самое главное в театре — коллектив, компания. Только в дружеской, благоприятной атмосфере рождается творчество, даже если постороннему человеку кажется, что творится полный кавардак. Но, как и в повседневной жизни, один человек может испортить всё. Главное, что я требую от актёров, — любить людей, любить своё дело. Если актёр не понимает, зачем он пришёл на репетицию, он для меня перестаёт существовать. Самоотдача, погружённость в работу, трудолюбие — вот что я больше всего ценю в актёре, к чему стремлюсь и что требую от других».

Горобец-режиссёр обращается к часто не модным, но актуальным темам. Спектакль «Незримый друг», созданный по пьесе Ю. Осноса, — один из спектаклей, в котором российская общественность нуждалась остро, как в глотке свежего воздуха.

Спектакль, основанный на переписке П.И. Чайковского и Надежды фон Мекк, был поставлен в то время, когда со страниц жёлтой прессы на гениального русского композитора было вылито столько помоев и многие забыли о том, что именно он заявил о русской музыке всему миру. Он с успехом многие годы идёт на Малой сцене МХАТ им. М. Горького.

Более 200 ролей в театре и кино — послужной список, которым может похвастаться не каждый актёр. Персонажи Юрия Горобца в кино разнообразны, и часто трудно поверить, что всех их воплотил один актёр. «Исправленному верить», «Выстрел в тумане», «У твоего порога», «Прыжок на заре», «Человек меняет кожу», «Последняя жертва», «Версия», «Старая крепость», «Хождение по мукам», и это далеко не полный список. За исполнение ролей Батьки в фильме «Батька» и Павла в фильме «Время её сыновей» артист награждён дипломами всесоюзных фестивалей как исполнитель лучшей мужской роли. За картину «Люди на болоте» присуждена Государственная премия СССР.

Крепкий творческий и семейный союз Юрия Горобца и его жены, замечательной актрисы Тамары Лякиной — большая редкость сегодня среди людей творческих профессий. Спектакль «Старомодная комедия», где они играют в паре, наполнен теплотой и взаимопониманием.

15 марта народному артисту России Юрию Васильевичу Горобцу исполнилось 80 лет. Эти долгие годы, наполненные тяжёлым трудом, не прошли даром. Навсегда останутся роли Юрия Васильевича в кино, никогда не забудутся его роли в театре. А зрители будут с нетерпением ждать новых ролей, новых режиссёрских работ Созидателя Юрия Горобца.

Кирилл ЯБЛОЧКИН

24 марта состоится благотворительный концерт народного артиста России Ю.В. Горобца. Всех почитателей таланта замечательного русского актёра приглашаем в МХАТ им. М. Горького на спектакль «Красавец-мужчина». Начало спектакля в 18.30.

Заказ билетов по телефонам: 629-81-65, 697-87-73.

ВЫСТАВКА

Экслибрисы Бориса Косульникова

Музей экслибриса Международного союза книголюбов (ул. Пушкинская, д. 7/5, стр. 2) давно сочетает пропаганду чтения с показом достижений станковой, книжной и малой графики, демонстрацией оригинальных книжных форм, малотиражных изданий, рукописных и миниатюрных книг.

За последние несколько лет здесь прошли выставки народного художника России, члена-корреспондента Академии художеств Ф.Д. Константинова, вице-президента Академии художеств России, народного художника СССР Д.С. Бисти, заслуженных художников России В.В. Перцова, В.Н. Лосина и др.

16 марта в музее открылась выставка известного художника станковой и книжной графики Бориса Михайловича Косульникова. Он относится к тем самобытным, оригинальным русским художникам старшего поколения, творчество которых зиждется на вековых достижениях академической школы. Прекрасный рисовальщик, прошедший через графическую мастерскую Суриковского института, где он занимался у Б.А. Дегтярёва, сохраняя верность реалистическому началу, создаёт свои композиции, достигая необыкновенной декоративности, экспрессии и выразительности.

Возможно, этим можно объяснить его любовь к искусству Древней Греции, выразившуюся в обширной серии станковых работ, созданных после посещения земли древней Эллады. Многочисленные графические листы включают в себя элементы узнаваемой античной культуры, имеют оригинальную режиссуру, отчего воспринимаются очень современно. Возвышенная одухотворённость и поэтичность этих работ роднят их с лирикой Сафо.

Участник многочисленных художественных выставок в России и за рубежом, Борис Михайлович оформил и проиллюстрировал более 300 книг для различных отечественных и зарубежных издательств. Причём каждая новая иллюстрационная серия стилистически не повторяет предыдущую, а является результатом поиска нового графического языка, органически близкого к тональности литературного повествования, исторической эпохе, своеобразию авторского замысла.

Среди работ, представленных в музее, иллюстрации к пересказу Гомера «Приключения Одиссея», пересказу Марка Твена «Янки при дворе короля Артура» и др. Особой утончённостью и поэтичностью выделяется цикл иллюстраций к повествованию Бориса Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский». Многолетний опыт работы в книге и высокий профессионализм позволили художнику почувствовать и передать колорит эпохи, в которой жил великий русский подвижник, святой, пафос и величие его духовного подвига. Утончённые, сложные и цельные композиции — значительное достижение мастера в области книжной иллюстрации. Надеюсь, что выставка работ Бориса Михайловича Косульникова будет с интересом принята ценителями и почитателями его таланта и явится приятным открытием для тех, кто зайдёт на огонёк в наш музей.

Валерий ПОКАТОВ, президент Российской ассоциации экслибриса

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

представляет:

книжная коллекция

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Новый том — в продаже каждую среду!

Соберите всю коллекцию из 45 томов!

Подробности на www.lgz.ru

Дорогие читатели, если вы не успели купить нужный вам том в киосках печати, то вы можете приобрести его по адресу: г. Москва, ул. Щепкина, д.47, стр. 1

Телефон для справок: (495) 688-80-78

Рудольф БАЛАНДИН

ПОЛИГОНЫ СМЕРТИ? СДЕЛАНО В СССР

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

99* руб. за одну книгу

с 21 марта

Эндрю СИНКЛЕР

МЕЧ И ГРААЛЬ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

99* руб. за одну книгу

с 28 марта

*Рекомендуемая цена во всех киосках печати Москвы и Московской области

«Когда вернусь в казанские снэга»

Александр РАДАШКЕВИЧ

НА СМЕРТЬ РАВИЛЯ

Ты был со мною в Лондоне спесивом и в Люксембургском вынутом саду, в сейдой Сибири, глазу гексахетам, где нам в глаза дышал живой Байкал, ты ел улиток в ветренном Париже; как снежный лотос на петном сребе в Баварии пригладной читали мы твою каталась голова: мей ты много датыше запылав. Мы глядили святую ежевику у михетской келии Нино и охали в пещерах Прометей, в Баварии пригладной читали мы бедошние стихи и плакали по Тале Кобенкову в своих отчаянных улах. Но дерица в ахнувшей груди вдруг распустилась нараспашку, и в изумрудном парадисе прогала белый минарет. «Земные прозники» — ты к ним подписал обещанного жизни послесловья, мой поздний друг, мой древний брат, присно и ныне неотторжимый ни в Лондоне твоём озябшем, ни в Люксембургском выцветшем саду. 24.1. 2012. Париже

ПОСВЯЩЕНИЕ

Лидия Григорьевой, Равилу Бухараеву

Когда б Равиль, когда бы Лада в Британии оплодье не обрелись (не путать с Цыганским, Датским иль Честного дуба), средь замных запятейных роз и раневых камелей в глизи своём постэммигрантском, когда б не Дельвиг с его букваликой антологической, то бить той самой буквалической дидалией его, то было б, верно, мне, как ранее, заранее в стране остропротинской сей оскаривающей, сырее и британистей, ну, словом, чайлд-гардидистей вполне, когда б не поверенный в пабе зль, а утром вновь — большой театр жизни, когда б не Филемон и не Бавкида, когда б не Лада, не Равиль.

Лидия ГРИГОРЬЕВА

Когда я буду умирать, а где и как, мне неизвестно, призываю на помощь ум и рать неисчислимых сил небесных,

неружно вспомню ерунду — обиды, горести, напасти, или тебя — в мой сад, воспламенённого от страсти?

И за пределом смертной мглы увижу след любовной лапы: огнём обуглены стволы, оплавлены цветы и травы.

Ни приукрасить, ни украсить — в былом пылу словеченья... Цена медведя — смерть и страсть, любви бессмертное свеченье.

28.10. 11

Житейских радостей забвеньи жёсткий жмых, запромыслительное зла столпотворенье...

А ты, грустнейший из печальников земных, своё мне посвятил стихотворенье.

Вот и прошли сороковины со дня кончины поэта, прозаика, драматурга, историографа и переводчика Равиля Бухараева. Эта публикация — своеобразный венок поэту, составленный из писем и стихов писателей, живущих в разных городах и странах. И, разумеется, голос самого Равиля продолжает звучать для всех, кто любил этого светлого человека и носителя высокого дара.

Валентин КУРБАТОВ

ЭТОТ ДЕНЬ

Этот день так уж и будет сиять для меня незыкатным светом.

Равиль с Лидией приехали из Питера в Псков в полдень. И мы торопились оживлением загорить первые минуты неловкости, потому что родить и выдесить прежде, но всё как-то «общественно» на людях, а тут впервые сходились одни. Ожидание было тем острее, что каждое слово было сразу любяще поверено сердцем, ведь я знал поэзию Лидии и прозу Равиля, и мы сразу торопились в сердлину мысли, словеню обнимались словами — точно ли мы угадали друг друга в письмах и текстах.

И скоро мы с Равилем, оставив Лидию отдохнуть, уже шли к Троице, Кузьме и Демьяну на Запсковье и к Богоявлению. И я ревниво перехватывал его взгляды: как он видит мой город не только после Казани и Питера (это-то я мог предположить), а и после Лондона, Парижа, Сиднея, Мадраса (так неостановимо был бег его книг). Одним камнями тут не возьмёшь. Слава богу, жизнь не подвела.

Мальчишки на плотине через Псковую у отеля Old State (а как же! ражные мы, что ли!) ныряли «солдатками» и, заметив нас на мосту, ждали, когда мы их «увидим», и весело летели вниз. И, вынырнув, опять искали нас: видели ли? Видели! Видели! Вель это было это казанское летство и моё уральское. А у Гремячей башни в старой иве нал самой воллой вдруг ахнул соловей. И пошёл показывать весь репертуар! Я уж и укорил его: это ты для гостя стараешься? Своих бы утешал! Равиль засмеялся: да это он для вас — вот, мол, не подвожу, пусть знает, как наши умеют!

А к вечеру мы уже вторём были в Изборске. Сирень у Никольского храма на старом городище цвела с каким-то олушевлённым ликованием, тоже словно напояка: смотрите! смотрите! Это молодость лета, это Россия! Будто знала, что гости из Лондона. Тоже уж хотелось устыдиться: ну уж ты, матушка, как-то чувственно разгулялась. Поскромнее бы. А она: а-а, пускай видят!

И лебеди спешили к нам на Городищенском озере кильватерной колонной показав детей и самим показаться. И Словенские ключи сверкали под саящимся солнцем и поили живой водой. И она была святая для мусульманина Равиля и для православных меня и Лидии. И мне было так отрадно напомнить Равилю его «Дневники существования», а его призыв «осознать время, не останавливаясь, а продолжаясь, уметь не печалиться его ускользанием, а дилить первоначальную радость». И мне как-то таинственно на минуту приоткрылось чудо вселенной, о котором он теверил из книги в книгу, немое, но чудно слышное пограничные языков и душевных движений, кровей и вер, православного «извития словес» и исламского узора, святой каллиграфии, когда слово становится светом и ветром.

В такие часы не надо объяснять высшей небесной правды, в которой нет ни эллина, ни иудея, ни мусульманина, ни православного, ни Иеговы, ни Аллаха, а есть вселенная и вечность, где центр везде, а окружность нигде, о чём чеч

Равиль Бухараев и Лидия Григорьева

яние, равное жизни и смерти, нам ещё только предстоит увидеть и оценить его огромный вклад в общероссийскую культуру.

Алиде ЭМИРОВА

ВСЕЕДИНСТВО СУЩЕГО

Когда вернусь в казанские снэга...

Равиль Бухараев

Суть ислама — всеобщая связь, единство, единение и воссоединение всего сущего, созданного Аллахом. Идея всеединства сущего пронизывает всё творчество Равиля Бухараева. Она являет себя во всеохватывающей, всеобъемлющей, глобальной ассоциативности его мышления, реализованной в богатстве и удивительном разнообразии созданных им изобразительных средств, прежде всего — метафор. Они сформированы на базе различных ассоциаций, мыслительных связей существа, подобия, единения и, следовательно, Единства. Метафоричность — сокровенная черта идеологии Равиля Бухараева. Она есть показатель всеобщей взаимосвязанности в мире, как отражение Единства Верховного Бытия. Именно так, через всеохватывающую метафоричность стили Равиля Бухараева, сублимировалась его великая вера в Создателя всего сущего.

Равиль Бухараев вернулся из своих международных странствий, как и прореквал пророчески, в «казанские снэга» — был похоронен в морозный солнечный день на старинном кладбище в Казани. И это тоже знак благоволения к нему Всевышнего. Служению которому он отдал последние десятилетия своей нелютой жизни.

СИМФЕРОПОЛЬ

Дула КУНИ

СВЕТ ПОЭЗИИ

Уход Равиля Бухараева — невосполнимая утрата не только для нашей культуры, но и для каждого из нас... Он ушёл в Саг... Но золотой свет его Поэзии останется с нами, как и добрая память о нём, сделавшем так много для торжества Добра и Света. Мы бессильны перед неотвратимостью рока. Но в наших силах просить у Всевышнего лучшей доли для дорогого всем нам человека. Будем молиться о нём...

ГРОЗНЫЙ

Хамид ИЗМАЙЛОВ

НЕРУССКИЕ ПОЭТЫ РОССИИ

Я знал Равиля почти тридцать с лишним лет. Я знал его юного, когда мы — «нерусские поэты России» — были молоды, амбициозны и толполюбны в своём провинциально-московском стремлении покорить бесконечные просторы советской литературы.

Он стал частью моей жизни. А к этому привыкаешь, как к чему-то привычно-обычному.

Привычка становится обыденностью, пока ты не потеряешь человека и вдруг поймёшь, что часть и твоей собственной жизни невосстановимо исчезла.

Но он-то был особенным, более того — выдающимся, редким человеком.

Недавно, ещё до его смерти, я перекладывал свою домашнюю библиотеку и с некоторой физической досадой (таскать тяжёлые тома с этажа на этаж), но в той же мере с огромной долей духовного восторга я обнаружил, сколько книг он написал и подарил мне.

Я хотел в шутку пожаловаться ему, говоря, как он заставил меня попотеть в тот день, но, увы...

Книги, о которых речь, были на русском, татарском, английском, венгерском языках.

Нет, не переведены, а написаны Равилем на этих языках. И каков разбор этих книг: от чистейших стихов до злободневной политологии, от глубокомысленной философии до блестящей прозы.

Он переиёл всё лучшее из татарской классической поэзии на английский язык, он опубликовал двухтомник «Ислам в России», составил венок сонетов на четырёх языках, впервые в истории организовал гастроли татарского театра в Лондоне, который привёз на показ его волшшебную сказку.

На протяжении 15 лет мы вместе работали в одном здании, в штаб-квартире Всемирной службы Би-би-си. Он работал в Русской службе, являясь, как говорят англичане, одним из её якорей, готовя в эфир лучшие передачи, наподобие знаменитой дискуссионной программы «Радиус».

Он был любим в этом здании, известном ещё и тем, что в нём работали в разное время знаменитые писатели — от Джорджа Оруэлла до Гайто Газданова. Он был одним из этой когорты.

Когда умирает друг, умирает часть самого тебя, твои сладкие или горькие воспоминания, ваше общее прошлое, беседы о книгах, которые вы пишете, бесконечные споры, которые никогда не кончатся, жалобы, смех, просто питье чая, обмен чем-то незначительным, телефонные звонки из шотланда, когда хочется поделиться чем-то, и планы, планы, планы...

Когда умирает друг, умираешь ты сам...

Наши общие друзья — Ак Вельсар из Стокгольма, Роллан Сейсенбаев из Алматы, Рустем Жангожа из Кизеа, Жан-Пьер Баллы из Парижа, Эркин Агзам из Ташкента — все опустошены этой печальной новостью. Такую невосполнимую пустоту он оставил в этом мире.

Я вспоминаю его стихотворение «Ицела», которое было о нём самом, о человеке, который так щедро отдавал себя этому миру, людям, жене Лиде, своей семье...

Без Равиля нам не будет хватать вкуса мёда в нашей жизни...

ЛОНДОН

Равиль БУХАРАЕВ

Зряше меня в усталости, в изнеможенье жли, Боже, пошли мне радости, хоть и не заснувши,

чтоб с головой повинной вспомнил, что я живой, прежде чем стану глиной, листьями и травой.

Боже, пошли мне радости светлой и задарма, чтобы, нузави праздности, я не искал ярма.

чтоб, не смущая взора, помнил, что тишина смерть: и в небесах — опоры, и под ногами — твердь.

Когда вернусь в казанские снэга, мы разглазим друг друга в свете Бога, и я пойму, о чём была дорога, и я пойму, зачем была дорога...

Мой мальчик, потеря ещё немного, пока вернусь в казанские снэга... Мне кажется, я за двоих живу. Мои глаза, промытые слезами, ещё не перестали быть глазами, и уши слышат словно наяву

твой голос — в Лондоне или Казани: мне кажется, я за двоих живу. С московской фотографии смеиной ты указуешь путь назад — в начала терзаний и предельств, мальчик мой.

Уже тогда в душе моей звучала казанская метель и намечалась заснеженный и выжженный путь домой... Но где наш дом? Давно кружит тура по-над странной в развалах буреломо; не различить ни друга, ни врага, дорога, как и прежде, незнакома, но знаю я, — ты, слава богу, дома, — когда иду в казанские снэга...

Опущина, как всегда, едва видна. Бог не надрезит нас чужою ношей. Твои надежды предава страна, но зряжь и кровь забелены порошей: снега — они сияют, мой хороший. Опущина, как всегда, едва видна.

Теперь один я делюсь страшей. Мне оклик твой с небес — порукую чести: я слышу от тебя скучные весты; но живы мы не порожь, а в месте, пусть один я делюсь страшей.

Когда в душе вздымается тура, когда со всех чужбин в святые дали зовут меня казанские снэга, я знаю — как и ты, снесу едва ли всю эту ложь, но сладко и в опале, когда зовут казанские снэга.

За неизбавный, неровный непокой, несклад и небыль, невидаль и несеть уже сполна заплачено тоской. Былою не обмешать, мечтат и куролесить, во сне твоих волос коснусь рукой... Уже не так дога моя дорога. Когда-нибудь, мальчик, когда-нибудь мы разглазим друг друга в свете Бога. Бёе было — горе, счастье и тревога... В казанские снэга ложится путь.

12 декабря 2003

Раздача слонов

Стоило редакции «ЛГ» объявить в сентябре прошлого года конкурс стихотворной сатиры «Политпиит», как мы поняли, что разбудили вулкан. Поэты присылали произведения по электронной почте, по обычной, приносили в редакцию лично, передавали с оказией. За «отчётный период» было опубликовано свыше 70 произведений сорока авторов. Но вот наступила середина марта. Конкурс окончен. Теперь, после выборов президента страны, жюри «Политпиита» предстояла более трудная задача: выбор лауреата. Обсуждение велось не один вечер, члены жюри спорили до хрипоты, с пенной у рта доказывали свою правоту, доходило до взаимных оскорблений и одностороннего мордобоя. И всё же как люди глубоко интеллигентные мы, разумеется, пришли к консенсусу. В конце концов все согласились, что лауреатом достоин стать московский поэт **Юрий ГРИНЬКО** за публикации в № 37 прошлого года, № 1–2 и № 6 нынешнего. Поздравляя победителя, в качестве бонуса публикуем его новые стихи.

Юрий ГРИНЬКО

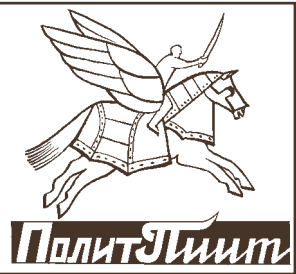

ПО СОСЕДСТВУ СО СКОЛКОВО

Живу себе отшельником на даче, Роднёю и коллегами забыт. Решаю многотрудные задачи, Которые подбрасывает быт...

Во-первых, в доме нету туалета, — Нужду справлять приходится в кустах. Само собою — ни воды, ни света. Ближайший магазин в пяти верстах...

И что-то изменить здесь — я бессилён, Надежды ни малейшей на успех... — Да, бедновато мы живём в России. Зато духовно мы богаче всех!

Мир потрясён угрозой новой, На биржах — паника non stop: На — днях Республика Молдова

Все там будем? Не скажи! Верить в это — аморально. ...Я намерен вечно жить! Всё пока идёт нормально.

Вы обозвали меня лохом И прочими словами колкими... Согласен: я проспал эпоху. Но знали б вы, с какими тёлками!!!

Что в столицах, что в Перми Истари ведётся: Сколько гостей ни корми, Всё равно напьётся...

ДЕБЮТАНТЫ «КЛУБА ДС»

Предлагаем читателям образцы невыдуманных рассказов. Оба случая произошли ещё в те достопамятные времена, когда полиция называлась всего лишь милицией. Нужно ли добавлять, что нерадивые сотрудники, о которых здесь идёт речь, переаттестацию не прошли. (В отличие от автора.)

Ворам «праздничных» не платят

У оперуполномоченных уголовного розыска день ненормированный: по нераскрытым преступлениям приходится задерживать допоздна — даже в выходные и праздники. И вот 31 декабря Алексей Л. спешил домой: ведь до Нового года оставалось чуть более часа. Вдруг в глухом переулке он заметил, как двое мужиков вытаскивают из окна дома что-то тяжёлое. Хоть и торопился опер, но пройти мимо грабителей не смог. Задержать он их задержал, но как доставить двоих

в отделение? Решил вести по очереди.

Одного вора пристегнул наручниками к батарее в обворованном только что офисе, а второго повёл в милицию, куда они прибыли без десяти двенадцать. Едва успели запереть задержанного в камере, как наступил Новый год. Лёху усадили за праздничный стол, и застолье продолжалось долго...

О втором воришке вспомнили лишь второго января. Вряд ли он когда-либо так радовался приезду милиции...

Опасная промашка

Обычно в милиции проблема с помещением — поэтому сотрудникам приходится ютиться по несколько человек в кабинете.

Как-то в одном кабинете уголовного розыска сидели трое сыщиков и каждый делал своё дело: один готовил себе чай, второй — чистил пистолет, а третий — «колот» вора.

Когда второй опер закончил чистить оружие и собрался было его убрать, рецдивист изловчился и, выхватив пистолет, объявил, что захватывает их заложниками. Сразу же выдвинул свои требования.

Не растерялся только мили-

ционер, готовивший чай. Он и не подумал вставать к стене, а радостно объявил новоявленному террористу:

— Ну вот ты и попался на живца — пистолет-то не заряжен! За это ты получишь больше, чем за свои кражи!

Опер посмеялся над воров, как тот глупо купился, и забрал оружие. Бедняга даже не догадался его проверить — на самом деле пистолет был заряжен.

Испугавшись, что его ждёт за попытку захвата заложников, бандит миглом сознался в совершенных преступлениях. Так что промашка обернулась по пользу.

Андрей ОБЪЕДКОВ, майор полиции

ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ

Многогранный зайчик

В каждом жанре существуют книги, которые с момента своего появления становятся культовыми. Коллегам автора они являют предмет для подражания. Именно к таким можно отнести сборник пародий Юрия Левитанского «Сюжет с вариантами» (М.: Время, 2012).

Первый раз эта книга издавалась в 1978 году и пользовалась тогда бешеным успехом. «Сюжет» здесь — канонический текст «Сказания о зайце». Да, да, о том самом: «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять». «Варианты» — как эту историю рассказали бы наши известные поэты.

Хорошо разбираясь в тонкостях стихосложения, Юрий Левитанский мог и уловить и воспроизвести отличительные черты каждого субъекта пародий — и в какой стилистике они пишут, и как думают.

В вышедшем сборнике читатели опять увидят великолепные шаржи Виктора Алёшина, прочитают и знакомые пародии, и те, которые не были включены в первое издание, как, например, «Сороковые-роковые» — пародия на стихи Давида Самойлова:

Сороковые-роковые, военные и тыловые, где все вопросы половые решали мы, как таковые. Это я, Самойлов Дезик, а этот рядом — Случий Боба, и рыжие мы с Бобой оба, и свой у каждого обрезик. И я обрезик вынимаю и прямо в зайчика стреляю, и паф, и паф, и ой-е-ёй, и едем с Бобой мы домой.

Сороковые-роковые, поэты были каковые, не то, что нынешнее племя — Ошанины и Островые.

СВЕЖИЕ МЕМУАРЫ

— Ты можешь мне помочь приобрести мебель? — спросил мой знакомый Юра по телефону из Еревана.

— Попробую, — ответил я из Москвы, где в то время учился в институте.

Были это 60-е годы, и с товарами, как и с продуктами, имелась бесконечные проблемы.

Мебель для Юры я достал, отправил в Ереван, и все были довольны.

В то время я каждый год три-четыре раза летал в Ереван. И каждый раз, прилетая, встречался с Юрой и его товарищами, которые меня прекрасно принимали: шашлыки, сауна, загородные пикники и т.д.

Однажды, в очередной визит в Ереван, я решил, что теперь моя очередь угостить, и пригласил Юру в ресторан.

Юра работал в продовольственном магазине, и мы договорились с ним встретиться часиков в восемнадцать и поехать куда-нибудь посидеть-поесть-выпить... У меня на это «мероприятие» было восемьдесят рублей. Для того времени это была солидная сумма.

— Куда поедем? — спросил я у Юры, когда мы сели в его машину.

— Давай съездим в Гегард. Там хороший ресторан и готовят очень вкусно.

— Давай! — согласился я.

Гегард — монастырский комплекс, уникальное архитектурное сооружение, основанное в четвёртом веке, расположен в ущелье горной реки Азат и находится примерно в сорока километрах от Еревана. И там действительно есть прекрасный ресторан, где вкусно готовят. Итак, в путь!

— Давай по дороге возьмём ещё и Размика, — предложил Юра.

— Не против, — ответил я, решив, что восемьдесят рублей на троих нам хватит.

Мы заехали за Размиком.

— Гарник приглашает нас в ресторан, поедем в Гегард, — сказал Юра Размику.

— Это святое, — ответил Размик и добавил: — Если Гарник не против, давайте возьмём и Вартана. А?

— А почему бы и нет, — согласился я, подумав, что восемьдесят рублей может и хватить на всех.

И мы на двух машинах двинулись к дому Вартана, который оказался дома.

— Вартан, Гарник нас приглашает в ресторан, поедем в Гегард, немножко посидим. Ты не против? — спросил Юра.

— Разве от такого святого предложения можно отказаться? — ответил Вар-

ОБНАЖЁНКА «КЛУБА ДС»

Василий АЛЕКСАНДРОВ

Константин КАЗАНЧЕВ

Сергей ДЕРЖАКОВ

Официант, счёт!

тан и добавил: — А что если мы Норика тоже возьмём с собой? Будет весело! Что скажешь, Гарник-джан?

— А почему нет? — бодро согласился я, подумав о таковых возможностях своих восьмидесяти рублей.

Мы заехали за Нориком, который, в свою очередь, предложил взять ещё и Сурена.

Сурен — это особая статья!

— Сурен, наш московский друг Гарник приглашает в ресторан. Едем в Гегард. Присоединись к нам.

— С удовольствием, — сказал Сурен и сел к нам в машину!

Итак, на двух машинах едем мы в Гегард, в ресторан, куда я их пригласил: я, Юра, Размик, Вартан, Норик, Сурен...

По дороге я лихорадочно думаю: если в магазине коньяк стоит 4 рубля 12 копеек, то сколько будет стоить в ресторане? Это если трёхзвездочный, а если ребята захотят марочные коньяки, что вполне разумно? А сколько стоит порция шашлыка? А если захотят поесть ещё и кюфты или форежь, что вполне разумно? Складывая приблизительно стоимости блюд и выпивки, я очень скоро сбился со счёта и даже не заметил, что мы уже в Гегарде, у ресторана.

Мы дружно вошли в помещение.

Метрдотель и официанты приняли Сурена с его друзьями и меня с восторгом. Все подружились, здоровались, а Сурену ещё целовали руку. Прямо как священнослужителю, хотя он не был священником и даже нигде не работал.

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Культурная контрреволюция

В деву красоты небесной, в тирсиге, с наkolкой сложной, раз влюбился представитель субкультуры молодёжной.

Он ей тоже приглянулся, и пошл у них амуры. Но к другой принадлежала дева ветви субкультуры.

И любовь их заклемили, как измену и разазу, представители друице субкультур обеих сразу.

Их подвергли остракизму, и бойкоту, и игнору; лишь анафеме не стали, убоявшись перебору.

Злобных прессинга и травли две не вынесли натуры, и ушли они, обнявшись, в лоно третьей субкультуры.

Панки, рокеры и эмо, фрикси, рэперы и готы! Что все ваши субкультуры перед голосом Природы!

Мать, она, родная наша, мы её балбесы-дети — геймеры, болжми, Адонки, иети,

адвентисты, чукчи, фуэрри, трейсеры, дайверы, толкиенисты,

экстрасенсы, хиппи, яппи и эксгибиционисты.

Если вечный зов однажды на заре тебя забудит, делай то, что он прикажет, а иначе хуже будет.

Позабудь про субкультуру, да и просто про культуру, и инстинкту основному предоставь свою натуру.

И природа-мать по головке своё чадо, ибо сделала ты, как надо, и не сделала, как не надо.

Сергей САТИН

ТУРИЗМ

Просто работать хорошо

В туризме заговорили о системном кризисе...

На самом деле проблем, требующих решения, накопилось немало.

Но есть один простой принцип, выручающий во все времена во всех ситуациях: стараться работать хорошо.

И те, кто его исповедует, не теряют клиентов, а наращивают их число, находят способы в любых условиях полностью отвечать перед своими туристами за принятые на себя обязательства и безупречно организовывать их путешествия. Я имею в виду прежде всего давнего делового партнёра нашей газеты — компанию «Тартус-Тур». У них есть своя специализация — речные круизы по миру, и в ней они — безупречные профессионалы. Те, кто плавал, ходил с ними по рекам Европы, Рейну, Майну, Эльбе, Одеру, Дунаю, Роне или Сене, наверняка подтвердят, что лучшие таких путешествий быть не может. Здесь сочетание идеального отдыха и огромного разнообразия впечатлений, комфорта лучших мировых круизных судов и высочайшего уровня сервиса, безупречной заботы о каждом туристе и абсолютной гарантированности всех составляющих по-

ездок. Классика отечественного туризма!

Это «Тартус-тур» одним из первых стал фрахтовать суда специально для российских туристов, русские группы в международных рейсах — само собой; это они сделали свои новогодние, майские, осенние круизы традиционными и фирменными.

А устанавливая со своими туристами постоянные, долговременные отношения, — здесь почти все, кто хоть раз попробовал их путешествия, как правило, снова и снова к ним возвращаются, — они всё время совершенствуют и видоизменяют маршруты, придумывают что-нибудь новенькое, ищут индивидуальные подходы к каждому туристу.

Диву даёшься, как управляют с такой огромной работой всего-то две скромные красивые женщины в Москве: директор фирмы — Любовь Романова и её заместитель — Татьяна Петрова; конечно, у них много деловых партнёров, круизы — дело многотрудное, но отбор их, ответственность за них умеют брать на себя всего две женщины, потому что они — безупречные профессионалы. И им доверяют. У них невозможны никакие

«пирамиды», всё прозрачно, в том числе расчёты стоимости поездок, включающие собственную круиз, дорогу к нему, автобусные экскурсии, визу, трансферты, по желанию туристов — докруизные и послекруизные программы,

Москва, 2-я Тверская-Ямская, 18, оф. 201. Тел.: (495) 545-46-51, (499) 251-19-93. Ст. м. «Маяковская» cruiсе@tartustour.ru www.tartustour.ru

даже о полагающихся «чайных» пароходной службе они не забывают предупредить. Кстати, на сегодняшнем рынке и цены-то их кажутся не очень велики, они сопоставимы с поездкой в одну из стран, которую они прохоят, Австрию ли, Германию или Швейцарию, к примеру. Круиз же в любом из маршрутов захватывает обычно «букет» европейских стран.

А самое главное — каждое их предложение всегда таит в себе нечто неожиданное.

Уж, кажется, самый известный у нас маршрут — по Дунаю. Но среди новостей предстоящего сезона наряду с известными городами Вена—Будапешт—Линц—Пассау появились варианты: в одном из них более подробно можно попутешествовать по Венгрии с посещением старинной королевской столицы Эстергом, Калочы, Пушты — самых ярких национальных регионов старейшего государства Европы.

В другом, тоже дунайском, маршруте обильно представлены города и страны бывшей Югославии, Хорватия, где Вуковор, Осиек и Илок, Сербия с Белградом и Нови Садом. А уж Францию можно проплыть и по Роне, и по Сене: выбирайте, что вам интереснее: Париж—Вернон—Руан... или Лион—Арль—Авиньон...

В предлагаемых им программах — новые жанры: панорамное плавание, сценическое плавание... Это когда выдаётся редкий день на реке: теплоход несмешно плывёт, меняются по берегам немислимой красоты пейзажи, города и замки, в которых ты словно побывал, эффект огромных с пола до потолка французских окон, множество новой информации из

звучащего по радио текста экскурсовода — воистину театр!

На весну—лето—осень у «Тартус-Тур», как никогда, много разных предложений: и по Рейну снизу доверху через всю Германию с добавлением Франции, Швейцарии, стран Бенилюкса, Голландии. Со всем новым — по Португалии и реке Дору, где пока ещё звучащие экзотикой для уха наших туристов Порту... Пинья... Вилла-Нова-да-Гайя...

В маршрут попадает и испанское Вега-Террон с Севильей. И, уж конечно, ужин с фламенко, фольклорное шоу, дегустация вин, посещение старинного монастыря...

До «Тартус-Тур» пока ещё никто у нас не предлагал путешествие через Богемию и Чехию по Эльбе и Влтаве.

Впервые на российском рынке у них уже объявлено новогоднее предложение — совершить круиз через Вьетнам и Камбоджу по реке Меконг.

Голова кружится от предложений...

Просто для начала вам надо самим познакомиться с фирмой «Тартус-Тур» и её радушными хозяйками, а потом уж делать выбор.

Анна КУЗНЕЦОВА